

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 4 ЯНВАРЬ 1981

КОНФЕРЕНЦИЯ КОММ

В зале заседаний XXIV Московской городской партийной конференции.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 4 (2793)

24 ЯНВАРЯ 1981

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», «Огонек», 1981

Полное, единодушное одобрение советскими людьми ленинского курса Коммунистической партии с новой силой проявляется в огромном политическом и трудовом подъеме, вызванном подготовкой к XXVI съезду КПСС. В авангарде всенародной борьбы за осуществление планов партии идут трудящиеся столицы.

В обстановке монолитного единства вокруг КПСС, ее Центрального Комитета открылась 20 января в Москве, в Колонном зале Дома союзов, XXIV городская отчетно-выборная партийная конференция.

Бурными, продолжительными аплодисментами встретили делегаты товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Я. Пельше, М. А. Суслова, Н. А. Тихонова, Д. Ф. Устинова, К. У. Черненко, П. Н. Демичева, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, И. В. Капитонова, В. И. Долгих, М. В. Зимина, К. В. Русакова. Руководители Ком-

мунистической партии и Советского государства единодушно были избраны в состав президиума конференции. Здесь же представители партийных, советских и общественных организаций, ветераны революции, передовики и новаторы производства, деятели науки, культуры, военачальники.

Повестка дня конференции: отчет МГК партии и отчет ревизионной комиссии Московской городской организации КПСС, доклад о проекте ЦК КПСС к XXVI съезду партии «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года», выборы горкома КПСС и ревизионной комиссии, делегатов XXVI съезда партии.

С отчетным докладом Московского городского комитета партии выступил член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин.

УНИСТОВ СТОЛИЦЫ

СПЛАВ

предсъездовские раздумья

Академик
А. И. ЦЕЛИКОВ,
Герой
Социалистического Труда,
генеральный директор
Всесоюзного ордена Ленина
научно-исследовательского
и проектно-конструкторского
института металлургического
машиностроения,
отвечает на вопросы
корреспондента «Огонька»
Л. Лерова

— Читая и перечитывая проект Основных направлений, заглядывая в годы восьмидесятые, не можешь не задуматься над такой перспективой нашей экономики: на производство машин, станков, приборов люди будут затрачивать гораздо меньше живого труда, материалов, энергии, топлива. В этом плане наковы они, еще не использованные возможности?

— Да, здесь есть над чем задуматься. Проблема актуальная, она в ряду тех, что определяют наше поступательное движение вперед. И решений тут много. Но если говорить о главном, то следует вести речь о росте производительности труда, эффективности производства на основе стремительного развития научно-технического прогресса, максимально энергичного использования богатейшего экономического потенциала научно-технической революции, тех возможностей, которые открывает перед нами развитой социализм.

Темпы вооружения народного хозяйства новейшими, более эффективными средствами труда во

всех сферах — в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве и на транспорте — всегда были предметом забот партии и правительства. О них шел разговор на XXV съезде КПСС. Судя по проекту Основных направлений, этот вопрос будет в центре внимания партии и на ее XXVI съезде. Человеческий труд все более и более должен отступать на задний план перед машинами.

Что необходимо сделать, чтобы ускорить решение этой проблемы? Прежде всего более интенсивно развивать наше машиностроение. Между тем с высоты больших успехов этой отрасли следует отметить, что динамика ее развития еще недостаточна. Она не в состоянии удовлетворить возрастающие потребности народного хозяйства. Не говоря уже о том, что ее продукция является куда более выгодным предметом экспорта, чем сырье, — обстоятельство в наши дни немаловажное.

— Каковы же, на ваш взгляд, еще не освоенные пути интенсификации машиностроения?

— Вот некоторые из них. У нас не всегда принимают в расчет, сколь целесообразно сосредоточить изготовление однотипной продукции на специализированных предприятиях. Общеизвестно, что только там экономически выгодно применять автоматические системы машин или их линий, где выпускают в больших количествах одинаковое изделие. Здесь весь процесс производства, начиная от склада исходных материалов до склада готовых изделий, может быть организован на основе самых современных средств автоматизации. Тут полностью исключен человеческий труд. Широкое применение такого рода автоматических линий во всех отраслях народного хозяйства, и особенно в машиностроении и пищевой промышленности, должно стать генеральным направлением в борьбе за рост производительности труда.

Но, к сожалению, в этой сфере мы еще отстаем. Одна из главных причин — рассредоточение производства одинаковых изделий между многими заводами. Особо остро это ощущается там, где выпускают товары широкого потребления. Это, в частности, справедливо отмечалось на страницах «Огонька», когда в ряде номеров шел разговор о «домашних наших помощниках»: о производстве холодильников, стиральных машин, пылесосов. Одно и то же изделие мелкими партиями поставляют десятки предприятий. В результате становятся невыгодными высокопроизводительные автоматические линии.

В машинах различного назначе-

ния, поступающих с предприятий разных министерств, имеется много деталей, узлов, почти одинаковых. Скажем, зубчатые передачи, шпиндели, муфты. На заре развития советского машиностроения по инициативе Г. К. Орджоникидзе у нас было организовано производство подшипников качения для всевозможных машин. Создание таких заводов на высоком для того времени техническом уровне сыграло огромную роль в индустриализации Советской страны. Массовость производства таких подшипников позволила весьма эффективно и широко запустить автоматические линии. Подшипники качения появились во многих машинах, что резко повысило их работоспособность. К сожалению, такой процесс укрупнения и централизации производства деталей и узлов общемашиностроительного применения на этом практически остановился.

Во многих машинах исключительный эффект дает гидрофикация — замена разных рычажных или зубчатых механизмов гидравлическими. Повышается маневренность машины, уменьшаются ее вес и габариты. Но, увы, специализированного производства гидроаппаратуры у нас нет, и каждое машиностроительное министерство, а их свыше десяти, вынуждено изготовление почти одинаковой гидроаппаратуры налаживать своими силами. Нетрудно представить, каков тут уровень производительности труда и капитальных затрат.

— Ведутся ли работы — я имею в виду плановые органы, ученых, министерства — по комплексной программе более рационального использования металла, топлива, энергии?

— Да, ведутся, и очень активно. Одно из эффективных направлений экономии металлов — это повышение инженерного уровня создаваемых машин. Комплексной программой намечено значительно увеличить их производительность и продолжительность сроков эксплуатации. Решение этих двух коренных проблем даст возможность повысить продуктивность труда и обеспечить народное хозяйство меньшим количеством машин, а следовательно, сократить затраты металла.

— Видимо, разговор будет более конкретным, если вы сошлетесь на научно-конструкторскую деятельность вашего института.

— Мы создали новую технологию непрерывных процессов обработки металлов давлением и одновременно сконструировали для этого автоматизированные машины. Особенность этих процессов состоит в том, что они резко снижают технологические отходы, повышают производительность труда в 5—10 раз и уменьшают удельные капитальные

затраты по сравнению с другими способами производства. Широкое применение этих процессов и машин, названных деталяпрокатными станами, предусматривается проектом Основных направлений. Об их эффективности можно судить по таким цифрам: в машиностроении они позволят ежегодно экономить свыше полумиллиона тонн проката. В одиннадцатой пятилетке Министерством тяжелого и транспортного машиностроения с участием других министерств будет налажено серийное изготовление малогабаритных деталяпрокатных станков.

Прокатка деталей машин — это в какой-то мере революция в машиностроении да и в металлургии. Вот посмотрите... (Александр Иванович обратил мое внимание на стоящее в углу его кабинета зубчатое колесо.) Испокон веков считалось да и сейчас считают у нас и на самых передовых заводах Запада, что образовывать зубья колеса можно только на металлорежущем станке. Допускаемая при этом большая потеря металла — пятнадцать процентов уходит в стружку — в расчет не берется. И вдруг открытие: теоретически и практически доказано, что такое колесо можно делать не фрезерованием, а прокаткой. Зубчатые валки выдавливают зубья на колесе, обод которого нагрет в индукционной печи. Резко повышается производительность труда, прочность зубьев, значительно сокращается расход металла. За эту работу группе ученых, инженеров нашего института была присуждена Ленинская премия. В группу лауреатов был включен и С. В. Воробьев — он был слесарем, когда стоял у истоков этого изобретения. Много лет назад он пришел ко мне и показал маленькое алюминиевое зубчатое колесо — это было первое зубчатое колесо, полученное прокаткой.

Первый стан для прокатки крупных зубчатых колес был установлен на Челябинском тракторном заводе. Сейчас там семь таких станков. Кроме того, два стана начали работать на ЗИЛе. Применение этого процесса будет распространено на многих заводах. Приходится сожалеть, что на КамАЗе предпочли традиционный, утвердившийся на Западе метод обработки деталей на станках.

— Выходит, что прокатные станы выносят существенные коррективы в установившийся стереотип машиностроения?

— Да, конечно. В одних случаях они должны заменить кузнечно-прессовые машины, в других — металлорежущие станки. И в обоих случаях — отчетливо выраженный эффект: тонны сэкономленного металла. И не только метал-

ла. Гораздо эффективнее можно использовать трудовые ресурсы — обстоятельство очень важное, учитывая демографические сложности.

— В каком направлении ведутся дальнейшие исследования, связанные с применением в металлургии процессов, позволяющих сократить расход металла?

— Известно, что, пока сталь станет деталью машины, она пройдет долгий и нелегкий путь всевозможных превращений. Его можно и должно сократить. Для получения одной тонны проката обычно у нас расходуют около 1300 килограммов стали, а вот на Новолипецком металлургическом заводе — 1100. Достигнуто это с помощью машин непрерывного литья стали, созданных «Уралмашем» в содружестве с нашим институтом, совместно с предприятиями тяжелого машиностроения и черной металлургии. Они снижают отходы металла на 10—20 процентов. При этом меняется традиционный способ производства: уже не нужны литые слитки в изложницы и прокатка этих слитков в полупродукт — блюмы и слэбы. Не надо тратить топливо на подогрев, вызванный этим переделом.

Разработанные институтом процессы прокатки медной и алюминиевой проволоки непосредственно из жидкого металла не только повышают в пять раз производительность труда и сокращают капитальные затраты, но и полностью исключают нагрев слитков перед прокаткой. Сейчас мы совместно с заводом имени Тевосяна в городе Электросталь работаем над этой проблемой применительно к производству стального проката.

СССР вышел на первое место в мире по выплавке чугуна и стали. И все же металла нам не хватает. Уделяя огромное внимание развитию черной металлургии, партия требует максимально бережливого отношения к металлу. К сожалению, далеко не везде и не всеми это требование принято близко к сердцу — на словах, конечно, все «за», а на деле?..

В постановлении ЦК КПСС, принятом в июне прошлого года, отмечалось, что «многие предприятия машиностроительных министерств продолжают выпускать неоправданно тяжеловесные тракторы, мостовые краны, автомобили, кузнечно-прессовые машины, экскаваторы и другие виды техники». Это наша беда. И очень серьезная. Одолевать ее нужно широким фронтом.

— Александр Иванович, вам как ученому, близкому к металлургии, приходится иметь дело с разными сплавами. Что еще мешает повышению стойкости, крепости, эффективности такого сплава, как сплав науки и производства? Когда вы только что говорили о широком фронте, я подумал именно об этом сплаве.

— Вокруг этого сплава много всяких проблем, решать которые нелегко. Хотя наш институт кое в чем и преуспел здесь. В упомянутом мною постановлении ЦК КПСС есть строки, которые вызвали у нас в институте чувство и радости и гордости. Вот они, эти строки: «Ученые Всесоюзного научно-исследовательского и проектно-конструкторского института металлургического машиностроения в содружестве с конструкторами

Уралмашзавода, Ново-Краматорского, Ждановского, Череповецкого металлургического и других заводов добились заметного снижения веса многих крупных машин и агрегатов».

— За этими строками, надо полагать, — тысячи и тысячи тонн сэкономленного металла. Мне довелось читать статью генерального директора объединения «Новокраматорский машиностроительный завод» Е. А. Мацегора, где он рассказывает о зримых плодах содружества с вашим институтом. Но, видимо, если исходить не из отдельных приятных примеров, то в целом по стране сплав, о котором мы ведем речь, не всегда оказывается достаточно крепким?

— Да, вы правы. Я бы сказал так: темпы научно-технического прогресса в нашей стране зачастую сдерживаются не отсутствием смелых открытий, дерзаний ученых, предлагающих перспективные разработки с весьма реальной эффективностью, а очень медленным освоением всего того нового, что «выдает на-гора» наука. У нас внедряется в производство лишь 25—30 процентов всех изобретений и открытий. Путь научной мысли от разработки до внедрения пока все еще тернист.

— Это болезнь застарелая. В начале тридцатых годов я работал в ленинградской комсомольской газете «Смена». Опираясь на поддержку ученых, горнома комсомола, газета вела длительную борьбу за внедрение десяти законченных научных работ. Я до сих пор помню поэтическую строку над одной из газетных полос, посвященных им: «Не терпит мертвых капиталов страна живых великих дел». Думается, что эти слова поэта не потеряли своей значимости и в наши дни.

— Да, к сожалению, новое, прогрессивное до сих пор пробивается на производство ценой больших усилий, одолевая ведомственные перегородки, а нередко и слабую экономическую заинтересованность промышленности, боязнь трудностей, связанных с освоением новой технологии.

— Вот парадокс, о котором сообщила «Правда». Завод «Амурсталь» отправил в Магадан листовую сталь, прокатанную с минусовым допуском. Естественно, что сталь была тоньше той, что указана в документах, но ГОСТу вполне соответствовала. Вот и радоваться бы магаданцам, благодарить металлургов за тонкую сталь, полученную путем ее непрерывной разливки, — отходов куда меньше. Однако магаданцы приняли сталь по весу и предъявили заводу иск за недопоставку. И Госарбитраж взыскал штраф с «Амурстали». Выходит, что заводу невыгодно экономить металл — гони тоннаж и не нажимай на непрерывную разливку стали.

— Да, во взаимоотношениях людей, осваивающих новую технологию, технику, представляющих при этом интересы различных ведомств, не все отрегулировано по части правовой, не все действующие инструкции помогают научно-техническому прогрессу, не говоря уже о системе морального и материального стимулирования. Здесь много еще недоделано. И, видимо, есть резон в предложении разработать общесоюзное законодательство о порядке внедрения в народное хозяйство законченных, бесспорно признанных ценными научных исследований.

У некоторых институтов есть свои опытные заводы. Это очень помогает делу. В принципе они сами в состоянии изготовить новейшие машины, опробовать на-

вую технологию. Но, к сожалению, мощность опытных заводов в сопоставлении с возможностями ученых, конструкторов ничтожно мала. А руководители иных предприятий, объединений, ратуя с трибун за научно-технический прогресс, находят множество «объективных причин», чтобы загрузить опытные производства изготовлением серийной продукции. Новая техника не представляет собой поданное на блюде нечто готовенькое, как это полагают директора иных предприятий. Требуются большие усилия, чтобы не только расчистить дорогу новому, но и научить людей бережно обращаться с этим новым, в частности с современными средствами автоматизации и механизации, с логическими системами управления, с автоматическими манипуляторами, о производстве и широком применении которых вынесено постановление ЦК КПСС. Из своей практики я мог бы привести много случаев, когда подобного рода системы автоматизации из-за неумелого обращения с ними выбрасываются и заменяются необученными людьми. Несколько лет тому назад в Москве, на Рязанском проспекте, был построен многоэтажный плодово-овощной склад. Вот и освоить бы работникам этого склада его механизацию и автоматизацию. Но они решили, что им проще заменить автоматику людьми, тем более что недостатка в них нет, их легко получить в близлежащих институтах и предприятиях.

— Значит, беда в том, что люди науки порой не встречают у людей производства должного понимания, готовности делать общее дело?

— Вы меня поняли однобоко. Мы говорим — союз науки и производства. Но в основе всякого союза — взаимность. Так вот, на счет взаимности... Темпы научно-технического прогресса зависят не только от качества новых машин, но и от свойств характера человека, причастного к этому прогрессу. В обществе зрелого социализма уделяется огромное внимание формированию личности, ее жизненной позиции, нравственных устоев. И здесь большие возможности ускорения научно-технического прогресса, повышения эффективности производства. Но, увы, не везде и не всегда мы используем их в должной мере. Многие руководители научных коллективов назовут вам внушительные цифры — число кандидатов и докторов наук. Армия научных работников в нашей стране действительно весьма велика. Но этим не всегда можно характеризовать успехи науки. Много диссертаций, на выполнение которых устремлены большие силы и средства, не находят соответствующего применения на производстве.

Недавно я встретился с инженером, работавшим когда-то заместителем Г. К. Орджоникидзе. На основании своего богатого опыта как строителя он четко сформулировал два главных требования к инженеру: без дерзаний, без риска нет движения вперед. Одного выполнения указаний вышестоящей организации недостаточно, надо уметь самостоятельно думать. Эти требования к творческой работе инжене-

ра и особенно конструктора обязательны. К сожалению, их трудно предъявить каждому инженеру. Приверженность к новой технике, несомненно, является врожденной чертой. Не каждый музыкант может быть композитором, не каждый директор НИИ или руководитель промышленного предприятия может быть создателем новой технологии, нового направления в производстве. Приходится сожалеть, что эти требования к ученому, к руководителю не всегда учитываются.

Личность в научно-техническом прогрессе имеет первостепенное значение. И среди многих критериев оценки личности ученого, инженера-конструктора я хотел бы особо отметить добросовестность. Мне приходилось встречать много изобретателей и научных работников, которые рассматривают свое изобретение или научное исследование как средство собственного возвышения. Замечено, что лучше всего иметь дело с научным сотрудником в пору, когда он находится, если так можно выразиться, в предзащитном или предпремиальном состоянии. В этот период он еще живет мечтой, надеждой открыть человечеству нечто такое, что до сих пор было неизвестно. И готов отдать этому весь жар души, все свои силы. Но вот получены ученая степень, Государственная премия, и интерес к делу зачастую теряется. Когда я говорил о неиспользованных возможностях нравственного порядка, я именно это имел в виду.

Один из самых сложных процессов в научной и конструкторской работе — это доведение новой технологии или машины до их применения на производстве. Между тем некоторые авторы интересных диссертаций, исследований считают, что воплощение в жизнь всего того нового, что предложено ими, — дело не их рук. А ведь на этом заключительном этапе встречается много трудностей. Этот этап необходим не только потому, что надо оправдать затраченные средства, но также и для того, чтобы объективно оценить эффективность открытия, изобретения. Недаром в мировой практике то или иное научно-техническое достижение обычно характеризуется словом «ноу-хау» (то есть know-how), что означает — знать существо явления и уметь применить его на практике. Умение ученых и инженеров доводить свою работу до ее использования на производстве и является основным условием успеха нашего института. Однако этот опыт, с моей точки зрения, еще слабо распространяется в других НИИ. В Комитете по Ленинским и Государственным премиям СССР придается большое значение конечным результатам, применению на практике как изобретения, так и новой технологии или машины. Хотелось, чтобы аналогичный подход к оценке диссертации был бы и в ВАКе.

Думается, что все это в конечном итоге имеет прямое отношение к тем проблемам, о которых мы беседовали, проблемам, к быстрейшему решению которых призывает нас проект ЦК КПСС к XXVI съезду партии.

Сальвадор в огне восстания

В Сальвадоре льется кровь. Сальвадор в огне. К этой самой маленькой республике Центральной Америки приковано сейчас внимание мировой общественности. Повстанцы развернули генеральное наступление против войск хунты. В стране вспыхнула политическая забастовка трудящихся. Повстанцы ведут кровопролитные бои, освобождая населенные пункты. В ряде городов уже развеваются красные с белой звездочкой в левом углу флаги Фронта национального освобождения имени Фарабундо Марти.

Вооруженные до зубов солдаты хунты получили приказ потопить в крови народное восстание. Их заставляют убивать не только вооруженных патриотов, но и мирных жителей, стариков и подростков, всех, кто потенциально способен помогать повстанцам. А это значит воевать против всего сальвадорского народа. Кровавую охоту на патриотов ведут и ультраправые молодчики, разжигающие в стране атмосферу террора и насилия.

Какое мужество должны иметь повстанцы, чтобы бороться с этой хорошо отлаженной, снабженной всем необходимым репрессивной военной машиной! Она создана благодаря щедрой американской военной помощи, состоит из узлов и деталей, сделанных в США, и отрегулирована американскими военными специалистами. Этот факт не является секретом, об этом трезвонят в Вашингтоне сенаторы-законодатели, выделяющие все новые и новые ассигнования на военную помощь хунте. А повстанцы зачастую воюют самодельным оружием. Мексиканское телевидение в эти дни подробно освещает борьбу отрядов повстанцев, их наступательные бои, показывает их оружие — самодельные бомбы и мины. На экране — молодые лица бойцов, уверенных в победе, они не закрываются повязками, как это обычно делают латиноамериканские партизаны.

Но не меньшее мужество проявляют сальвадорские трудящиеся, поднимаясь на забастовку в условиях чрезвычайного положения, введенного хунтой по всей стране, в условиях, когда патрули на броневиках и танках курсируют по улицам, охраняя правительственные учреждения, банки, предприятия. Однако в первый же день политической забастовки остановились более половины всех предприятий. На забастовщиков немедленно обрушились репрессии.

Теряя почву под ногами, хунта все больше нуждается в американской военной помощи. И она незамедлительно была возобновлена уходящей администрацией США. Снова в Сальвадор потекло оружие, включая самолеты и танки. Успехи повстанцев встревожили правящую верхушку Сальвадора и империалистические круги США. Над маленькой страной сгустились тучи прямого вооруженного вмешательства Соединенных Штатов и интервенции из соседних Гондураса и Гватемалы, где у власти находятся генералы и реакционеры — единомышленники главарей хунты.

По поступающим сообщениям, на территории Сальвадора вторглись вооруженные силы соседних стран — Гватемалы и Гондураса. Им приданы также не добытые в Никарагуа в 1979 году «национальные гвардейцы» Сомосы и наемники из числа кубинских контрреволюционеров, нашедшие прибежище в США.

У мировой прогрессивной общественности и народа Сальвадора вызывают тревогу агрессивные приготовления политиков и военных чинов Вашингтона. Как сообщает печать, у тихоокеанского побережья Сальвадора дежурит в боевой готовности американская морская эскадра. Называют даже ее состав: восемь военных кораблей и один авианосец с истребителями-бомбардировщиками на борту. На американских базах в Панамском канале морские пехотинцы США совместно с сальвадорскими солдатами проходят выучку на предмет карательных операций.

Душителю свободы сальвадорского народа ищут предлог для прямого вмешательства. Американский посол в Сальвадоре Р. Уайт лезет вон из кожи, чтобы изобразить «умиротворителями» главарей хунты, повинных в убийстве тысяч и тысяч патриотов, и клянется не допустить к власти в Сальвадоре «марксистов». В Вашингтоне моментально подхватили и раздули пущенную хунтой фальшивку о том, будто сотня никарагуанских военных высадилась в Сальвадоре и воюет там на стороне повстанцев. Каких-либо доказательств этого, конечно, не было представлено.

Ложь была сразу опровергнута министром иностранных дел Никарагуа Д. Эскотто. Однако в Вашингтоне решили разыграть еще одну явно проигрышную карту, пригрозив правительству Никарагуа экономическими санкциями, если не прекратится «никарагуанское участие» в повстанческой борьбе. Вышла, правда, неувязка. Госдепартамент США сообщил, будто направил соответствующий

ультиматум правительству Манагуа, однако американский посол в Никарагуа Р. Пессульо заявил, что не знает о подобном документе. Посол, которому придется уйти в отставку в связи со сменой хозяина в Белом доме, очевидно, решил отмежеваться от грязной игры, затеянной уходящей администрацией.

Возобновление военной помощи, угроза прямого вмешательства США вызвали волну решительных протестов мировой общественности. Планы интервенции осудил Мексиканский комитет солидарности с борьбой сальвадорского народа. В него входят представители не только трудящихся, но и ряда ведущих партий, общественных организаций, профсоюзов, видные государственные и политические деятели. Руководитель правящей Институционно-революционной партии Мексики, президент постоянной конфедерации политических партий Латинской Америки Густаво Карвахаль Морено обратился ко всем правительствам американских стран с призывом предоставить сальвадорскому народу право самому решать свою судьбу и воздержаться от вмешательства в его дела.

Выдумку о «никарагуанском участии» гневно осудили прибывшие в Мексику члены объединенного революционного руководства Сальвадора, созданного представителями двух боевых массовых организаций — Фронта национального освобождения имени Фарабундо Марти и Революционно-демократического фронта.

— Если бы не было вмешательства империалистических сил, а также щедрой военной помощи, которую США продолжают оказывать прогнившему режиму, сальвадорский народ давно бы одержал победу, — заявил на пресс-конференции президент Революционно-демократического фронта Гильермо Мануэль Унго.

Другой член объединенного руководства, Марио Агиньяда Карранса, сказал, что планы военного вмешательства Пентагона встретят отпор сальвадорцев.

— Борьба нашего народа приобретает все больший размах, — подчеркнул он. — Интервенция империалистических сил и реакции обречена на провал. Приближается час окончательной победы. Уверенность в этом нам придают не только успехи нашей борьбы, но и растущая солидарность народов всех континентов, общности социалистических стран. Мы благодарны советским людям за чувства солидарности и дружбы, которые они высказывают на своих многочисленных митингах...

Долго продолжалась эта интересная пресс-конференция, пожалуй, первая такого рода, так как делегация объединенного революционного руководства Сальвадора впервые совершает очень важную поездку по Латинской Америке и ряду европейских и африканских стран, которую можно назвать частью «генерального наступления». Только наступление это — на пропагандистском фронте. Ведь империалистическая печать распространяет потоки лжи в связи с событиями в Сальвадоре, изображая патриотов и повстанцев группой заговорщиков, якобы не представляющих народа.

Само создание объединенного революционного руководства — свидетельство новой, решающей фазы освободительной борьбы: теперь есть единый политический и военный центр, возглавляющий народную борьбу. Из его членов будет создано временное революционно-демократическое правительство. Готовится его программа, главные цели которой, как заявил мне другой участник пресс-конференции, ректор Национального университета Сальвадора Хосе Родригес Руис, состоят в том, чтобы ликвидировать власть олигархии, добиться подлинной независимости, гарантировать народу свободу и демократию. Новое правительство осуществит глубокие, коренные политические, экономические и социальные реформы. Будет создана новая армия для служения народу, а не олигархии и империалистическим интересам. В области внешней политики новое правительство будет выступать вместе с развивающимися странами, признающими принципы невмешательства и право народов самим решать свою судьбу.

Такова суть политической программы революционных сил Сальвадора. Перед иностранными журналистами, аккредитованными в Мексике, выступила командир отряда повстанцев Ана Гвадалупе Мартинес. Команданте Ана твердо заявила:

— Мы верим в победу, ибо нас поддерживает весь народ! А когда Сальвадор станет свободным, мы приступим к национальному возрождению страны. Мы хотим построить демократическое и справедливое общество.

Мехико.

Солдаты хунты зверствуют. По малейшему подозрению каратели арестовывают людей и сгоняют в подворотни для расправы.

Молодчики из «эскадрона смерти» схватили трех парней, связали и бросили в «джип». Через несколько дней изуродованные трупы патриотов нашли в окрестностях Сан-Сальвадора.

С В О Б О Д А ПО-АМЕРИКАНСКИ

«...Позеленевшая от времени бронзовая женщина держит в левой руке книгу с датой принятия Декларации независимости США — 4 июля 1776 года, а правой рукой с фанелом приветствует суда всех стран мира и сулит свободу всем, кто приходит к ней. На пьедестале статуи начертаны слова:

Пусть придут ко мне
твои усталые, нищие,
твои мятущиеся толпы,
жаждущие дышать свободно,
отчаявшиеся отбросы
твоих переполненных берегов.
Пусть придут бездомные,
разметанные бурей.
Я подымаю фанел
у золотых ворот».

Чем стали для американцев слова, что написаны у подножия статуи Свободы, этого всемирно известного американского символа? Каковы судьбы многих «разметанных бурей» и «жаждущих дышать свободно»? Об этом рассказывает в книге «Свобода для волка» украинский писатель Анатолий Москаленко, участник 33-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. «Говорят, — замечает автор, — что впечатление о стране во многом складывается от первых знакомств с ее людьми». Именно люди находятся в центре внимания писателя: студент Марта и уличный проповедник Христосфор Шульц, рабочий автозавода Тони и многие другие. Встречи запланированные и случайные. Америка говорит с нами словами своих граждан.

«...Я немножко слышал о вашей стране. — Это рассказывает Эдди, менеджер порта Элизабет. — И знаете, начал изучать ее с теплохода «Надежда Крупская»... Прочитал здесь, в порту, название, захотелось узнать, что это за человек, пошел в библиотеку. А потом стал смотреть по телевидению «Неизвестную войну»...»

Другая встреча — в Южном Бронксе. Его житель, чернокожий инвалид, говорит с болью: «Я знаю, там, в Ассамблее, еще много демагогов. Вот вы им и скажите: мы видели в Южном Бронксе парня без обеих ног, который помнит Вьетнам и который с первого выстрела поражал цель снарядом. А снаряды там были такие, что за деньги, ухлопанные на выпуск каждого из них, можно, пожалуй, соорудить целый жилой дом с газом и канализацией. И еще скажите: сам же этот парень живет с женой и двумя детьми в подвале аварийного дома...»

Книга «Свобода для волка» — взволнованный публицистический рассказ о сегодняшнем дне Соединенных Штатов. Богатство личных впечатлений и анализ зарубежных источников информации позволили ее автору рассмотреть многие моральные и политические аспекты жизни американского общества, представить читателю противоречивую, объективную картину жизни Америки.

Одна из глав книги называется «Команда одного корабля». Корабль — это наша планета Земля. Все мы — его команда. Эта глава — страстный призыв к взаимопониманию, к преодолению искусственно создаваемых барьеров отчужденности между народами, к благородству человеческих отношений.

А. СОКОЛОВ

Анатолий Москаленко. Свобода для волка. Американские тетради. Киев. Изд-во «Молоть». 1980. 336 стр.

ГРУЗИЯ

ЛИМОН — РАСТЕНИЕ НЕЖНОЕ

Лимону, самому нежному из citrusовых, все время очень не везет. Грузинские субтропики все-таки для него холодны, и ученые ищут средства защиты лимонных деревьев от мороза.

Пятнадцать лет назад доцент Грузинского сельскохозяйственного института Бидзина Сарджвеладзе создал в селе Супса, Ланчутского района, лимонарий простейшего типа и посадил там 76 лимонных деревьев. Результаты многочисленных опытов оказались поразительными; в пересчете на гектар лимонарий дает в год до полумиллиона штук плодов!

Здесь переплелись три времени года — весна, лето и осень. На одном и том же дереве можно увидеть и цветение, и крохотные зеленые плоды, и полностью зрелые лимоны. Ученые называют это явление ремонтантностью.

И вот в Ланчутском районе создан новый совхоз «Химдгала» — первый совхоз-лимонарий нового типа, где лимоны будут выращиваться по методу Сарджвеладзе. Хозяйству выделены 720 гектаров освобожденных от болот колхидских земель. Здесь будут получать в год десятки тысяч тонн лимонов.

Омар ЧИХЛАДЗЕ

НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ

ЗНАК КАЧЕСТВА — КАМАЗУ

Недавно Государственный комитет СССР по стандартам утвердил решение комиссии о присвоении двум моделям КамАЗа — 53-20 (бортовой грузовик) и 54-10 (седельный тягач) государственного Знака качества. Победа завоевана упорным трудом всего коллектива. Этому достижению способствовало социалистическое соревнование на приз журнала «Огонек», начатое три года назад Камским объединением по производству большегрузных автомобилей

КамАЗ среди бригад под девизом «Добиться присвоения грузовику государственного Знака качества». В числе коллективов, а в соревновании их участвовало свыше пяти сот, особенно отличились бригады Евгения Сокольского и Ивана Скануна с завода двигателей, Владимира Перевезенцева — с ремонтно-инструментального завода, Ивана Шматко — с прессово-рамного, Владимира Гусева — с литейного. На главном конвейере сборки по-прежнему лидируют

коллективы Николая Титова и Шауката Хуснутдинова, Рената Шайхутдинова и Евгения Вареника. О них рассказывалось в журнале. Многотысячный коллектив камазовцев осваивает мощности второй очереди и новые модели машин.

По телефону.

Заместитель секретаря парткома Объединения О. БЕЛОНЕНКО

НА СНИМКЕ:

Автомобиль модели 54-10

АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ

АЛБАЗИНСКАЯ БЫЛЬ

Беспристрастное потомство должно помнить и с удивлением взирая на героические подвиги самоотвержения первых пионеров Приамурского края...

Г. И. НЕВЕЛЬСКОЙ

Я видел, что входившие в музей мальчишки спешили в третий зал, в центре которого стоял макет Албазинской крепости XVII столетия.

Жизнь первых русских поселенцев на берегах Амура увлекает, захватывает мальчишек. Детское воображение не дает покоя, переносит их в крепость, за огромные земляные валы. Мальчишки узнают, как в середине XVII столетия первопроходцы Ерофея Хабарова основали в верховьях Амура на его левом берегу Албазинский острог. Впоследствии крепость стала опорным пунктом в освоении Приамурья.

О многом рассказывают посетителям музея его экспонаты, стенды, альбомы. Здесь в каждой вещи отра-

жается жизнь первых русских поселенцев. Но собранные сегодня под крышу музея экспонаты — лишь крохотная частица тех тайн и загадок, что хранит старая крепость. Интерес к первому русскому поселению на Амуре давно проявляется учеными. В частности, ведется плановое исследование Институтом истории, филологии и философии (ИИФФ) Сибирского отделения Академии наук СССР. Активное участие в раскопках принимают преподаватели и студенты Благовещенского пединститута.

Новые находки помогают ученым восстанавливать историю жизни, борьбы наших отважных предков-дальневосточников.

В. КУЗНЕЦОВ,
сборка «Огонька»
Фото автора

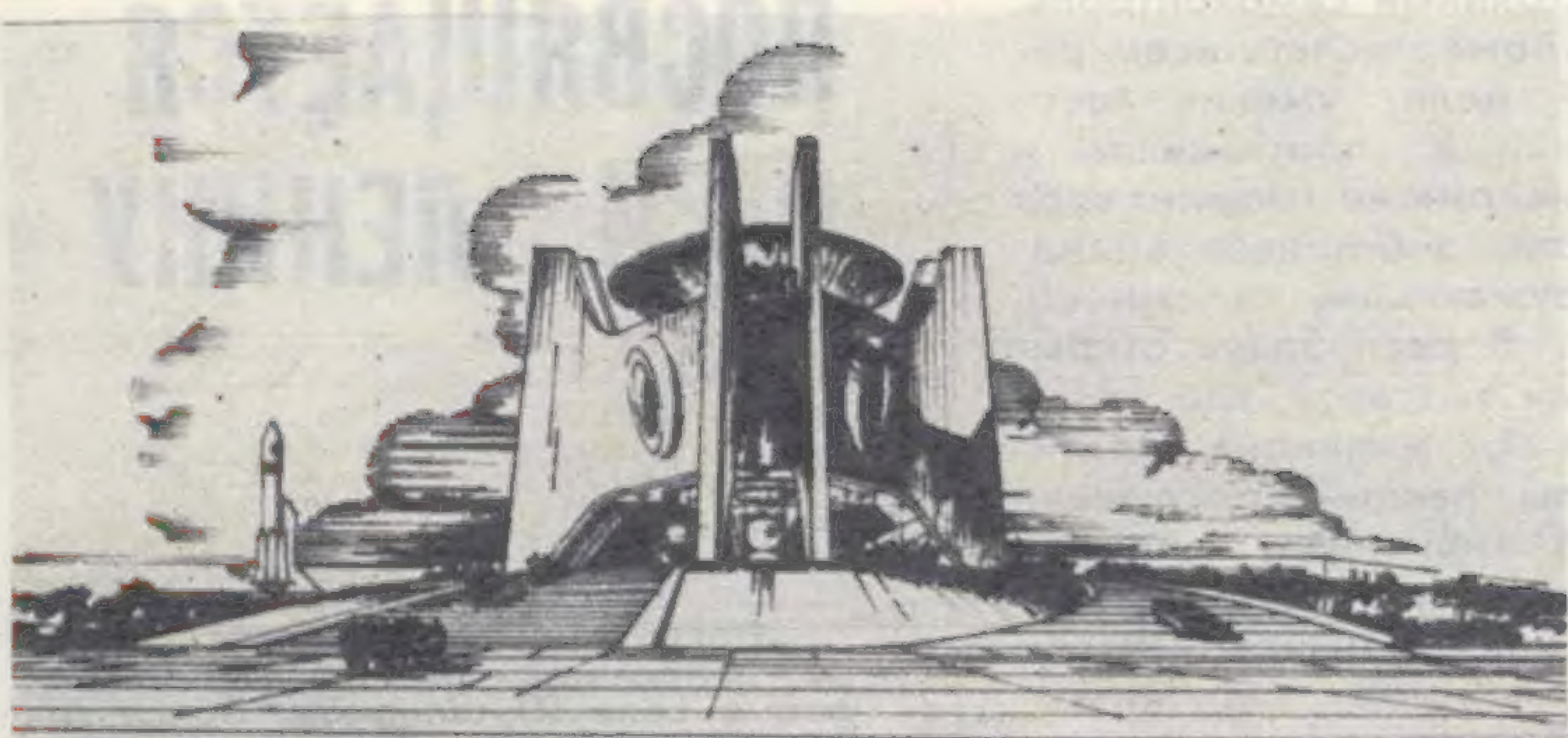
НА СНИМКЕ:

Ребята у макета Албазинского острога в Благовещенском музее.

ПО СТРАНЕ СОВЕТ

ДОМ ГАГАРИНА

ПОДМОСКОВЬЕ

Гигантский межпланетный корабль, закончив полет по просторам вселенной, мягко коснулся посадочной площадки на небольшом холме Звездного городка. Цилиндрообразное тело его, поддерживаемое пятидесятиметровыми стенами-опорами, слегка качнулось и замерло...

Нет, перед нами не космический гигант, а макет строящегося в Звездном городке здания музея космонавтики, одна из строок планеты. Каким будет этот музей?

Мы ведем беседу с одним из авторов проекта — архитектором В. Груниным и «заказчиком» — А. Леоновым, заместителем начальника Центра подготовки космонавтов.

— Нам хочется построить здание, которое соответствовало бы высоким требованиям музейного дела, — объясняет архитектор. — А всем своим видом, интерьером отвечало бы духу, дерзновенным идеям космонавтики. Общий объем его примерно шестьдесят четыре тысячи кубометров.

Совершив небольшую экскурсию по отсекам музея...

Мраморная лестница ведет на первый этаж. Легкие светлые колонны как бы образуют цилиндр диаметром в двадцать четыре, высотой в пятьдесят метров. Он проходит через четыре этажа и составляет основу выставочной площадки. Размещенная на ней экспозиция ознакомит посетителей со всеми этапами отечественной космонавтики — от ее зарождения до свершений наших дней, от первых полетов человека за пределы Земли до исследований, имеющих практическое значение, от полетов отдельных кораблей до орбитальных научно-исследо-

вательских комплексов, от экспедиции национальных экипажей до международных.

— О возможностях нового здания, — продолжает В. Грунин, — говорят хотя бы такие факты. Вот на этом этаже примерно на высоте пяти метров разместится космический комплекс станция «Салют» — корабль «Союз». Его общая длина более двадцати метров. В одном из отсеков музея решено воспроизвести в подлинных размерах кабинет Юрия Гагарина, где он работал как заместитель начальника центра до рокового дня — 27 марта 1968 года.

Предусмотрен в Доме Гагарина и конференц-зал, который вмещает двести пятьдесят человек. Это — место встречи с космонавтами и учеными, откуда можно совершить «полет» в космос. Иллюзию полета создадут различные имитаторы и документальные фильмы, в том числе созданные самими исследователями космоса.

— Первые камни в сооружении музея космонавтики заложены — заканчивается строительство нулевого цикла, — говорит А. Леонов. — Музей мыслится как важный научный центр и центр пропаганды достижений отечественной космонавтики. Его экспозиция будет постоянно пополняться новыми свидетельствами торжества идей К. Э. Циолковского, С. П. Королева и других ученых.

А. РОМАНОВ (ТАСС)
Специально для «Огонька»

НА СНИМКЕ:
Дом Гагарина. Рисунок В. Грунина

Звездный — Москва.

УКРАИНА

ГОНЧАРНОМУ РОДУ НЕТ ПЕРЕВОДУ

Знаете, какая в давние времена в этом селе бытовала поговорка? «Хомулец — всем городам отец!» Гончарами славилось село. Тогда тут почти в каждом дворе занимались древним промыслом. А продукцию — горшки, макитры, миски, куманцы и прочие изделия из глины — грузили на телеги и везли не только по окрестностям, не только на знаменитую Сорочинскую ярмарку, до которой отсюда рукой подать, а в города и села более отдаленные.

Но то было давно, помню, поговорку ту еще дед сказывал, а что сейчас? Не перевелись ли кудесники древнего промысла? Оказывается, нет. В сельсовете стали перечислять имена: Павел Ильич Придыма, Григорий Павлович Рудич, Иосиф Иванович Кавунник, Григорий Федорович Гнатченко... Это те, кто сегодня создает из древнего, как мир, материала незамысловатую, но незаменимую на селе посуду.

У Гнатченко довелось побывать. Григорий Федорович работает в местном колхозе имени

Шевченко. Потомственный гончар. Я обратил внимание: круг, который он крутит, изрядно отшлифован, а в центральной его части (самой рабочей) довольно глубокие запады. Оказывается, уже третье поколение Гнатченко работает за этим станком, а мастерил его еще в прошлом веке дед Григория Федоровича.

— Теперь и нашему ремеслу повышенный интерес, — говорит Григорий Федорович. — Редким оно становится. Часто приезжают экскурсанты. В Сорочинцы на ярмарку нас ежегодно приглашают...

Я видел деда Гнатченко на ярмарке. Он сидел за гончарным кругом. Вокруг было много людей. В его руках мокрая глина в считанные секунды превращалась в изделия. Григорий Федорович снимал сырые горшки и дарил людям. На память.

В. ЛЕСНОЙ

Фото автора

НА СНИМКЕ:

Гончар Г. Ф. Гнатченко с пятилетней внучкой Валей за работой.

МОСКВА

ОБРАЗ ЭПОХИ

В Москве, в залах Академии художеств СССР, открылась выставка работ народного художника СССР, президента академии, лауреата Ленинской и Государственных премий СССР, Героя Социалистического Труда Николая Васильевича Томского. Здесь показаны замечательные скульптуры разных лет, представляющие долгий творческий путь мастера, недавно отметившего свое восьмидесятилетие. В центре экспозиции — Ленингана, над которой он работает многие годы.

Н. В. Томский — автор великолепных монументов и памятников, в которых отражен героический образ нашего времени и его творцов. В мраморе и бронзе мастер запечатлел славных тружеников, передовиков пятилеток, героев и военачальников Великой Отечественной, деятелей литературы и искусства.

НА СНИМКЕ: На открытии выставки — трижды Герой Советского Союза И. Н. Нагребный, народный художник СССР, академик А. П. Кибальников, народный художник СССР, президент Академии художеств СССР Н. В. Томский, народный художник СССР, академик, председатель Союза художников СССР Н. А. Пономарев. Фото А. Нагребного

СКОЙ

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

Людмила ЖИВКОВА,
член Политбюро ЦК БКП,
председатель Комитета
по культуре НРБ

ПОКА ДЕРЕВО МОЛОДО

— В Народной Республике Болгарии принята Национальная программа всенародного эстетического воспитания. В чем смысл этого масштабного комплекса задач, как они решаются?

— Эстетическое воспитание — это пробуждение в человеке творца и ценителя прекрасного во всех его формах и проявлениях. Без этих качеств невозможно представить себе человека будущего. Такой подход полностью созвучен с Программой Болгарской коммунистической партии, где записано: «чем больше общество приближается к коммунизму, тем больше пробуждается в человеке художник и как ценитель и как создатель красоты, тем сильнее проявляется в нем стремление преобразовать действительность по законам красоты». Мы хотим не просто научить людей разбираться в поэзии, музыке, живописи. Искусство и культура обладают великой преобразующей силой, воздействуя на образ мыслей, поступки человека, формируя его нравственный облик.

Качественно новое в программе — согласованность в работе всех ведомств и организаций, имеющих отношение к эстетическому воспитанию. В каждом городе, селе, округе принята своя программа эстетического воспитания, которая учитывает исторические и природные особенности края, состав его населения. Перестраивается система образования, чтобы искусство и культура вошли в каждый класс, чтобы школа давала подрастающему поколению не только сумму знаний, но учила его творчески мыслить, понимать прекрасное и по его законам строить свою жизнь. В министерстве образования создается специальная дирекция по вопросам эстетического воспитания. Совместно с Комитетом болгарских женщин мы разрабатываем меры эстетического воспитания в быту и семье.

На фабриках, заводах, аграрно-промышленных комплексах мы заложили экспериментальные программы, стержень которых — эстетическое воспитание в труде.

— Какова роль местных выборных органов — окружных, городских, общинных советов по искусству и культуре, которые уже действуют в республике?

— По своим функциям советы — часть государственного аппарата, и в то же время это органы подлинного народовластия. В их составе представители художественной и научной интеллигенции, учителя, рабочие и кооператоры, специалисты промышленности и сельского хозяйства. Советы дают возможность решать серьезные вопросы развития культуры не административным путем, а непосредственно общественностью, опираясь на коллективный опыт и знания, учитывая местные условия и перспективы. В этом глубокий демократизм реформы, в ходе которой народ из «потребителя» культуры все больше становится ее творцом, хозяином и руководителем.

— В 1974 году создан национальный комплекс «Художественное творчество, культурная деятельность и средства массовой ин-

формации» — система государственных, общественных, творческих, научных, хозяйственных организаций, которые связаны с созданием, распространением и использованием культурных ценностей в эстетическом воспитании. Как это выглядит на практике?

— Мы решили, в частности, поближе познакомить современников с людьми, жившими в разные эпохи и являющими собой пример всесторонне, гармонично развитой личности. Мы начали в 1978 году с Николая Константиновича Рериха — русского художника, исследователя, общественного деятеля, путешественника, писателя, философа, поэта, археолога, духовным кредо которого были неустанное совершенствование, неуверенное стремление к прекрасному. В течение года по всей стране был организован ряд мероприятий, которые в близкой и доступной форме раскрывали творческий путь Рериха, глубину и широту его интересов.

Следующий год прошел под знаком Леонардо да Винчи, великого итальянского художника и ученого-энциклопедиста. Назову лишь конкурс его имени среди юных изобретателей и техников, национальную викторину «Чему я научился у Леонардо да Винчи?», в которой участвовали сотни тысяч болгарских школьников. В молодежных кружках научно-технического творчества сейчас занимается около полутора миллионов человек. Это большая цифра для страны с населением девять миллионов!

Минувший год в Болгарии был годом Владимира Ильича Ленина. Если творчество Рериха, хотя его можно назвать практически нашим современником, было мало знакомо сегодняшнему юному и даже среднему поколению, если в год Леонардо да Винчи, жившего в 15—16 веках, нам пришлось поднимать далекий во времени пласт, то здесь возникла другая трудность: Ленина знают все. Мы сосредоточили внимание на том, чтобы раскрыть чисто человеческие черты великого образа: огромная внутренняя дисципли-

на и постоянный самоконтроль, готовность пожертвовать всем ради главной цели, умение вести спор с идейным противником и убеждать, неприятие громких слов и парадности, заботливое внимание к окружающим, скромность и простота. В республике открылись десятки выставок, где побывало более 1,2 миллиона посетителей; циклы лекций прослушали около трех миллионов человек. Тысячи школьников включились в художественный конкурс «Ленинский век — мой век», десятки тысяч юношей и девушек участвовали в тематических вечерах, дискуссиях, кинолекториях под общим девизом «Встречи с Лениным». Состоялись международные семинары и конференции с участием ученых и общественных деятелей из разных стран.

Следующие годы будут посвящены Кириллу Философу, одному из основоположников славянской письменности, Георгию Димитрову, Михаилу Ломоносову, Альбер-

ту Эйнштейну — список можно продолжать до бесконечности, ибо каждая нация, каждая эпоха рождала великих людей. Мы убеждены, что широкое, углубленное знакомство с титанами мысли и духа, последовательный анализ их жизни и творчества, их неустанной работы по самосовершенствованию могут и должны оказать влияние и на сегодняшнего человека.

— Болгары говорят: дерево гибко, пока молодо. Значит, и эстетическое воспитание надо начинать с ранних лет?

— Это возраст, когда душа и сердце человека — ждущая зерна целина, и она дает наиболее щедрый всходы. В нашей стране свыше 1160 кружков и школ изобразительного искусства, 350 музыкальных школ, более 140 хореографических кружков и училищ — в общей сложности здесь занимается около 40 тысяч ребят. Регулярно проводятся национальные фестивали детского творчества. А в 1979 году дети Болгарии пригласили в Софию своих сверстников со всех концов земли, и праздник детского творчества стал интернациональным, собрав юных художников, певцов, музыкантов, поэтов из 84 стран. Так родилась Международная детская ассамблея «Знамя мира», девиз которой — «Единство, творчество, красота» — превратился в призыв к миру во имя красоты, ведь мир — первое условие творческого и свободного развития. В 1982 году в болгарской столице соберется вторая ассамблея. Своего рода всемирный детский парламент, она будет постоянным движением за открытие, поощрение и развитие юных талантов, за мир и сотрудничество между народами. Став взрослыми, ее участники примут на свои плечи заботы о судьбах Земли, и мы надеемся, что они уверенно и с достоинством понесут над планетой знамя мира, единства и красоты.

Беседу вел
Б. ЛАБУТИН.

София — Москва.

ПОСВЯЩАЕТСЯ В. И. ЛЕНИНУ

...Погруженный в густые сумерки, занесенный снегом дом Петровой в селе Шушенском. Здесь томилась в сибирской ссылке Владимир Ильич Ленин и Надежда Константиновна Крупская.

«Окрестности села Шушенского времен ссылки Ленина», «Вторая квартира Ленина в селе Шушенском», многочисленные этюды и большие пейзажные полотна В. П. Лавровой-Солдатовой показывают места енисейского округа, где пришлось жить и через которые довелось проезжать Владимиру Ильичу.

Художник — сибирячка, дочь лесника. В Шушенское она впервые попала, когда ей было одиннадцать лет. Приехала навестить родственников в 1934 году и увидела село таким, каким оно было при Ленине.

С необычайной тщательностью зарисовала юная художница все, что увидела. Дома Зырянова и Петровой, каждое бревнышко стен, наличники на окнах. Эти зарисовки, точные, как чертежи, оказались потом необходимы не только для ее полотен, но и очень помогли работникам научно-реставрационных мастерских в создании мемориального музея-заповедника.

Собирая материал для своих картин, Валентина Пименовна ежегодно ездила в Шушенское, в места, хранящие память о вожде, беседовала с людьми, помнившими Ленина. Так возникла своеобразная сибирская Лениниана, куда вошли пейзажи, интерьеры, портреты. Картины Лавровой-Солдатовой «Обыск у Ленина и Крупской в Шушенском» можно увидеть в Центральном музее В. И. Ленина в Москве, ее авторское повторение — в Шушенском.

Не так давно Валентина Пименовна закончила несколько пейзажей, на которых изображены красавец Енисей с прекрасными островами и большой протокой, тихая речка Шушь, протекающая совсем рядом с домом Владимира Ильича и Надежды Константиновны, дом в селе Ермаковском, где жил тяжело больной революционер А. А. Ванев.

Почти полвека работает над Ленинианой и муж Валентины Пименовны скульптор Лавров. Георгий Дмитриевич тоже сибиряк, уроженец Красноярска, участник Великой Октябрьской революции. Многие его произведения хранятся в Центральном музее В. И. Ленина, в других музеях страны.

В 30-х годах по ходатайству А. В. Луначарского начинающий художник был послан во Францию для продолжения образования. По просьбе руководителей Французской компартии Марселя Кашена и Поля Вайян-Кутюрье скульптор изваял несколько портретов Ленина и Карла Маркса. Эти произведения были распределены по отделениям компартии в разных городах. В годы Великой Отечественной войны их бережно сохраняли бойцы Сопротивления.

Ир. ГРАНДКОВСКАЯ

В. Лаврова-Солдатов. ВТОРАЯ КВАРТИРА ЛЕНИНА В СЕЛЕ ШУШЕНСКОМ.

Д. Налбандян. Род. 1906. ИНТЕРЕСНАЯ БЕСЕДА. 1980.

VI республиканская художественная выставка «Советская Россия».

Е. Широков. Род. 1931. МЫ НАШ, МЫ НОВЫЙ МИР ПОСТРОИМ. 1980.

VI республиканская художественная выставка «Советская Россия».

ВЫБОР

Юрий БОНДАРЕВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Телефонный звонок расколол тишину мастерской, однако Васильев, вытирая испарину на лбу, чувствуя дрожь слабости в животе, сидел по-прежнему, напротив расставленных у стены картин. Но теперь не видел этих похожих томительной недосказанностью пейзажей, с удивлением прислушиваясь к несмолкаемо звенящей сеточке боли внутри себя. Он понимал, что это не физическая боль, а нервы расстроены до крайности, что его сжимает, давит, гнетет глухая тоска, жалость к Виктории, к Марии, к покойному отцу, как если бы он, Васильев, жестоко предал их. Разум Васильева пробовал доказывать, что нет ничего бесплоднее самоистязания, что его переутомление и его начавшееся нервное расстройство — результат многолетней работы без отдыха, и вкрадчивый, помогающий кому-то голос внушал ему: «Ты талантлив, удачлив, материально обеспечен, женат на любимой женщине, разве ты не познал состояние счастливого удовлетворения? Что тебе еще нужно? Не уйдешь, не уйдешь...» — и этот настойчивый голос боролся в нем с чем-то, преследовал его неотвязно в долгие часы, когда он оставался наедине с самим собой.

«Не может же быть, чтобы моя жизнь была сплошной виной перед другими! — подумал Васильев с сопротивлением, с желанием вырваться из тоскливой тесноты, и снова помогающий кому-то вкрадчивый голос ответил ему тихо: — А почему бы нет, счастливцев?.. Илья попал в плен, ты — вернулся. Маша любила его, а стала твоей женой. Илья серьезно болен, а у тебя только нервы. Но не уйдешь... жизнь не терпит одного лишь цвета удачи. Надо платить за все... Возвращение старого долга. Должник равновесия, жертва безжалостных весов жизни. Как смешно звучит слово «жертва». Нет, не уйдешь, не уйдешь... Должник истины и правды. Кому нужен твой долг? О, какая тоска, какая тоска!..»

Телефон прерывался и вновь трещал со злой, нарастающей требовательностью. Васильев, не сомневаясь, что звонит Илья, и не готовый к разговору с ним, помня его слова о Виктории, все же снял трубку, и тотчас внезапные слезы радости сбили его ответ до шепота: «Да, Саша...» Звонил художник Лопатин, его единственный близкий друг, которого он не видел довольно давно: тот, вероятно, работал, избегая столичной суеты, прячась в любимом убежище — приволжской деревушке.

— Здорово, Владимир Мономах! Как дышишь?

— Саша, дорогой, приезжай немедленно, прошу тебя, приезжай, — заговорил Васильев, захлебываясь, едва справляясь с собой. — Ты мне очень нужен, очень!.. Сейчас же приезжай!

— Знаешь, откуда я тебе звоню, Рафаэль чертов? — забасил Лопатин, посмеиваясь. — Из кабака, который называется «Араги». Заехал, понимаешь ты, узнать насчет шашлыков, соскучился, понимаешь ты, в деревне, а тут какой-то театр гуляет. Дамы, понимаешь ты, в перьях, мужики в штиблетах, чего-то обмывают, не то звание, не то премьеру, дым ко-ромыслом, весь кабак ходуном ходит, у офи-

циантов обмороки. Лучше ты приезжай, Володенька, столетие я тебя не видел, черта! Шашлычков отведаем! На народ посмотрим...

— Никого не хочу видеть, кроме тебя, Саша! — взмолился Васильев. — Никого, кроме тебя. Приезжай, ради бога, я тебя жду, очень жду!..

Ответ Лопатина провалился в бездну, продутую пощелкивающими ветровыми шорохами не вполне исправного автомата, и выплыл из звукового хаоса, подобно обещанию долгожданного облегчения:

— ...приеду, Володя. Минут через тридцать буду. Я на своем тарантасе.

«Вот оно, спасение, вот оно... Он всегда спасает меня в тяжкие минуты, — думал Васильев, с охватившей его надеждой шагая по мастерской из угла в угол и ломая пальцы. — Мне стоит только увидеть его... его бороду, его легкие мудрые глаза, как становится легче».

Когда минут через сорок ввалился Лопатин, в своей потертой на меху куртке, в мохнатой большой шапке, привезенной вроде бы из Сибири, с Нижней Тунгуски, когда из-под косматых, пробитых сединой бровей он нежно глянул сиреневого цвета глазами, рокошуще говоря: «Здорово, здорово, академик, разбойник кисти, леший тебя возьми!» — Васильев с волнением кинулся к нему, обрадованный негородским его видом, густым окающим баском, дважды поцеловал в пахнущую, казалось, дымом приволжских костров бороду, проговорил растроганно:

— Спасибо, Саша, спасибо. Ты не представляешь, как я рад, что ты приехал!..

И вдруг сам услышал, как голос его перехватили слезы, неподвластные, отвратительные немужским проявлением, которое неприятно было ему ощущать у других, и испугало то, что не сумел овладеть собой.

— Ну, великолепно, великолепно, попал на вернисаж, — закал Лопатин, раздевшись, делая вид, что не заметил излишнюю возбужденность Васильева, и запустил руку в бороду, разглядывая не без веселого удовольствия пейзажи, выставленные у стены один возле другого. — Слушай, леший!.. Какая удивительная мысляшка вот в этой штучке с открытым окном в сад. Раньше я ее, понимаешь ты, не видел. И как счастливо и грустно, господи ты боже мой! Какая чистота переливов света и какие насыщенные тона, скотина ты эдакая! Ведь это прощание с детством или вообще прощание с детским счастьем жить на земле, понимаешь ли ты! — говорил он и подходил и отходил от пейзажей, озадаченно и громко хмыкая в бороду. — Слава богу, Володя, что ты работаешь и работаешь, в тебе больше таланта, чем тщеславия. А этого у нашей братии хватает: казаться, а не быть. Пузыри мыльные, понимаешь ты, мы пускать ловкачи. Нет, я давно говорил, что твоя живопись открывает новую эру. В пейзаже особенно. Взгляд современного человека на природу вокруг себя: погибнет красота, уйдет она, погибнут вместе с ней человек и жизнь. Не умиление, а грусть, тревога, равная отчаянию века... Ты колдун света, Володя. В этом твоё счастье и несчастье. Несчастье потому, что завистников рождаешь много.

— Хвали, хвали, Саша, я знаю, что ты любишь меня, — заговорил Васильев, все шагая по мастерской и нервно стискивая до хруста пальцы. — Скажи еще о резкости или мягкости тревожного рисунка, о трепетности воздуха, о пылающих тонах, о сатане в ступе, о чем Колицын мастер болтать. Зачем ты говоришь обо всех этих выдуманных глупостях, милый мой, умный Саша? Ах да, твой

восторг могу объяснить только тем, что мы давно не виделись. Все это ни к черту! Нет, не прими за скромность! Давно знаю, что в искусстве скромность — это знамя прохвостов! Но... — Васильев мотнул головой в сторону пейзажей, — ни к черту по сравнению... с тем, что чувствую. К несчастью, я умею передавать на холсте только одну треть... но не в этом дело, не в этом дело!.. Милый Саша, я рад, я соскучился, я не говорил с тобой целую вечность! Где мы с тобой последний раз встречались? На Марсе? На Венере? Садись вот сюда, чтобы я мог тебя видеть. Что будешь пить? Что ты так на меня нерешительно смотришь?

— Я на тарантасе, понимаешь ли ты, — возразил Лопатин и, теребя бороду, попытался от пейзажей. — Раз, скажу тебе, некий инспектор Сироткин уже устремлялся отобрать у меня водительские права. Причем предварительно заставил дышать ему в физиономию, невзирая на мою волосатость. Второй раз рискнуть хоть и занятно, но ни к чему, с точки зрения благоразумия. И солидности. А? Подожди, что за страсти такие? Ни бельмеса не соображаю, что за дрянь у тебя накопилась?

И Лопатин осуждающе воззрился на бутылки; выставленные из шкафчика Васильевым, придирчиво осмотрел медали на роскошных цветных этикетках, с некоторой подозрительностью знатока повертел бутылки и так и сяк, наконец, заговорил рассудительно:

— Виски распрекрасно пить где-нибудь в Африке под тенью баобаба. Джин хорош для согрева нутра фермера, который намерзся осенью на пронизывающих до костей ветрах Альбиона. Чинзано — возжеление современных джинсовых курдючков, мечтающих о шикарной заграничности. И то, и другое, и третье терпимо, когда за бугром вечерами разлагаешься в каком-нибудь уютном баре при отеле. В России — что? В России ничем не заменима водка. Но вынужден, Володя, сказать: спаси Христос. Инспектор Сироткин был мой верный ангел-хранитель. Ибо находился я под большой булдой. Кого я встречу на этот раз? Выдвигаю встречный план: рвануть из Москвы за город по Старокалужскому, погладить на силуэты деревенек...

— Нет, нет! Никуда не поедем, Саша! — вскричал Васильев и приостановился посреди мастерской, точно вспоминая необходимое, важное, невысказанное еще Лопатину. — Я с тобой должен поговорить, Саша. Ты мне очень нужен. Пусть машина стоит, уедешь на ней завтра. Куда и когда угодно я тебя отвезу на такси. Садись, садись. — Он усадил несколько озабоченного Лопатина в кресло и задержался у окна, глядя в синее небо весеннее небо над крышами. — Какая быстрота, какая быстрота в этой весне, — проговорил он, не оборачиваясь к Лопатину, и без всякой последовательности спросил: — Где ты был, Саша? У себя, в деревне? Писал?

— Был неделю на Азове. Не написал ничего. Пустотища за спиной, — ответил Лопатин и посмотрел на Васильева светлыми отгадывающими глазами. — Ты здоров, Володя? У тебя что-то бледноватый вид. Не переработал?

— Прости за мое дурацкое гостеприимство! Угощаю, называется, друг! Бутылки вытащил, болван! Для чего, спрашивается? Для вернисажа? Так ты сказал — водку? Да, водку, я согласен. Именно водку! Все остальное — жалкая витрина дилетанта. Водку, водку! Да что за рюмки — воробьев поить!

Васильев встрепенулся, чересчур быстрыми шагами подошел к столу и, не садясь, разлил по рюмкам водку, расплескивая на стол, торопливо чокнулся с Лопатиным, выпил резко, как пьют не очень посвященные в этот

ритуал люди, и, обожженный, выговорил, поперхнувшись:

— А как, как на Азове? Зачем ты был на Азове?

— Ругался вдрызг с местным начальством. И ни одного пейзажа не привез. Приехал на море, и тут рассказали страшненькое...— сказал Лопатин и, не торопясь, выцедил рюмку водки.— В прошлом году химией травили комара в плавнях, и вся дрянь химическая, понимаешь ли, на головы дураков бы ее вылить, постепенно снеслась течением Дона в Азов. Представь утреннее море все белое, все будто в огромных белых плотах—тысячи мертвых сазанов вверх брюхом. Идиотизм, понимаешь ли ты, несусветный, глупость перво-разрядная, тупость вселенская! Пнизм—и только! Для того, чтобы ногти почистить, руку отрубает. После нас хоть потоп. Головами не хотят думать, что будет завтра. Зато комариков нет. А комариков нет—и птицы нет. А птицы нет—и в садах и огородах ничего нет, гусеница все жрет. Зато комарики не кусают. Каково, а? Великолепно! Сократы! Мыслители, хрен бы их взял!

— Как грустно это, Саша! Как грустно!..— сказал Васильев, продолжая ходить по мастерской в неотпускающем напряжении, ибо водка никак не расслабляла его.— Я хотел с тобой посоветоваться,— заговорил он, и ему не хватило дыхания.— Я, кажется, серьезно заболел, Саша, со мной что-то произошло... Не знаю что, но я места себе не нахожу, милый Саша. Если бы ты знал, как тяжко мне в эти дни. Вот здесь болит. Как зубная боль.— Васильев чуть поморщился, вдохнул воздух, показал себе на грудь.— Иногда плакать, как мальчишке, хочется, но не могу. Не умею. Если бы ты знал, дорогой мой дружище, какая тоска, какая безысходная, нескончаемая тоска. И ничего не могу с собой сделать...

— Да что такое в конце концов?— встревожился Лопатин и поглядел на Васильева, вздымая косматые брови.— Причина-то в чем? Здоровенный мужик, гантелями каждое утро балуется, свежим воздухом на живой натуре дышит,—ворчливо забасил он, завозившись в кресле большим телом.— Талант ты цвета, можно сказать, волшебник колорита, радоваться ежесекундно своему дару должен, а ты... Стыд и позор, леший тебя возьми! Кому служит искусство—богу или дьяволу?

— Да, да, именно, именно!.. Кому служит искусство, кому?— повторил Васильев и, будто озяб, засунул руки в карманы.— Ты думаешь, кому-то сейчас очень нужна живопись? Одному чудаку из ста или пятисот тысяч? А-а, это все равно. Она бессильна, она ни на кого не воздействует, она не может ничего изменить, исправить... Замечаешь ли ты, что человек стал хуже, злее, безжалостнее, чем двадцать, тридцать лет назад, что мы потеряли что-то важное?.. Чего же достойны люди—ненависти, лечения, наказания? Кто они, люди? Венцы творения, цари мироздания или раковые клетки на теле земли? Я не знаю, что делать, как жить дальше, Саша. Понимаешь, как жить... И был ли смысл в том, как я жил раньше? Нет, не то я тебе говорю. Все приобрело смысл, который не имеет смысла. Бывают моменты, Саша, когда я ненавижу все человечество и тут же чувствую вину... как будто я виноват во всем. Я не знаю, что со мной, дружище...

Лопатин не двинул ни единой чертой грубоватого обветренного лица, порылся крепкими пальцами в бороде и спросил пониженным тоном:

— Что у тебя произошло, Володя?

— Только тебе я могу рассказать, Саша, тебе одному... Только тебе.

И, продолжая метаться по мастерской мимо прислоненных к стене пейзажей, мимо накрытого тряпкой мольберта, иногда круто останавливаясь против Лопатина, слушавшего его с насупленным лицом, иногда задерживаясь у окна и потирая грудь под открытой форточкой, точно воздуха не доставало, Васильев рассказал ему все: и страшная тайна дочери, открытая спустя два года, и постоянный страх Марии за каждый ее шаг, и ошеломившее его решение Виктории уехать,—все немыслимое и безобразное вновь было пережито Васильевым, как и та загородная роща вблизи дачного поселка, и тот заброшенный сарай, воняющий грязной соломой, а когда он

закончил и подошел к столику, весь горячий, в испарине, возбужденный, Лопатин проговорил, решительным оканьем обостряя слова:

— Весь наш гнев—пустое дело и лирика! Все ожидал, только не это. О, велосипедные мерзавцы! Казнить таких на площадях мало! Ладно, давай разберемся дальше. Откуда пришла эта идиотская идея с Италией? От твоего бывшего друга? Он приглашает ее уехать? Она тебе не сказала, как родилась эта гениальная мысль?

— Не уверен, Саша, что идея исходила от него. Дело в том, что Виктория сама нашла его в гостинице, сама хотела встречи.

— Сама? Встречи с ним?

— Да. Она ничего не скрывает.

— Тогда остается вот что,—сказал Лопатин твердо,—объяснить сперва твоему русскому итальянцу, чтобы он выбросил из башки романтическую дурь и сам убедил Викторию, что реализация выезда невозможна в настоящее время. Тем более никакие границы в мир благолепия не ведут и ни от чего не спасают. Впрочем, я знаю характер Виктории, ее убедить нелегко... Но откуда он явился? Где он вдруг откопался? Фантастика какая-то! Сколько он пробудет, твой подозрительный знакомый, в Москве?

— Завтра, по-моему, он уезжает. Да, завтра.

— Ну что ж, едем к нему хоть сейчас. В какой он гостинице?

— Сейчас? К нему?

— Не задавай, дружище, глупых вопросов. Именно сейчас. А почему бы нет, я спрашиваю тебя?—Лопатин отставил рюмку и встал, тотчас надевая куртку с видом готовности к немедленному действию.— Не будем откладывать чего не надо. Тем более что мне хочется увидеть эту легендарную личность. Твоего друга детства. Звони ему!

Неустанная энергия Лопатина, хорошо известная Васильеву незамедлительностью поступков, подхватила его и возбудила даже надежду на возможность разумного выхода, а после того, как он набрал номер гостиничного телефона Ильи без уверенности заставить его, когда услышал чужой голос, равно и нараспев произнесший по-немецки «Ja-ja-ja»¹, он, обескураженный, вторично попросил к телефону Илью Рамзина, и тот же голос, ответивший по-немецки, сделал стремительный звуковой скачок, засмеялся коротким жестяным смехом, заговорил по-русски:

— Кажется, я с тобой говорю, Владимир? Не вдруг, но узнаю твой голос. Я тебя жду. У меня, кстати, гости. Не скажу кто. Приедешь—увидишь. Адью.

Пока Васильев говорил по телефону, Лопатин, уже одетый, натянув на затылок лохматую сибирскую шапку, досадливо кряхтел и, выказывая недовольство, открыл дверцы шкафчика, принялся шарить в нем, однако не нашел, что искал, и, неудовлетворенный, выругался на всю мастерскую:

— Ч-черт! Валидол, валидол где? Я выпил рюмку водки, а на свежем воздухе будет нести как из бочки. У жрецов ГАИ ха-ароший нюх, а ехать надо на своем тарантасе—иначе глупо, как бритые ежа. Дай-ка закусить валидом. Отлично отбивает амбразу...

— Саша, может, лучше на такси?—посоветовал Васильев в неопределенном раздумье.— Как некстати эти гости у него. Если бы ты знал, как не хочется никого видеть. Вот, возьми валидол, Саша.

— А ты смотри на всех сатаной, так свободнее будет,—сказал Лопатин, бросая в рот таблетку валидола.— Тщеславию художников границ нет, это и курице известно. Но ты, кажись, сыт всем по горло, поэтому заранее освободи себя от поклонов.

— Ни разу в жизни, Саша, я не отбивал поклонов.

— Не преувеличивай, старикашка, не преувеличивай. Все мы не раз чувствовали гибкость своего позвоночника. Поехали, Володя. Бог в помощь, как говорили наши деревенские предки.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

В вестибюле гостиницы, очень просторном, тихом, нелюдном в этот час, пахнувшем теп-

¹ Да-да-да.

лым ветерком лаванды и синтетической кожей чужих чемоданов, швейцар с налитой шеей уважительно выставил мясистый подбородок навстречу внушительной бороде рослого Лопатина (вошедшего хозяином в раскрытые двери), но затем отсекающим взором измерил Васильева, проговорив заученно и подобострастно:

— Вы к нам? Карточку вашу...

— Я? Вы меня спрашиваете?—ответил Васильев, не ожидая этого препятствия, и вдруг вспыхнул, что редко бывало с ним раньше.— Я к господину Рамзину. А что, собственно, угодно?

— Он со мной,—густо забасил Лопатин и по-шаловному заиграл глазами, не без ернического увлечения вступая в объяснение со швейцаром:—Вернее, я с ним, дорогой наш суровый и бдительный товарищ, потому что перед вами академик живописи, известный художник Васильев, а я лишь скромный деятель искусств. Что надобно еще добавить? Паспорт? Удостоверение личности? С удовольствием...

В это время из глубины вестибюля бесшумно подошел красивый молодой человек, гладко и плоско причесанный на косой пробор, с любезной улыбкой спросил, кого они хотят видеть, и, узнав фамилию, прошел за стойку, возле которой стояло несколько чемоданов (там перебирал стопку зелененьких листов молоденький, белокурый, опрятный портфель), довольно-таки быстро просмотрел какой-то список на столе и пригласил с той же искусственной любезностью:

— Пожалуйста. Двести пятнадцатый номер. Его занимает господин Рамзэн.

— Как вы сказали—господин Рамзэн?—не понял Васильев, думая, что ослышался, хотя произношение молодого человека с отлакированной прической было весьма четким.— Не Рамзэн, а, наверно, Рамзин?

— Я сказал: господин Рамзэн,—ответил молодой человек и посмотрел невинно в переносицу Васильева.— Пожалуйста, проходите... Можете на лифте, можете по лестнице.

— Любопытно,—пробормотал Васильев.

Они стали подниматься по лестнице.

— Не Рамзин, а Рамзэн, оказывается,—сказал Лопатин, отдуваясь, когда поднялись на второй этаж и после кратких расспросов дежурной за столиком приблизились по малиновой дорожке к массивной двери с медной ручкой.— Разница, оказывается, незначительная: в одной букве. Рамзин, Рамзэн. «Ин» или «эн»—деталь на западный лад,—замечтал едко Лопатин и постучал в дверь.

И эта случайно узнавшая новость—изменение знакомой с детства фамилии на одну букву—раздражающе подействовала на Васильева, как будто Илья этим скрывал нечто постыдное, связанное с прошлым, выбрав себе новое обозначение в мире, что придавало ему иную сущность, неприятно отдалявшую его. Но еще неприятнее стало Васильеву, когда они вошли в обширный номер с большими зеркалами, тяжелыми портьерами, старой добротной мебелью, и первое, что кинулось в глаза, был накрытый стол, торчащие бутылки шампанского из серебристых судков, набитых льдом, и—огромные темно-серые глаза Виктории, готовые улыбнуться и не улыбающиеся, изумленно устремленные на Лопатина, и рядом с ней Эдуард Аркадьевич Щеглов, оживленный, как всегда; редкие волосы с тщательным мастерством от уха до уха начесаны на лысину, стекла очков рассыпают трассы ядовитых искр, хотя черный пиджак и черный галстук-бабочка на белоснежной сорочке придавали ему официально-гостевой облик человека, вернувшегося с кокетеля в посольстве; и какой-то подчеркнuto освеженный вид (будто сейчас прохладную ванну принял) Ильи, одетого в серый костюм, в голубую, молодившую его рубашку, только лицо, иссера-бледное, с кругами в подглазьях, не могло скрыть тайного физического нездоровья. Он несильно пожал холодной рукой руку Васильева и, приподняв брови, настороженно взглянул на Лопатина, показывая этим выражением, что не знаком, не встречался или не помнит, даже если встречались когда-либо.

— Лопатин, Александр Георгиевич, художник, график, мой друг,—представил его Васильев в ответ на вопрошающее внимание

Илья.— Вы не знакомы, можешь не напрягать память. Учился в разных школах и вместе не воевали. Слушай, мы могли и не найти тебя,— заговорил Васильев полусерьезно.— В вестибюле я с интересом услышал, что в гостинице проживает господин Рамзэн. Подумал, что твой однофамилец. Оказалось—приятно ошибся, ибо Рамзин и Рамзэн одно и то же лицо. Илья засмеялся.

— Ах, да, забыл тебе сказать, что в своей жизни я имел три фамилии: Размин, Зайгель и, наконец, Рамзэн Зайгель— фамилия моей покойной жены, Рамзэн— мое изобретение. Так фамилия звучит более неопределенно, чем с окончанием «ин», которое точнее указывает на мое русское происхождение. На Западе спокойнее жить, когда не выделяешься ничем. К Джеймсу Бонду такая конспирация не имеет никакого отношения.

И он с приветливой обходительностью гостеприимства провел их к столу, свободно усадил к чистым приборам между Викторией и Щегловым, налил всем шампанское, через меру подчеркивая мужское радушие, затем сел на место хозяина в конце стола, в кресло с прямой спинкой, наполнил свой бокал, глаза его обошли лица гостей, светясь болезненно обжигающей чернотой.

— Сегодня последний день в России, и я нарушил диету и строгий режим,— проговорил Илья, держа бокал трясущими тонкими пальцами.— Но я не об этом... Здесь четверо мужчин и среди них одна представительница прекрасного пола, дочь старых моих знакомых («Странно, что здесь нет Марии»,— подумал Васильев, удивленный нездоровым жаром в глазах Ильи),— прелестная умная девушка, которая чистым... чудным алмазом украшает наше общество. За ее здоровье, за расцвет ее красоты! Не знаю, спасет ли красота мир, но мир без красоты и молодости был бы чудовищем!

Он не стеснялся в выборе слов, но что-то неестественное, насильное обвивало его фразы, и нарочитое сквозило в его голосе еще и потому, что Илья показался нетрезвым, а она, Виктория, взглядывала на отца с вынужденной улыбкой, умоляя его не обижаться, простить ей эту непредопределенную встречу, и переводила лучисто теплеющие глаза на Лопатина, морщила нос и брови, здороваясь так и без слов переговариваясь с ним. Лопатин же хитровато подмигивал ей,

намекаяюще кряхтел в бороду и поминутно остренько скашивался на Илью, наблюдая его с любопытством. После того как выпили шампанское и Илья вновь наполнил гостям бокалы, Эдуард Аркадьевич, стеклами очков жизнерадостно разметав над столом пучки иголок и, живо поднявшись, заговорил, отвечая Илье со своей обычной шаловливой и наполовину ядовитой иронией:

— Ваш тост в адрес моей любимой племянницы слишком лиричен и отнюдь не схватил за хвост божественную истину, которая имеет две стороны, прошу у глубокоуважаемого нашего хозяина множество извинений. Во-первых, мы— все дети и несем в себе грехи наших отцов. Во-вторых, кто отцы и кто дети? О, где оно, грандиозное взаимопонимание, а не биологическая трагедия! Но... самое большое мужество в наше время— обходиться собственным умом. Не спрашивай, мое золотце, никогда у старых корыт и перечниц мудрого совета— и да восторгается неблагоразумная, но закономерная истина молодости! К примеру, чему научить могу я, мое золотце? Пошленьким мизансценам? Банальным жестам? Ветхим словам? Трусливым запретам? Если в неделе шесть будничных дней, то воспринимай молодость как седьмой день— воскресенье, ибо оно быстро кончается и наступает быт понедельника. Есть одно— сама жизнь, как удовольствие жить, и разумный эгоизм, деточка, как метод этой жизни! Коли можно, принимай эту подаренную нам случаем любви жизнь, как карнавал!..

«Как обычно, его принимать следует с просевом... Но он как будто уговаривает ее в чем-то,— подумал Васильев с сожалением и неприязнью и хотел сказать вслух: «Помоему, вы забиваете голову Виктории чепухой»,— но тут Лопатин зафыркал носом, сочно заикался, опережая его стремительным натиском на Щеглова:

— Я приветствую вас, но не могу поздравить, Эдуард Аркадьевич, с вашим театральным сном! К чему он так благоухающе пронесся над головами античным любомудрием, позвольте спросить? Вы познали смысл жизни, понимаешь ли ты? Ваш смысл, стало быть, в гедонизме, хо-хо! Так смилуйтесь— укажите, научите наслаждаться бытием как вечным воскресеньем и карнавалом. Возьмите в ученики, учитель! Спасите дурака глупого от греховного неразумения! Только когда хлеб

сеять, ежели все время на карнавале ногами дрыгать?

— Ах, Александр Георгиевич, наконец-то я слышу ваш дорогой голос, драгоценный голос моего постоянного оппонента!— воскликнул Щеглов и резво выпустил посредством очков целую стаю воинственных, с острыми копытцами искр-бесенят во взъерошенную бороду Лопатина.— Но вы должны были бы заметить, милейший Александр Георгиевич, я ничего категорического не утверждаю. Ибо всю молодость свою я только и делал, что разрушал и утверждал. Более того, мудрость имеет такое же преимущество над глупостью, как и глупость над мудростью. И я, преизумительнейший осел двадцатого века, задаю вам вопрос: с кем повенчана правда? Чья она невеста? За кем она замужем? И однолюбка ли она? Ответьте, ради всего святого, мне— и я с презрением затопчу гнусную мысль о гадкой любви к жизни и прочей мерзкой пакости, недостойной нашего передового современного человека, и скажу себе: «Старый осел, у тебя плохо меблирован чердак!»

Инквизиторским жестом неподкупного судьи Эдуард Аркадьевич изобразил вокруг головы хаотические зигзаги, обозначающие, как у него плохо мог быть меблирован чердак, и Васильев увидел глаза Виктории: они подавались, расширяясь и наполняясь смехом, от которого ему было не по себе, так же, как и от иссера-бледного, педантично выбритого лица Ильи, овлаженного потом.

— Bravo, неплохой текст,— сказал Лопатин.— Я бью в ладоши. Но есть ли смысл начинать сию минуту тяжбу между нами, Эдуард Аркадьевич?

— И тем не менее, с кем же она в брачном союзе, не посетуйте на придирчивое любопытство, Александр Георгиевич?— повторил Эдуард Аркадьевич и снова выметнул из стекол очков стаю ехидных чертей, просверкавших копытцами в направлении Лопатина.— С кем она, родненькая, об руку ходит, хочу очень услышать?

— Услышать мало. И неутешительное,— ответил Лопатин, посапывая носом.— Во-первых, правде возбраняется быть насильно повенчанной с сильными мира сего. Если выражаться вашим языком, Эдуард Аркадьевич. То есть выходить замуж с материальным расчетом. Во-вторых, и главное: пусть ходит независимой и гордой русской девой, которую надо любовью и умом завоевывать, а не покупать

на ночь на панелях другого мира, чужую красавицу, понимаешь ли ты, в чужеземном платье. Пусть извинят меня Виктория и иностранный гость...

Илья молчал, возбужденно прищуриваясь, глядя на Лопатина.

Эдуард Аркадьевич просиял восторгом и два раза коснулся ладонью о ладонь, изображая знак рукоплескания.

— Грандиозно! Это-то, Александр Георгиевич, грандиозно! Я — за классическую ясность. Но смею ли я преклониться перед вашей душевной неразвращенностью и усомниться в сомнительности? Александр Георгиевич! Конечно, чем идеальнее мы, тем не-мы страшнее греха смертного. Вы против заемной правды, но... Спасите от козней дьявола, душа моя! Вопрос в том, не повенчана ли правда некоторым образом с ложью? Такой пикантный, знаете ли, аномальный брак, к которому многие из нас привыкли, к величайшему огорчению!..

— Экий собачий хохот! — выругался Лопатин пренебрежительно. — Чрезвычайно игриво что-то вы закатали, Эдуард Аркадьевич!

— Я удивлен вашему удивлению, мой милейший Александр Георгиевич! О, мы в силу своей особой морали ежесекундно и ежеминутно режем в особом принципиальном молчании друг другу правду в распахнутые светлые очи. Мы никогда не опускаемся до лжи, до такой безнравственности, чтобы мерзавцу, жулику и дубочку в кресле вслух напомнить, кто есть кто. О, такие выпады — признак невоспитанности и совсем уж не признак мужества. Так что же это — ложь? Или страшная правда? Мы защищаем себя каждую минуту, а не правду, Александр Георгиевич.

— Правда всегда страшна, — проговорил Илья споткнувшись голосом, заглушая окончание последнего слова глотком шампанского, и узко усмехнулся Щеглову, с выпуклым вниманием глянувшему на него. — Правда, как и память, дается человеку в наказание. Вспоминая плохое, страдаем. Вспоминая хорошее, чувствуем горечь невозвратимого. Иногда мне приходило на ум, что ложь есть правда, а правда — ложь... Что правда необходима для того, чтобы скрыть ложь, Эдуард Аркадьевич, — сказал он и так же неуголко и жадно, как пил шампанское, закурил сигарету, шумно выпустил ноздрями дым, поближе переставил на подлокотник кресла пепельницу, уже набитую окурками.

Было несомненно, что он нарушил свой режим, которого, по-видимому, долго и прочно держался, и явно чувствовалось, что он пьянел, — лицо становилось все бледнее, жестче, и будто туманным воспоминанием проглядывало в усмешке что-то давнее, военное, острое, свойственное в ту пору Илье. И Васильев хотел поймать это выражение, понять и вспомнить, с чем оно было связано, и хотел твердо решить, как начать с ним разговор о Виктории, о ее неразумном и нелепом желании, но Эдуард Аркадьевич мешал ему, воспаленный замечанием Ильи, и продолжал без устали чеканить и кидать на стол наспихованные жгучим перцем формулы:

— Фу, как ужасно вы сказали, Илья Петрович! Вы, как я понял, имели в виду ту... заборную ложь и правду! Уверю вас, что наша мораль — удар по лжи, которая пыльным цветом расцветает только за забором! Да, да! Чужая правда — это сорняк! Или же — пух пороссячий! Бильярдный парадокс! Сапоги в простокваше!

— Это вы в мой огород булыжник зашвырнули? — поинтересовался Лопатин. — Валяйте дальше!

— В ваш и в свой, Александр Георгиевич. В общий!

И Щеглов сел на место, сдернул очки, заморгал безресничными веками и начал визгливо побряхтывать, постанывать смехом, слегка трясая черной бабочкой на туго сжатой воротничком еще крепкой старицовой шее (так он смеялся, вернее — не умел смеяться) и чисто плотно протирая очки кончиком носового платка, вновь молниеносно и жарко возбуждился, заговорил не без колючего вдохновения:

— А мировая история человечества — что это? Жизнеописание Адама и Евы в раю? Увы! Это кровь, пот, несчастья, преступления, сплошной кошмар! Как ее назвать — поиск

правды? Несомненно и безусловно! Иисус Христос был всего-навсего распятый проповедник, но... стал сыном божьим, потому что его страданиями люди хотели утвердить правду, прийти к любви. Утвердили? Крестовыми походами? Инквизицией? Так где же, где эдемская благодать? Ась? Нет, вся прошлая история Европы — история безумия! Вся нынешняя машинная цивилизация — история безнравственных ученых, водородных бомб, убийств, национализма! Ради истины внесу поправку! История человека должна быть биографией правды, а не сюжетом красивой и доступной дамочки, которая на деньги любовника наряжается по его вкусу то в одно, то в другое платье! Здесь я согласен с вами, милейший Александр Георгиевич! Только здесь, мой друг! — Он изящно бросил очки на переносицу, выразительно нацелился выпуклым, испытующим взором на Лопатина и вторично залился неумелым брызгающим смехом: — Ее, матушку правду, можно не только повенчать с ложью, но и стибрить, то есть украсть, облить помоями или прогнать в три шеи. Как вы это назовете? Порочный брак с гордой девицей?

— Вот соображаю, как можно назвать ваш трактат о правде, Эдуард Аркадьевич! — проговорил Лопатин тоном невинной рассудительности. — Позвольте вас обидеть невзначай? Выдержите?

— Чудесно! За что же? А ну-ка, ну-ка!.. Как же вы желаете меня обидеть, коли я ни бельмеса не соображаю в повсеместной посадке кукурузы? Как назвать хотите?

— Унылая философия осеннего листа. Ну-деж, плач, стон, причитания и скулеж. Пессимизм — нехитрая штука.

— Я оптимист, родной мой. Именно я люблю все человеческое. Пессимизм — это ползание на четвереньках, а я с детства мечтал расти в высоту, как дерево, не боясь молнии.

— Какие молнии, когда осенний ветер срысывает листья. И темнеет в четыре часа. Записки ноября.

— Да, да, это грустное зрелище.

И Эдуард Аркадьевич, ценя слово, ничем не проявляя обиды, в переизбыточной бодрости задвигался всей своей сухонькой деятельной фигурой, приветствуя полемическую формулу оппонента.

— Осеннего листа записки! Чудесно! Это-то что же, что же, Александр Георгиевич, вы преклонный возраст мой имеете в виду? Или же вливаете яд в мой кубок, готовый чокнуться с вами?

— Нисколько. На кой леший! — грубовато отмахнулся Лопатин. — Хочу сказать, что горький вкус осеннего листа под ваш развеселый аккомпанемент вызывает у меня кручение в животе. Выть на луну хочется и бежать до ветру. Вы все мировыми категориями по башке оглушиваете, все вселенскими масштабами. А вот скажите, Эдуард Аркадьевич, златоустый Сократ двадцатого столетия, скажите, как вы-то сами в бытие правду-матку утверждаете в наши-то либеральнейшие времена? В своем краю родных берез... Хотя мизинчиком пошевтелили?

— Во-первых, милейший Александр Георгиевич, я не карманный максималист. — Эдуард Аркадьевич привскочил, шаркнул ножкой и с язвительной учтивостью поклонился Лопатину. — Во-вторых, неужели вы не видите, что она, матушка, становится такой ветреной, что сил нет! — продолжал он неуголко. — Не задумывались ли вы, что она, дева-страдалица, в грошовой детективы и пошлости по телевизору сбежала. В футбол, в полированную мебель, в ювелирные магазины, сиротинушка, удрала. Ее, матушку родимую, хватательный инстинкт с ног сшибает и в грязь вываливает, по-сибирски говоря. Подойдите, родной Александр Георгиевич, душевно прошу, к очереди у ювелирного магазина и абсолютно серьезно произнесите приблизительно такие диогеновские речи: «Братья и сестры, уважаемые граждане, да неужели смысл вашей жизни в этом желтом металле! Никого из вас он не сделает ни красивее, ни счастливее, а уж бессмертия никак не принесет. Красота — в подаренной вам жизни, в том, что вы дышите, видите солнце, работаете, ходите по земле. Разойдитесь по домам, подумайте о том, что не для этой очереди вы родились. Золото — не хлеб, не вода. Что вам даст лишнее

колечко или медальончик?» Какова, вы думаете, будет реакция, милый Александр Георгиевич? Первое: если вы прилично одеты, да к тому же на манжетах вот такие вот, как у меня, буржуазные украшения, купленные еще в тридцатые годы, — Щеглов артистично тряхнул манжетами и, посмеявшись, повертел кистями, демонстрируя запонки, — то на вас, вне всякого сомнения, заорут так: «Ишь ты, высунулась харя в шляпе, сам чемоданы золота имеет, а нам, выходит, не надо!» А если уж на вас помятое, затерханное пальтишко, то подадут голоса таким манером: «Из психички, видать, бежал! Держи его! Милиция! Где милиция? Перекусает еще всех! Его куда следует отправить надо!» Третьи, не обращая внимания на вашу шляпу, полезут с вытаращенными глазами, попрут мощной грудью на вас: «А ну, проваливай, пока это самое... чего порядок нарушаешь? Без очереди впереться хочешь, такой-сякой!» Подобную сценку, не для пьесы нарисованную, несколько лет назад вообразить себе было трудновато. Что-то произошло, от нас с вами не зависящее. Мировой микроб потребления, как грипп, перенесся к нам. Но там, за бугром, от соблазна, от рекламы, от пресыщенности, наконец, а у нас от чего? От нехватки? А когда начинается погоня за вещичками, в головках многих духовная образуется пустынька, и две госпожи — истина и мораль — уже редко приглашаются сюда в гости. — Щеглов пальцем постучал себе в темечко. — Зачем они? В гардероб не повесишь на плечиках! Лучше уж сервизы в сервантах да хрустальные вазы — до слез престижно! А зонтики, плащики, чулочки, люстры — а? Умилительно! С кем бороться, родной Александр Георгиевич? С самим собой? Мысленным взором окидываю себя: я весь в вещах, на мне отечественные только носочки и еще кое-что. Бороться с микробами, против которых нет вакцины. Это начало духовной трагедии, мой дорогой Александр Георгиевич. Не сомневаюсь, что вы станете красноречиво защищать честь мундира. Но эта истина не имеет определенного места жительства! Она не прописана нигде! Она без паспорта! — повысил тонкий насмешливый голос Эдуард Аркадьевич и в беспристрастной послушности, уважительно склонив голову, посмотрел выпуклыми глазами в конец стола на молчавшего Илью, продолжал не без веселой жестокости: — Я не сомневаюсь ни на йоту, что сумасшедшее человечество утратило высший смысл своего существования и заблудилось... Или уж наполовину заблудилось в бетонных лабиринтах больных и перенаселенных городов!.. И я не уверен, что завтра его найдут и спасут. Кто найдет? Кто спасет? Другие миры? Обитатели летающих тарелок?.. Инопланетяне? Да, возможно, что они обращают на нас внимания не больше, чем мы на муравьев. Найдет и спасет ли себя само человечество? Оно дискредитировало себя... Оно должно очиститься, Александр Георгиевич. Но — как?

— Пустозвонство! Художественный свист! Звуковое сотрясение воздуха! — загремел с презрительным негодованием Лопатин и даже кулаком ударил по краю стола, в порыве несогласия уже не стесняясь Ильи, который непрерывно подливал себе в бокал шампанского и как-то замкнуто пил мелкими глотками, все более бледнее, капли пота собирались островками на его висках. — «Смысл жизни». «Человечество». «Инопланетяне». «Правда». Леший не разберет, во имя чего вы, Эдуард Аркадьевич, замесили столько громких слов и во имя чего такую циничную кашу бочками наварили! Все человечество вы сейчас с ног до головы облили ядом, весь род людской в вещизме обвинили и обсмеяли, правду выдали замуж за лжеца-негодяя и оставили одни руины, как Мамай какой все копытами вытоптали! Содом и Гоморра! Бесплодная пустыня после вас осталась. Выжженная земля! Чего же вы хотите — очистительного всемирного потопы... и искупления? И не жалко род человеческий? А вы как же сами? Вы не особь человеческая? Вы кто — коза, трава? Букашка? — Козочкой хотел бы по зеленой травке ходить, — сказал Эдуард Аркадьевич и развел руками с сокрушенным смирением. — Счастлив был бы безмерно.

Продолжение следует.

УЧИТЕЛЯ ИЗ КОРБАНГИ

Корбанга — так называется наша местность, что находится на вологодской земле. В минувшее военное лихолетье только из одной воробьевской семилетки ушли на фронт пять педагогов. Никто из них не вернулся. Об их военной судьбе хотелось узнать больше, и я обратился к вдовам.

Первой откликнулась Анна Алексеевна Круглова. Ее муж учительствовал в одной из наших начальных школ. Вот что он писал жене:

«20 сентября 1941 года. Привет с Украины!.. Участвовал в ожесточенных боях 20 с лишним дней, а пока нахожусь на отдыхе и готовлюсь к бою. Курсы артиллерийских не кончил, т. к. обстановка изменилась. Артиллерия убит, остальные учителя неизвестно где... Обо мне не беспокойся, я уже имею опыт боев. Но все же должен сказать, что войны без жертв не бывает. Если останешься одна, то воспитывай детей, живи и работай честно. Нюра, храни мои фото, может быть, они останутся памятью обо мне. Но я думаю, что дело наше правое и победа будет за нами. Крепко целую тебя, Тоню и Славику. Адреса своего не даю, мы часто меняем место».

Больше писем не было. Повяло тревогой, от боли в сердце просыпалась по ночам солдатка. Не выдержала, написала фронтовому товарищу мужа. Тот ответил: «Товарищ Круглова! С Вашим мужем 24 сентября 41 года вместе был в наступлении. В этом бою Ваш муж был ранен осколком снаряда в обе ноги и грудь в двух местах... В левую ногу тяжело ранен, мне пришлось его сопровождать в полевой госпиталь, приходилось несколько раз перевязывать ногу, кровь все время просачивалась через бинты... Но почему писем нет,

то для этого много различных причин, а поэтому прошу Вас не расстраиваться. С приветом — Морев».

Уже после войны, в 1947 году, Анна Алексеевна получила известие, что Круглов Николай Васильевич пропал без вести...

Когда началась война, учитель воробьевской школы Александр Михайлович Демичев находился на действительной службе. На четвертый день войны он писал жене:

«Милая, дорогая, славная Лена! Родинка, я знаю, что ты ждешь меня, думаешь о встрече. Но видишь, какие обстоятельства складываются. Сейчас на фронте бьются родные и друзья, я тоже буду там. Новый учебный год вам, вероятно, придется начинать одним. Мужчины будут заняты. Желаю вам хорошо подготовиться к этому серьезному делу. Держитесь организованно, сплоченно, общими силами решая боевые задачи тыла...

Победа будет за нами... За меня не беспокойся, я цел и невредим. Но если же и буду одной из жертв, которые неизбежны на войне, то уверен, что мужественно встретишь это. В воспитание малышей вложишь всю свою любовь».

Крепко, крепко целую тебя, моя любимая Лена. Твой Шура».

В первых же боях А. Демичев был ранен. Вот строки из его письма домой:

«Мой милый, дорогой Ленок! Горячо благодарю тебя за заботу и внимание. Твои письма и особенно последнее (с фотокарточками) — самый лучший подарок, какой я получал за дни в госпитале. Вот передо мной мои любимые малыши. Какие они большие, славные, хорошие. Я почему-то такой и представлял Асю: в коротком платьице, загорелая-загорелая. Спасибо, милая дочурка, за фото. А Юру я не представлял. Ну, и толстяк же он! Бутуз настоящий. Я часто ухажу куда-нибудь в уголок, достаю фото и переносю далеко-далеко к вам».

Обо мне прошу не беспокоиться. Я скоро поправлюсь. Хочется снова туда, в бой. Победа придет скоро. Я вернусь к вам и буду с вами, мои милые, любимые, дорогие».

Но учитель-солдат не вернулся домой.

Принес в наш музей отцовское письмо поэт Александр Романов, секретарь Вологодской писательской организации, автор многих поэтических книжек. Его отец Александр Александрович Романов был завучем семилетки в де-

Н. В. Круглов. Погиб в 1941 году.

ревне Воробьево. В письме от 10 февраля 1944 года учитель-фронтовик писал 13-летнему сыну:

«Здравствуй, дорогой мой сын Шура! Нахожусь не на фронте, а в г. Боровичи, т. е. в том знаменитом городе, где я лечился после первого ранения. На сей раз в боях за древний «Господин Великий Новгород» и земли исконно русские меня 6 февраля 44 г. немножко царапнуло в правое плечо (ранило), но не сильно: сам можешь убедиться — пишу письмо раненой рукой...

Шурик, как идут дела у тебя? Как учишься? По немецкому все сидишь на «тройке»? Как Павлушка учится? Как здоровье мамы, Лены, бабки Екатерины?

Дорогой сын Шура, пару слов о твоих стихотворениях. Стихотворение «Вологда» я получил. Снова посоветую тебе: раз любишь литературу — больше читай, больше учишься, а когда будешь писать самостоятельно или стихотворение, или рассказ, то пиши не спеша, тщательно продумай, переделай не один раз, перечеркни, а добейся лучшего. Никогда не думай, что написал хорошо, а всегда считай, что надо написать еще лучше».

На этом пока кончаю. Крепко обнимаю и горячо целую тебя, дорогой сын Шура, маму, Пашу, Лёву и бабушку Екатерину.

До свидания, твой отец Александр».

Свидания не было. В июне 1944 года командир взвода Романов погиб в Прибалтике.

Четыре года шли бодрые письма жене в Корбангу от старшего лейтенанта Попова. В одном пись-

ме из Польши он сообщил, что слегка задет вражеским металлом, лежит в госпитале, но дело идет на поправку. Вместе с другими плакала от радости Елизавета Арсентьевна в День Победы — наконец-то война кончилась, и хотя муж ранен, но живой, и скоро они будут вместе. Письма из госпиталя приходили часто, и не заметила она в радостном возбуждении, что менялся почерк мужа, сползали строчки, пропускались буквы. Она жила одним ожиданием, и вдруг:

«Здравствуйте, уважаемая тов. Попова! С глубоким прискорбием сообщаю Вам, что Ваш муж Попов Николай Михайлович 19 августа 1945 года умер от тяжелых ран. Часто вспоминал Вас — Лизоньку и мамашу. Похоронили его недалеко от госпиталя. Хорошее живописное место под деревом, недалеко от пруда. Могила отдельная, хорошо обложенная дерном».

Ну, вот, дорогая и уважаемая Лиза, сообщила Вам все. Очень и очень Вам сочувствую. Мне тоже, дорогая, очень трудно вспоминать о своем погибшем муже. Что делать? Значит, такая наша судьба. До свидания. Берегите свое здоровье».

Медсестра Ускова Эльвира».

Вскоре пришло официальное известие: Н. М. Попов умер от ран и похоронен в польском городе Быдгощ.

Из воробьевской школы погибли еще два учителя: Осолодкин Анатолий Павлович и Попов Василий Александрович.

Корбангские учителя... Они не только учили уму-разуму деревенских ребятишек, но в грозный час сердцами заслонили их от врага.

Перелистывая горькие списки погибших земляков, я находил имена и других учителей: Алексей Константинович Маслов, Сергей Александрович Смирнов, Николай Васильевич Андрианов, Николай Павлович Смирнов. Работали они перед самой войной в других местах, но память о них и скорбь здесь, в родном краю.

Н. ПАУТОВ,
директор на общественных началах Корбангского народного музея

Учителя воробьевской школы:

А. М. Демичев,
погиб в 1942 году;

А. А. Романов,
погиб в 1944 году;

В. А. Попов,
погиб в 1941 году;

Н. М. Попов, погиб
в 1945 году в Польше;

А. П. Осолодкин,
погиб в 1941 году.

ЧТО МЕШАЕТ П

Владислав СЕРИКОВ

Владислав Пахомович Сериков... Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР и премии Совета Министров СССР. Популярнейший среди строителей страны человек. Родоначальник бригадного подряда в промышленном строительстве. Как один из руководителей Центра НОТ Минтяжстроя СССР, он в любой момент готов броситься в бой за этот весьма прогрессивный метод ведения работ, позволяющий бригаде строить быстро, высококачественно и по-хозяйски экономно. Вот и сейчас он приехал в редакцию прямо с пленума ЦК профсоюза рабочих строительства и промышленности строительных материалов. — Сериков его секретарь. Как всегда, энергичен, в руках — массивный мастерок на красной рукоятке. Поднял его над головой, чтоб все видели... За нашим «круглым столом» победители соревнования подрядных бригад на призы «Огонька», прибывшие в Москву со строительства КамАЗа, Атоммаша, БАМа.

СПАСЕНИЕ УТОПАЮЩИХ

Этот мастерок подарил мне сегодня Фома Мальцев, знаменитый еще с довоенной поры московский каменщик, заслуженный строитель республики. Мастерок, кажется, простой, незаменимый в обиходе строителя инструмент. Те, которые выпускает промышленность, быстро ломаются. Мальцев десятилетиями мечтал о том, что наконец научатся делать надежные, крепкие мастерки, — не дождался, сам мастерил. Мы тоже делали в своей бригаде мастерки сами. Из старых рессор, целиком кованные. Они заменяли и молоток — разбивали кирпич, что на Севере особенно важно, — освобождали руку от молотка. Таким можно рубить арматуру и даже доску-сороковку. Приехал в Норильск — приятно был удивлен: и там точно такие, как у нас, мастерки, — кованные, самодельные. Получается по Ильфу и Петрову: спасение утопающих — дело рук самих утопающих...

То же самое происходит у нас с подрядом. Десять лет ему. Сотни, должно быть, статей о нем написаны, десятки брошюр вышли. Вроде бы все понятно и просто, и дело движется, во всяком случае, по некоторым данным. Еще в 1979 году будто бы насчитывалось среди строителей свыше шестидесяти тысяч бригад, работающих на подряде, — одна треть. А в иных областях и вовсе утверждают: у нас больше половины. Не

верьте! Далеки от жизни эти цифры!

Приезжаешь на места — последние два года я все время в пути, объездил Центр страны и Украину, побывал в Сибири и Казахстане — и увиденное не обнадеживает. Плохо идет подряд! Есть отдельные бригады, но они погоды не делают. Многие инженерно-технические работники заняли нейтральную позицию. Наше, бригадиров, дело — добиваться, чтобы подряд стал действенным рычагом успешного выполнения планов.

Как же так могло получиться, что статистика не соответствует действительности? Иногда по недостаточной компетенции, по незнанию сути вопроса к подряду автоматически причисляются бригады, работающие аккордно, — они ведь тоже на премиальной системе. Но с подрядом они не имеют ничего общего. Практика парадных отчетов, слова вместо дела, неточная информация скрадывают огромные трудности, с которыми сталкивается подряд, создают ложно-радужное представление.

ГАЛОЧКА ДЛЯ ОТЧЕТА

Был я в Волгодонске, на строительстве Атоммаша. Тут много интересного, и вдруг я столкнулся с таким фактом. Спрашиваю рабочего одной из бригад: «Ты на подряде?» Отвечает: «Нет». Второй и третий говорят то же самое. А когда спрашиваю бригадира, не буду называть его фамилии, он, не задумываясь, заявляет: «Да, я на подряде». «Как же так? Ты на подряде, а бригада об этом ничего не знает?» Стал объяснять: «Мне навязали этот подряд, я его и брать не хотел, вот и не говорю бригаде»...

С такими навязанными бригадам договорами, заранее обреченными на провал из-за недостаточной инженерной и бригадирской подготовки, мне пришлось знакомиться на многих стройках. Спрашивается, зачем руководителям навязывать бригадам договоры, которые стыдно показать рабочим? Ради галочки в отчете и личного спокойствия. Такое формальное отношение к делу — один из источников фантастических цифр, запутывающих реальную картину. В то же время такие руководители сами с удовольствием ведут гостей в бригады-показухи, успеху которых всеми силами способствуют сами.

Где бы я ни принимал участия в переводе бригад на подряд, а этим я занимаюсь в каждой командировке, — огромную помощь оказывают партийные работники; если находилось у них время — и первые секретари горкомов партии

приезжали в трудовые коллективы. Правда, все эти договоры были такими, что интересно было хотя бы послушать — масштаб, цели, сроки. Такими договора и должны быть. Ведь дело партийное, и всегда должно находиться под контролем коммунистов. Информированность и осведомленность же рабочих просто необходимы. Они должны знать, что, где, когда строить, и заранее обдумать, как лучше построить, какие будут заработки.

ТРИ КИТА

Недавно в одном издательстве меня попросили отрецензировать рукопись книги о бригадном хозяйстве. Прочитал, пришлось дать отрицательный отзыв: повторение прописных истин. Нет жизненных примеров, из которых можно почерпнуть практический опыт, мало фактического материала. Бригадный подряд не догма, почти всегда это поиск, и, чтобы выполнить договорные обязательства, надо много проявить изобретательности и инженерно-техническим работникам и рабочим. Когда я приезжаю на стройку, то далеко не с миссионерскими, как может показаться, намерениями. Рассказываю о том, как было у нас в Мурманске, как получается сейчас в других коллективах. Засучив рукава, изучая особенности данной стройки, организовываем, или, как сейчас принято говорить, делаем подряд. В каждом случае по-иному, потому что у каждого объекта своя специфика.

Но что всегда остается неизменным, будь то БАМ или строительство Атоммаша, газоперерабатывающего завода или жилого массива? Экономическая и социальная сущность бригадного подряда, основанная на коллективном хозяйствовании. Рабочий коллектив участвует в управлении производством, в распределении той части прибыли предприятия, которая создается непосредственно им самим. Оплата труда за конечный продукт на договорной основе. Вот три кита, на которых держится подряд.

ДВА СЛОВА ПРО ДЕДА

Когда я подписывал договор на первый бригадный подряд — давно это было, — мать моя, узнав о нем, сказала: «Ты — сопляк! Вот твой дед действительно был подрядчиком! Даст два гвоздя и скажет: «Третий сам выдумывай». В Саратовской губернии он две церкви построил. Сдал тогда, когда до последней дощечки на ступеньке все было готово и крест поставлен; входи, молись. Тогда уж молотками стучать никто бы не позволил. Вот это был настоящий подрядчик!»

Мать рассказывала со своих позиций, да и мерки были тогда другие, но в ее рассказе была большая правда. Калужские мастера мостили брусчаткой Красную площадь по подряду. Собор Василия Блаженного — тоже строили по подряду... «Далеко прошлое?» — говорите? Верно. Но нам есть чему поучиться. Нам надо растить мастеров, готовить такие коллективы, которые способны сдавать объект полностью «под ключ», чтоб не было абсолютно никаких доделок и переделок! При современных масштабах строительства это может быть узел, объект, комплекс,

очередь. Но во всех случаях величину подряда определяет конечная готовая продукция. Добиться этого не так-то легко, но в этом главная суть подряда. Иначе я не представляю его.

Я лично, когда заключал договор на строительство Южной ТЭЦ, мясокомбината, очистных сооружений, административно-бытовых корпусов, должен был делать, как говорят строители, осваивать каждый год по миллиону рублей договора, по генподряду соответственно от 5 до 12 миллионов рублей. Но освоение этих миллионов не было целью. Целью было сдать объекты в срок. А сейчас Виктор Гуцало, он был моим заместителем, заключил договор на несколько лет и на тридцать миллионов по генподряду. В «Строительной газете» прочитал. Вот это размах! Это уже не просто бригада — фирма! Дела идут у него успешно. Виктора избрали делегатом XXVI съезда партии. В Звездном городке Гуцало за хорошую работу космонавты вымпел вручили. Вот на что способна большая бригада, закаленная в решении сложных задач. А мелких малочисленных, никуда не годных бригад не должно быть!

ЭКСПЕРИМЕНТ

Существует мнение: психологически трудно объединить друг с другом незнакомые коллективы. Возникает несовместимость — для строителей явление не менее важное, чем для космонавтов. В Старом Осколе, на строительстве электрометаллургического комбината, мы решили провести эксперимент. Там была уйма маленьких бригад. С самого утра на стройке поднимался невообразимый шум. Одна бригада требовала бетон, другая — раствор, третья — кран. Кричали все, а работа стояла.

Я спросил начальника комбината: есть у вас первоочередный, солидный, миллионов на пять объект? Есть! Давайте отдадим его на подряд. Сотрудники филиала Центра НОТ дали свои предложения по кандидатуре бригадира.

Остановились на Вячеславе Глушенко. Грамотен, проявил организаторские способности, с народом говорить умеет, и хозяйский глаз у него. В бригаде всего 15 человек. Собрали в прорабку три бригады. Повесили на стенку чертежи: смотрите, изучайте задачу. Заказчик рассказал, что за объект. Какие тут предстоят виды работ. А работы все интересные, тут и бетон, и монтаж, и кладка. Есть где развернуться! Подсчитали деньги и возможные премии. Если 70 человек, то получится по восемь рублей в день, да премия два рубля. Можно строить? Можно! Вот вам двадцать минут на размышление, хотите — берите, не желаете — дело ваше...

Закурили, разошлись... Кое-кто сразу остался.

Через двадцать минут вернулся, и сразу вопрос: «Вы говорите, по 8 рублей на 70 человек. А если будет 50 — деньги останутся те же?» «Деньги ваши, — пояснил начальник комбината, — обсчитываем объект, а не количество людей». Я добавил: «Если пятьдесят, то заработок получится больше, десять, к примеру, рублей и пре-

ОДРЯДУ?

Совершенствовать подрядный и хозяйственный способы ведения строительных и монтажных работ.

Из Проекта ЦК КПСС к XXVI съезду партии.

мья — три». «Будем голосовать?» Проголосовали единогласно.

Эксперимент удался. В первый же год бригада досрочно, 5 декабря, рапортовала о выполнении своих договорных обязательств, получила поздравление министра. В прошлом, восьмидесятом году освоила еще свыше миллиона рублей. Как раз в эти дни Глушенко выступает на ВДНХ, делится опытом работы своей бригады.

Подобным же образом поступили в Липецке в самый пиковый момент, когда надо было укладывать по тысяче кубометров в сутки бетона. Решили работать в три смены и условно объединили три бригады, сохранив их вожакам бригадирские. Сработались на славу. Второй год уже так, и бригаду не расформируешь, если бы кому-либо и захотелось.

АНАТОЛИЙ ГРЕКОВ ИЗ ЧЕРЕПОВЦА

Но самое, конечно, интересное произошло в Череповце, когда строился недавно пущенный кислородно-конвертерный цех. Сооружение колоссальное. Глазом не окинуть. Но и столпотворение, скажу я вам, 600 крохотулечных бригад по 8, 10, 12 человек. Какая тут отдача? А министр, посылая меня на стройку, дал задание: попробуйте сделать так, как у вас было в Мурманске. Посмотрел я на людей... Прибыли тысячи новичков... В нашем деле они дилетанты. Бригады на организацию крупных бригад не поддаются. Так и уехал ни с чем. Через несколько дней возвратился. Собрал бригадиров. Рассказал о том, как мы работали в Мурманске. Спросил: может, кто-нибудь сумеет, рискнет? Решился Греков: «Я сделаю подряд!» Я с уважением посмотрел на него: смелый, волевой человек. В его бригаде только десять квалифицированных строителей. А он взял пятьдесят новичков.

С чего начал Анатолий Греков? Прежде всего создал совет бригады — главную свою опору, потом избрали профгруппорга, группомсорга.

Начинали летом, а зимой ударили морозы. Под сорок. Жизнь на стройке замерла. Я был в то время в командировке в Мурманске и переживал: как там, у Грекова? И вдруг слышу по радио, в последних известиях, сообщение: производительность труда в бригаде Грекова выросла вдвое! Не утерпел, прямо с ходу в Череповец. Как всегда, прежде всего произвел разведку в «тылах». Поговорил с рабочими. Тот монтажником уже стал, тот сварщиком. Люди довольны. Вот теперь можно и к Грекову. «И в морозы, — рассказывал он, — когда все стояли, мы все же работали. Осваивали по сто тысяч рублей в месяц...»

Если кто будет в Череповце — не поленитесь, загляните в отделение непрерывной разливки стали кислородно-конвертерного це-

ха. Пойдите, полюбуитесь: чисто, хорошо сработано! Построила его и сдала под ключ бригада Анатолия Грекова. Ему была присуждена премия Совета Министров СССР. Между прочим, эту свою премию он разделил с бригадой.

Слыхал я, что кое-кто из начальства стал обижаться на Грекова: мол, испортился у него характер, требований чересчур много... Да как же ему не требовать, если его бригада обеспечивает половину плана всего строительного управления. Запросы по масштабу!

ТЯЖЕЛА ПИРАМИДА

Думаю, что и на Глушенко скоро будут обижаться, терпеливо жду. Еще летом я спрашивал у Вячеслава: «Перспективу видишь? Что будешь строить в 81-м?»

Я в Старом Осколе чаще всего бываю, несколько раз в году, тут подопечная мне стройка, тут работает школа по бригадному подряду. Приезжали сюда строители Волгодонска, Горького, Липецка.

«Не знаю, — отвечал Глушенко, — Начальство молчит». «Как же ты будешь разворачиваться, как будешь готовить своим звеньям фронт работ, заключать договора с субподрядчиками, планировать комплектную поставку материалов и оборудования? Об этом уже сейчас беспокоиться надо...»

Пошел я к Этлендеру, начальнику строительного управления. Он активный сторонник бригадного подряда. Как только бригада Глушенко показала в 1979 году блестящий результат, Этлендер разогнал 17 маломощных бригад и сделал всего три бригады-участка... Начальник управления меня теперь не обрадовал: нет технической и сметной документации. Пошел и управляющему трестом, — тут тоже ждут. Трест — маломощная организация, не располагает инженерно-техническим персоналом, способным произвести технологическую и финансовую подготовку. Следующая инстанция — комбинат. Здесь машина окончательно застопорилась...

Все мои интервью с руководителями на разном уровне (не многовато ли их?) зафиксировали кинооператоры творческого объединения «Экран» Центрального телевидения, работавшие над второй серией документального фильма «Дело не в премии». Скоро он выйдет на экран, и телезрители увидят, какая громоздкая управленческая пирамида нависла над бригадой. А ведь над комбинатом стоит еще объединение, и уж на самом вершине — министерство. Не многовато ли надстройная?

В Виннице решили этот вопрос одним махом: упразднили управления. Бригада-участок стала первичным звеном треста.

В СМУ № 2 Мурманскпромстроя, где я работал, все работы по бригадному подряду взял на себя плановый отдел. Свои расчеты он строил на пять лет. Наша бригада, как и другие в СМУ № 2, знала наперед, что будет делать через год и два. Мы могли спокойно маневрировать. Подряду ничто не угрожало.

ТЕ ЛИ ПРЕМИИ!

Что же получается у Глушенко? Чем объясняется пассивное, инертное отношение к подряду иных инженерно-технических работников не только на этой, но и на других стройках? Я не скажу, что так настроены все. Нам в СМУ № 2 очень повезло: нас окружали энтузиасты подряда, такие же, как и мы. Они готовы

были ночами не спать, чтоб помочь нам, подготовить документацию, рассчитать калькуляцию, потом вести учет проделанному. Земной им поклон за это! Но, прямо скажу, таких энтузиастов не много. И вот почему: инженерно-технические работники получают премии поквартально, за вал, а бригада на подряде — за сроки сдачи объекта и за качество. Стимулы идут вразнобой, как в той крыловской басне про лебедя, щуку и рака...

Я считаю, что специалисты, имеющие отношение к бригадному подряду, должны исходить от одной, как от печки, точки отсчета, общей для всех единицы измерения: объект, узел или очередь объекта. Все, начиная от проектировщиков, субподрядчиков генподрядных бригад до транспортников и заводов — поставщиков оборудования и материалов. Планирование и оплата труда — тоже от этой единицы, равно как и премии всем участникам и всем инженерно-техническим работникам — за конечный продукт, то есть за сдачу объекта. Вот тогда будут у всех одни и те же интересы. В связи с этим, да и не только с этим, назрела необходимость пересмотреть положение о подряде. В нем явно расходуется то, что есть, с тем, к чему стремимся.

И еще о премиях. Бригадам начисляют премии, например, за экономию материалов. Последние четыре года наша бригада отказалась от этих премий, потому что экономия-то была липовая! Заменили нам, допустим, щебень на песок — получай премию. А при чем тут бригада, откровенно говоря? Возили нам материалы из Апатитов, а потом стали из Мурманска, сократилось расстояние. Опять премия... Этого, товарищи, не надо делать. Достаточно двух премий за время и качество. Остальные, квартальные, допустим, авансовые и другие надо откладывать, чтоб собрать потом большую премию в четыреста—пятьсот рублей. Государство от этого ничего не потеряет, потому что те же самые деньги мы получали по двадцатке, по тридцатке каждый месяц, что совершенно ни к чему.

ПАРАДОКС

Спрашиваете, как с материально-технической обеспеченностью подряда? Все дело в том, как этот вопрос понимать. Снабжение, конечно, идет с перебоями, но материалов у нас много. Иногда под ногами валяются. Вот такой парадокс: много и в то же время не хватает. Судите сами. Иду по Череповцу. Стоят у дороги десятки «норобок», у одной уже береза выросла. Это же бетон, цемент, арматура! Все погибло. В центре города мальчишки с забора рыбу удят. Что за новоявленное озеро такое? Подхожу поближе — под слоем воды огромнейший фундамент. Сколько ему лет — мальчишки не знают, он постарше их. Снова омертвевший материал, а ведь тут тоже работали строители, ждали его с нетерпением и деньги получали. Это я к слову о нашем хозяйствовании и бережливости. Подряд приучает нас быть зоркими...

Что же касается нашей бригады, то когда ведешь огромное сооружение несколько лет, то простой даже в полтора месяца, допустим, с цементом, такое на Севере бывает, не так уж страшен. Прантически простое у нас не было. Без всякой паники я переводил людей, допустим, сварщиков, на кладку кирпича или на другие работы. В то же время для маленькой бригады простой в три-четыре дня уже ЧП, а дольше — трагедия, срывается подряд-конструктив. К сожалению, таких бригад плодится великое множество.

О ТАРИФЕ И ПРОЧЕМ

Получил записку. Спрашивают, скоро ли будут пересмотрены тарифы? Законный, давно наболевший вопрос. Я об этом твержу где угодно, и вы помогайте! Минтяжстрой СССР, где работаю, поддерживает меня полностью.

Что у нас получается? Рабочие деньги не зарабатывают, а деньги им выписывают. Написали восемь рублей — мало, поторгуйтесь — десять напишут, еще нажмете — одиннадцать будет. Что это за зарплата, которую можно растягивать до максимума или сжимать до минимума?

Тарифная система существует с 69-го года. По шестому разряду платили раньше 130—140 рублей. Сейчас платят по четвертому 180—200 рублей. Тарифы устарели, их надо пересмотреть. Об этом шла речь за «круглым столом», который осенью прошлого года был проведен в Старом Осколе. В нем приняли участие руководители и бригады нескольких строек. Сошлись все на одном: устаревшая тарифная система сдерживает рост производительности труда. Мы изложили свое мнение и послали в Госкомитет СССР по труду и социальным вопросам.

В нашем министерстве, да и в других тоже, существует огромная армия нормировщиков, работников НИС, центров НОТ, оргтехстроя, которые изучают непроизводительные потери и простои. Уже поставлен давно диагноз этой затяжной болезни: неумение или нежелание организовать дело на местах. Опыт работы без простоев накоплен немалый. Имеется десятиминутная кинолента, снятая несколько лет назад в нашей бригаде. Она показывает, что все 24 часа можно работать бесперебойно, несмотря на неизбежные в нашем деле неурядицы с техникой, материалами, непогодой и другими помехами. Давно бы следовало усилия специалистов направить не на подсчитывание простоев, а на то, чтобы учить людей, как работать без них. Как пригодились бы сейчас такие советы, например, в Темиртау, где развернуто строительство цеха белой жести для консервной промышленности. Но об этом разговор в следующий раз.

Беседу В. П. СЕРИКОВА на совещании в редакции «Огонька» записала Галина КУЛИКОВСКАЯ.

Рамиль ХАКИМОВ,
фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

В Нуримановском лесохозяйстве мне предложили потратить полдня на охоту.

— Удачи не обещаем, — напутствовал директор хозяйства Риф Зайнуллович Фаткуллин. — Но хоть места наши узнаете поближе, с лесом пообщаетесь...

— Вряд ли попадетсЯ заяц, — поддержал директора главный охотовед Рустам Асадуллин, — какой-то мор на него напал...

Между тем техник-охотовед Рауф Зайнуллин без лишних слов стал запрягать лошадь.

Только выехали за околицу, на нас накинута буря. И с такой направленной свирепостью, будто именно нас поджидал, именно с нами и решил расправиться. Рустам с Рауфом сели лицом навстречу ветру, предоставив мне самое лучшее место на санях — за своими спинами. Поначалу мы перебрасывались кое-какими фразами, но очень скоро замолчали. Моя экипировка стала представлять мне состоящую сплошь из дыр, и

ному времени: пора было возвращаться. И снова зарзбойничала степь, и снова мы искали позы, которые хотя бы немного уберегли нас от прямых попадания ледяных струй бурана.

Лес и степь... Вернее, клочок степи и кусочек леса... Непримиримые миры. Подружить их может только человек. Но было сейчас нечто, роднившее лес и степь: ни там, ни здесь мы не встретили ни одной живой души.

— Зверье нынче можно увидеть только в нашем заказнике, — заверил Рустам. — Конечно, в хороший день мы могли бы набрести на лосей и волков, на лисицу и на зайца, но все же зверью и птице приволье не на воле, а в нашем вольере.

И вот встреча со зверьем и птицей. И в таком количестве, что не снилось, наверно, и нашим пращурам. Отбегали от нас, но не так, чтоб очень далеко, пятнистые олени и косули. Лоси подходили вплотную, выпрашивая угощение. Лосиха же Зорька — та и вовсе терроризировала и людское и звериное население вольера.

Рядом с вольером — фазанья ферма, где сотни диких птиц ждут своего часа, когда их выпустят из клеток в подарок охотничьему сезону.

щеется от западной до восточной, границы Башкирии в самой ее срединной части. Здесь те же проблемы, что у нуримановцев, плюс обилие городского населения: миллионной Уфе и ряду городов и рабочих поселков требуется место для отдыха. Значит, подавайте лес!

Заслуженный лесовод Башкирии, главный лесничий Уфимского ПЛХО Узар Ибрагимович Янбухтин вводит нас в курс своих забот:

— Территорию на двадцать тысяч садов уфимцы получили из нашего фонда. А сколько в лесу отдыхающих! В летний период все в лесу. Кому ягоды и грибы, кому охота и рыбалка, кому застолье у костра. Самовольного порубщика, каким он был раньше, теперь нет. Но вот пошатающиеся фигуры подвыпивших парней с гитарами для нас, пожалуй, самые опасные: после них жди пожара и уж обязательно хлам, а сами они, да еще если с собакой, весьма агрессивны. И все же гостей леса мы принимаем по-доброму...

Это я могу и сам засвидетельствовать. За последние десять лет леса Уфы изменились неузнаваемо. Появилась сеть обожженных троп и дорог, возле них беседки, скамеечки, столы. В са-

Именно эти пейзажи воспеты нашими земляками Сергеем Аксаковым и Михаилом Нестеровым: нестеровские дали, аксаковские места...

Министерство лесного хозяйства республики расположено в превосходном рукотворном лесу.

Нынче на территории министерства видели лису. И белку видели. О птицах и говорить нечего. А вечерами все окрест заполняет кваканье лягушек, облюбовавших два здешних пруда.

На обочине дороги, ведущей к аэропорту, многометровая железобетонная стела с надписью «Башкирия — республика комплексного ведения лесного хозяйства». Ради расшифровки этих слов я и взялся за перо.

Наши лесные и городские встречи затрагивали, по существу, разные стороны одного и того же большого дела, которым республика живет вот уже десять лет. Заводилой его стал нынешний министр Марсель Хабибович Абдулов, с которым мне довелось познакомиться в пору, когда он только брался за новое дело. Было тогда Марселю Хабибовичу сорок лет, и его распирало от всевозможных идей. Все это вылилось в удивительно стройную и цельную программу

ЧЕМ ЛЕС БОГАТ

В каждую дыру, похоже, был вставлен брандспойт со студеным воздухом.

— В такую непогоду добрый хозяин собаку во двор не выпустит! — пытался поднять общее настроение Рустам.

Собаки, которых все же выпустили мои спутники, бежали рядом. — Вот она, степь! — пробурчал Рустам. — Может, вернемся?

— Потерпите чуток! — отозвался Рауф. — До леса рукой подать.

Казалось, что терпению уже пришел конец, но что поделаешь, куда денешься! И вдруг холод отпустил, и во мне стало всплывать, все расширяясь, тепло. Я протер очки, оглянувшись: ура, лес!

— Не зря сказано: «Лес — полдома», — весело засуетился Рауф. — И обогреет, и накормит, и радостью одарит!

Собаки ушли в глубину леса. Мы надели лыжи и, оставив лошадь на опушке, пошли вслед за собаками. Где-то гудело и шуршало, но здешнюю тишину отдаленные посвисты бурана лишь усугубляли. Снег падал мягко, не спеша...

Ну что ж, оправдалось предсказание Рифа Зайнулловича: косой нам не встретился, зато я восстановил для себя картину зимнего леса с его голыми серыми стволами и причудливыми изгибами сугробов, с его запахами и шорохами, с его гостеприимством...

Лишь изредка попадались ели. Лес был не очень-то красив, но Рустам тут же заступился за него:

— Какой-то слишком потребительский взгляд укоренился по отношению к лесу: какую и в каком количестве он может дать древесины, чем может глаз облакать... А этот лес — дом для зверья и птицы, он охраняет рек...

Между тем часы стали неумолимо приближаться к контроль-

Между фермой дичи и вольером — пруд. Пока что с зеркалом в девять гектаров. Но уже закончены изыскания на пруды с площадью в 50 гектаров. В перспективе — 150 гектаров.

— Планы у нас большие, — рассказывал Риф Зайнуллович. — Пытаемся заложить лосиную ферму. Зорька — первая из подопытных. Но пока еще не поддается. Да ведь дело это больно тяжелое. Тут нужны фанатики. Не просто преданные, а фанатически преданные делу люди. А пока проблема на проблеме. Мы хотим видеть лес, живущий полноценной жизнью. Между тем он сам под гнетом. Вы, наверно, знаете, что от нашего хребта Каратау зависит очень многое в округе. Лесорубы и до него добрались. Я здесь работаю одиннадцать лет и вижу, как исчезают родники, мелеют реки. Хозяйство наше называется лесохозяйством, но соответствующие органы (кроме наших министерств) спрашивают с нас (и очень крепко!) в основном за пиломатериалы, витаминную муку. А за сохранность леса, за разведение и сохранение фауны и флоры не спрашивают.

Нуримановское лесохозяйство входит в Караидельское производственное лесохозяйственное объединение — ПЛХО. Их всего восемь. Одно из них — Уфимское, объединяющее территорию 14 районов и простираю-

мом, можно сказать, центре Уфы, там, где к городу лес подошел вплотную, на ста гектарах создан лесопарк. Тут вольер с медведями и волками, лисами и лосями, оленями и косулями.

Вначале буйствовали тут так, что страшно становилось: вырывали столбы, вырезали на досках инициалы... Суровая критика общественной деятельности подействовала.

— Теперь все держится в сохранности, — заметил Янбухтин. — Даже в 1975 году, в пору страшной засухи, больших пожаров у нас все же не случилось: призывы были услышаны. Да ведь мы не сидим сложа руки: активно ищем друзей, только в Уфе действуют двадцать два школьных лесничества. Особо хочу отметить сорок девятую школу. От первого до десятого класса ребята проходят своего рода лесную академию. Регулярно слушают лекции по лесоводству, патрулируют лесопарк...

Столица Башкирии, вытянувшаяся с севера на юг на полсотни километров, со всех сторон окружена бескрайними лесами.

комплексного ведения лесного хозяйства. Комплекс здесь не был данью моде. Идея шла, что называется, от земли, от корней. Лес, этот единый организм, должен развиваться как целое и должен иметь одного полноправного хозяина.

Меня привлекло единство стратегических и тактических соображений. А то ведь как часто блестящие тактические идеи иных деятелей оказываются на поверку эгоистическими замыслами временщика, озбоченного решением сиюминутных задач и не заботящегося о будущем.

Может быть, сам лес и нашептал эту мудрую мысль о комплексном ведении всех лесных дел.

Что сегодня волнует министра более всего? В самом начале беседы то ли он, то ли я вспомнили слова Дмитрия Ивановича Менделеева, который, в частности, предостерегал от легкомысленного отношения к лесу, вставшему на границе двух частей света, в середине нашего необъятного государства.

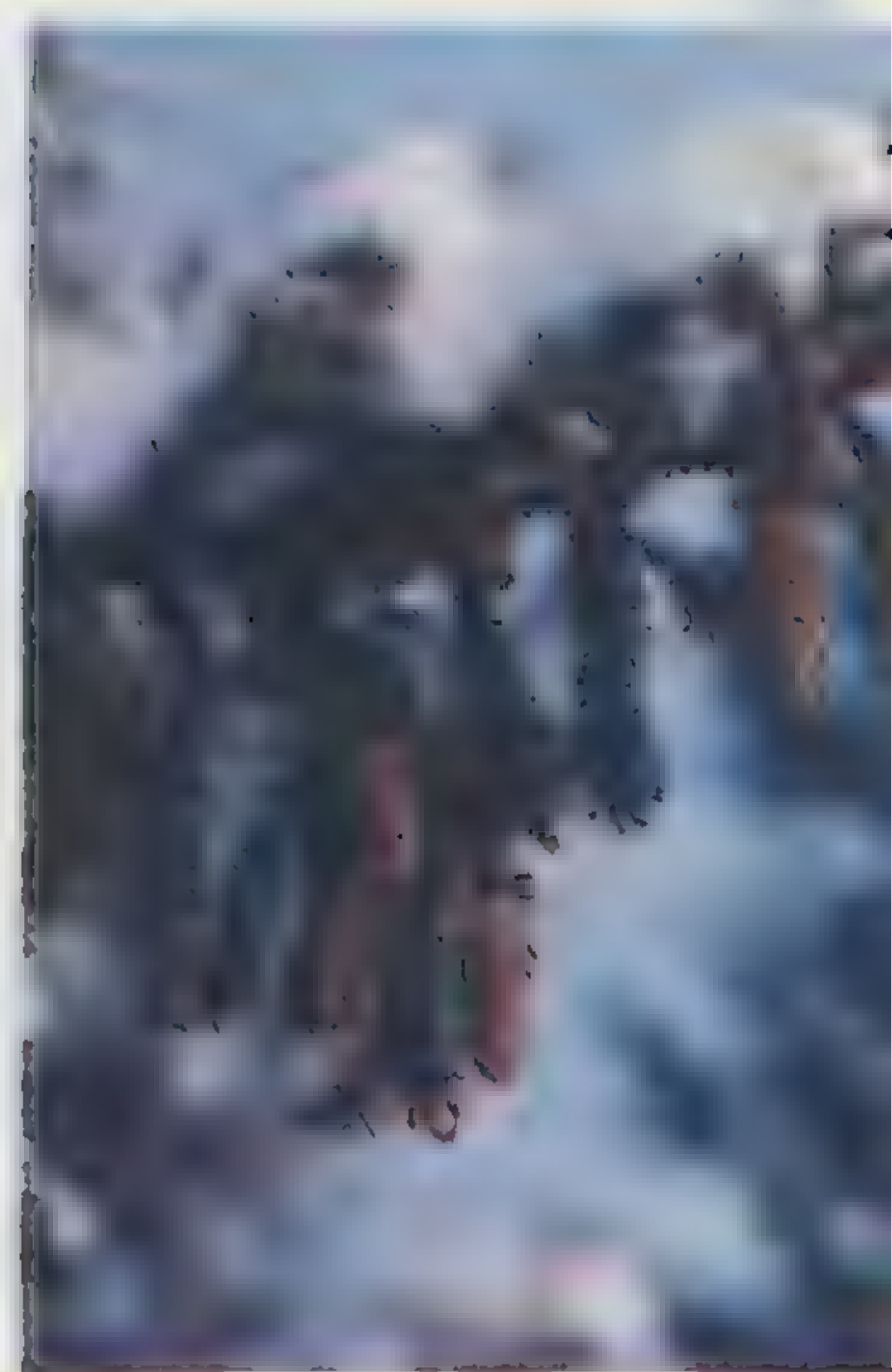
Заслуженный лесовод Башкирской АССР, главный лесничий Уфимского производственного лесохозяйственного объединения Узар Ибрагимович Янбухтин. * На лесном кордоне.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Зимний день.

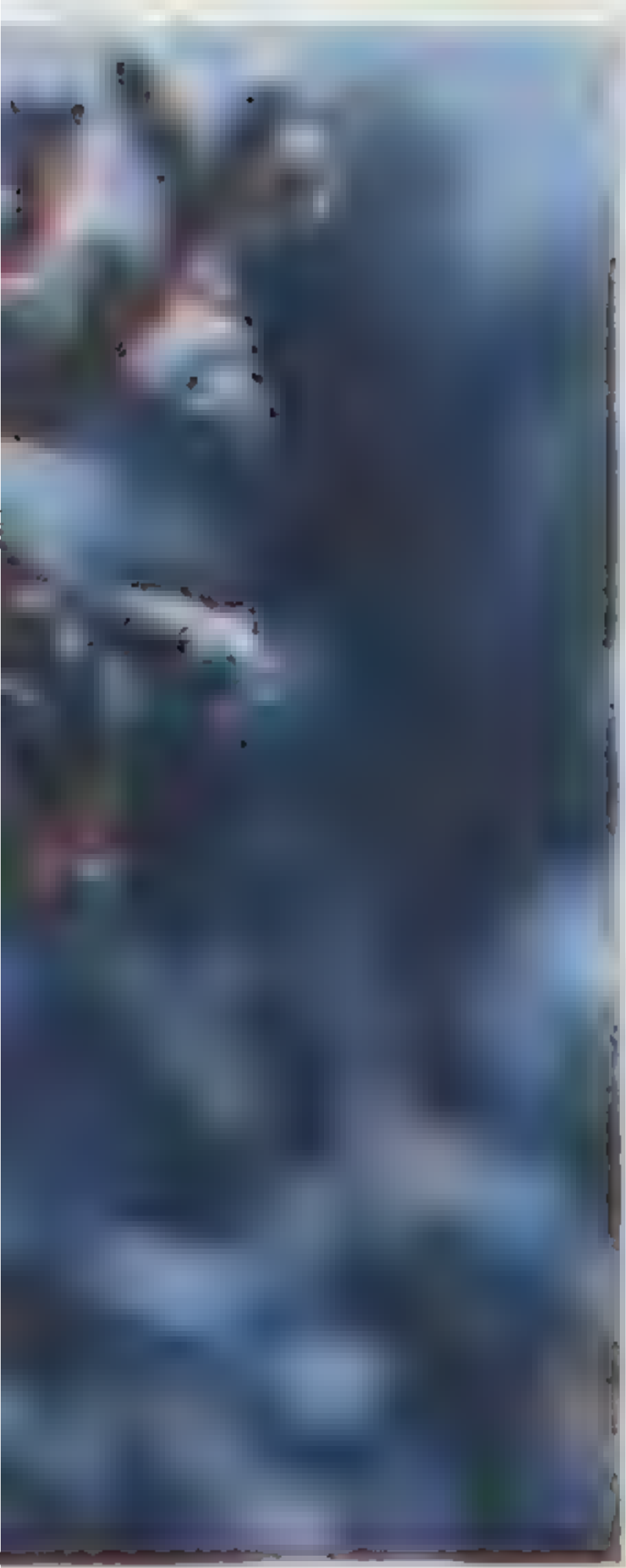

СИЛА ЕДИНСТВА

— Многие десятилетия у нас только и делали, что вырубали самые ценные леса Урала: жгли в заводских печах, сплавляли по рекам, просто выкорчевывали в поисках новых пашен, — возмущается Марсель Хабибович. — И лес, единственный защитник воды, стал маломощным. А ведь только в нашей Башкирии берет начало тысяча рек!

Марсель Хабибович и его товарищи, не зная усталости, добиваются увеличения силы леса по берегам рек, запрещения промышленных лесоразработок в этих местах. И многое ими достигнуто. Во всяком случае, лес набирает былую мощь. Ликвидирован разрыв между рубкой и восстановлением леса. Только за последнюю пятилетку посажено более 120 тысяч гектаров молодого леса, в основном хвойного. К этому надо добавить 28 тысяч гектаров леса, созданного для защиты от ветровой и водной эрозии на колхозных и совхозных землях.

— Но даже в этих молодых лесах мы не являемся единственными хозяевами, — сетует министр. — Хотя все тут наше. Корма для зверей и птицы заготавливаем тоже мы и только мы. Сейчас вот будем выпускать из вольеров всякую дичь, а товарищи из Госохотинспекции приходят на готовенькое. Едва ли не пятая часть лесов забрана охотниками под свои угодья без всякого согласования с нами.

Сохранить позиции леса на Южном Урале призван создаваемый ныне огромный национальный парк «Башкирия» с территорией в 259 тысяч гектаров. Здесь не только будут сбережены природные ландшафты — лес станет пропагандировать самого себя, свою красоту и силу. Появятся новые туристские маршруты, один другого интереснее. И решится, наконец, вопрос о сохранении каповой пещеры с ее уникальными настенными рисунками первобытного человека.

Несколько раз входил я под исполинские своды, добирался до рисунков мамонтов и лошадей, нанесенных желтой краской на стены пещеры. И каждый раз сердце обливалось кровью при виде того запустения, в котором находится пещера. А ведь это национальная сокровищница страны, бесценный памятник истории.

Нынешние хозяева этих мест (те же товарищи из Госохотинспекции) ничего не сделали хотя бы для охраны уникального памятника: нарисованные мамонты, видимо, их не интересуют.

Между тем даже в сфере чисто охотничьей все ощутимее становится деятельность Минлеса, идет ли речь об охране глухаринных и тетеревиных токов, или о форели для прудов площадью в 1200 гектаров, или о намерении выпускать ежегодно 50 тысяч фазанов.

Многогранны труды лесоводов Башкирии. Пиломатериалы, обозные изделия, хвойно-витаминная мука, сувениры... 67 видов таких изделий самого различного назначения, на 118 миллионов рублей

дали предприятия министерства в годы десятой пятилетки. А в планах их — комплекты домов, щитовой паркет, гидролизный сахар и многое другое.

До недавнего времени продукты леса министерство заготавливало лишь как сырье для пищевой промышленности. А теперь завели свои цеха, где перерабатываются калина, черноплодная рябина, грибы, расфасовываются мед и клюква. В прошлом году лесники стали выпускать калину с медом, напиток «Веснянка» — смесь березового сока, шиповника, меда...

Мед — национальная гордость башкир. В республике растут треть всех лип страны и другие медоносы. И министерство одну за другой создает пасеки. Сейчас в них более 8 тысяч пчелосемей. В ближайшие годы это количество утроится.

Лесоводы учли и бурно возросший интерес населения к травам. В прошлом году заготовлено 250 центнеров лекарственного сырья. Уменьшились в лесу естественные запасы шиповника и калины, и лесники заложили их промышленные плантации. Пропала в Башкирии клюква — и ту решили вернуть: 12 гектаров подходящей почвы отданы под плантации этой популярной в народе ягоды.

Таков размах производства так называемой побочной продукции, которая, возможно, по экономической отдаче в конце концов станет главной в промышленной деятельности Министерства лесного хозяйства Башкирии...

Две пятых территории республики заняты лесом — более 6 миллионов гектаров. Тут взаимопроницают границы распространения азиатских и европейских зверей, птиц, деревьев, трав. В этих же краях скрещиваются тайга и степь. Где-то топор проложил путь для степи на многие десятки километров к северу, а где-то верх взял лес. И самое главное, здесь, на отрогах Южного Урала, лес исполнимым зеленым мысом вклинился во владения степи на глубину в полтысячи километров, став заслоном на пути разбойных сухих ветров. Небольшое путешествие, организованное работниками Нуримановского лесохозяйственного хозяйства, помогло мне еще раз увидеть, что такое лес на фоне степи, чем он дорог и чем хорош. И мне понятнее стала не только глубоко патристическая природа деятельности работников Министерства лесного хозяйства, но и обоснованность их претензий к некоторым из своих соседей, истребляющих лес там, где он жизненно необходим, кто сводит на нет хвойные породы, не желая возиться с деревьями лиственных пород, кто выше всего ставит свои изживенческие настроения.

Вот уже десять лет, как лесное хозяйство республики ведется комплексно. И это уже дало ощутимые результаты. Так не пора ли и другим лесным подразделениям страны переходить на новые рельсы? Сообща-то горы можно двигать!..

Книгу «Связь времен» мог задумать и создать только человек, в котором счастливо соединились ученый, политический мыслитель и горячий патриот. Автор книги Ф. Нестеров выступил в одном из труднейших жанров научной монографии — он написал историко-теоретический трактат о движущих силах нашей истории, о нравственно-духовном и политическом своеобразии русского народа.

Сверхзадача исследования, как указывает сам автор, — постичь истинную связь времен, найти подлинные национально-исторические особенности России и ее великой революции, открыть наше неподдельное историческое наследие. Актуальность этих целей сегодня стремительно растет. Быть может, ни одна история в мире не подвергалась столь злобным, клеветническим искажениям, как путь нашей Родины. Бесспорная заслуга книги в том, что она последовательно и убедительно опровергает расхожие «концепции» буржуазной историографии и советологии о якобы хронической отсталости и несамостоятельности русского исторического процесса. Ф. Нестеров дает достойный отпор нашим идеологическим противникам, выступающим с позиций антисоветизма, который все чаще, как отмечено тем же автором в статье «Двойное дно антисоветизма» («Правда», 1980, 24 марта), действует в неразрывном единстве с оголтелой русофобией, пользуясь «разжиганием антирусских настроений», возбуждая «чувства вражды ко всему, что связано с Россией».

Осмысляя историю, книга извлекает самое драгоценное — закономерности исторического процесса. Дорога России — это дорога почти непрерывных войн, в которых наш миролюбивый народ оборонялся от постоянно наседавших врагов-грабителей. Состояние мира, напоминает автор, было скорее исключением, а война — жестоким правилом. Не успев еще сложиться в плотное этническое ядро, Великобритания должна была занять круговую оборону, перейти на осадное положение, превратившись в обыденный образ жизни. В таких крайне суровых условиях вызревала наша государственность, формировалась нация.

Постоянная драматическая напряженность исторического бытия требовала для сохранения политической независимости предельной мобилизации народных сил. Выстоять, а точнее — выжить можно было лишь сплоченностью, единством, готовностью к самопожертвованию.

В централизации и дисциплине увидены две «необходимые и важнейшие предпосылки торжества России». Но был еще и «третий» — по авторскому определению — могущественный фактор величия Родины: сила народного патриотизма. Посвященную ему главу Ф. Нестеров заключает выводом, который действительно является «ключом к пресловутой русской загадке»: «Он кроется в особом отношении русского народа к своему государству, в безус-

ловном служении ему... Русские «чувствуют себя частицей одной державы». Для нее, если требовалось, они оставляли на произвол судьбы нажитое добро, поджигали свои дома, оставляли на гибель родных и близких, отдавали ей столько крови, сколько нужно, чтобы выволить ее из беды. Взамен платы не спрашивали — они не наемники. Таким-то узлом и завязалась Россия».

Говоря о нравственно-психологическом складе русского человека, автор указывает, что ту же готовность идти до конца, не считаясь ни с какими жертвами, он проявлял не только на полях битв с иноземцами, но и в борьбе против внутреннего классового врага. В книге точно говорится об источниках разложения «царистской России» в XIX веке: судьба онемеченной, потерявшей национальную и политическую ответственность династии и судьба страны «начали бесповоротно расходиться». Перерождение и измена центральной власти привели к тому, что «при Николае II Россия уже лежит, связанная по рукам и ногам, под ножом англо-французского Шейлока, который с полным сознанием своих прав получает фунт пушечного мяса, причитающийся ему за займы».

Революция, как показывает заключительная глава — «Октябрьская буря», и должна была решить коренное противоречие между патриотизмом, верностью русского народа своему национальному государству и классовой (а также и национальной) чуждостью, даже прямой враждебностью того же государства к чаяниям народных масс.

Идея связи — не только в историческом, но в универсальном, и прежде всего в нравственно-философском смысле — одна из главных для русского сознания, для нашей культуры. Глубоко понятая и прочувствованная автором исходная позиция и помогла ему выйти к центральному, вечным ценностям отечественной истории и правильно (хотя и не исчерпывая) определить их роль. Связью времен и поколений, духовным и политическим единством, верой в высокие идеалы, в справедливость и сегодня живет и строится многонациональный советский народ, который «сплотила навеки великая Русь». Книга воспитывает чувство любви к Родине, делая его осознанным и глубоким, будит патристическую гордость, крепит нашу уверенность в завтрашнем дне.

Ф. Нестеров. Связь времен. М., «Молодая гвардия», 1980.

Марк ЛЮБОМУДРОВ

Эти олени — дальневосточные гости Башкирии. * Такие лесные терема ладят в городе уфимские студенты. * Ребята из школьного лесничества «Елочка» школы № 49 Уфы знают, любят и охраняют лес. * Узоры зимы. * С лесной пасеки.

Фото
Е. Умнова

ИГОРЬ МОИ

К 75-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Е. ЛУЦКАЯ

Фото
А. СТЕПАНОВА

2

Перед Игорем Моисеевым с самой юности его открывался путь танцовщика, балетмейстера Большого театра... Но он избрал путь иной. Путь никому не ведомый. Тропинка, которую он проложил сам, вывела его на широкую дорогу новаторства.

В сущности, русское искусство, как всякое искусство настоящее, замечательно тем, что новаторство — среди его лучших традиций. Сказанное не парадокс. Из забытых устоев балетов Дидло появился их продолжатель и отрицатель — создатель великой классической хореографии в России Петипа. А гениальный его ученик Фокин пошел дальше, по-

шел своим, новаторским путем, создав, например, такой немеркнущий шедевр, как «Шопениана». Она в свое время потрясла воображение и эстетическое чувство Моисеева. Однако он не стал эпигоном Фокина. Он пошел своей дорогой. Дорогой народного танца, создав ныне всемирно известный, первый и лучший в мире академический ансамбль.

У этого ансамбля тоже есть предыстория. Время его возникновения — время расцвета художественного творчества народа.

После массового смотра самодеятельности, после успеха Театра народного творчества и его хореографического отдела, кото-

рым уже давно руководил Игорь Моисеев, идея создания профессиональной труппы народного сценического танца как бы носилась в воздухе. И, конечно, все знали, кто может возглавить такую труппу.

Самые способные артисты объединились вокруг самого талантливого организатора и балетмейстера: он казался рожденным для этой именно работы. И никто в нем не обманулся. Напротив: он превзошел самые смелые ожидания и надежды.

Оказалось, что вся жизнь, все склонности, все поступки, действия вели Игоря Моисеева к избранному им делу. Оказалось, что

3

4

его личная предистория, начиная с детства и отрочества, готовила его именно к той деятельности, которой суждено было на весь свет прославить новаторство Моисеева и его труппу — сто шестнадцать моисеевцев.

Детство и отрочество его прошли на Украине. Еще не умея читать, еще не зная имени Гоголя, он видел, как «чуден Днепр при тихой погоде». Еще до того, как запечатлелись в памяти строки пушкинской «Полтавы»: «Богат и славен Кочубей!» — он любовался дубравами и старинным парком подлинного имени Кочубея. А живописная Диканька еще до знакомства с гоголевскими «Вечерами» пленяла детское воображение. Игорь Моисеев помнит чудесный распев украинских песен, игры и гадания темнооких красавиц, бросавших свои венки в прозрачные волны.

Пройдет много лет. Моисеев сочинит украинскую сюиту «Веснянки». Сочинит, может быть, и не думая, а может быть, зная наверняка, что в них отразились впечатления детства.

Игорь унаследовал от своего отца-адвоката не только немногословное и точное красноречие, но и страстную любовь к путешествиям.

В семнадцать лет, едва наступали каникулы, Моисеев отправлялся в путь по стране. Обычно шел пешком. Без всякого комфорта, кроме нравственного комфорта юношеской души, открытой для всего доброго, красивого, интересного. Душа требовала все новых впечатлений, все больших знаний жизни и людей. Игорь и в ту пору не был просто любопытным туристом: он всегда был и по сей день остается любознательным Художником. Поэтому он не только смотрел на окружа-

В горах Кавказа его настигла буря. Он стремительно идет вперед, не зная, что с ним будет. Его приветили пастухи. Отогрели у своего костра, накормили овечьим сыром и мясом ягненка, зажаренного на углях в каких-то ароматных листьях. Расспрашивали его о Москве. Рассказывали о своей жизни... Пройдет много лет. И вдруг в «Карабахских чабанах», в гуцульском пастушеском «Аркане» мы ощутим дыхание слитой с природой жизни горца. Почувствуем крутизну скал — обиталище бесстрашных пастухов, увидим настороженность дозоров, игру с посохом. Мы увидим аджарский танец «Хоруми» — гимн отваге, товариществу, мужеству.

С той далекой поры путешествий на грани отрочества и юности пройдет более 30 лет. И в «Партизанах» зритель ощутит близость горных цепей, туман рассвета и прозрачный воздух полудня и снова подивится и восхитится тем, как говорит танец о сплоченности людей, об их бесстрашии в борьбе с врагами Родины, об их оптимизме и вере в жизнь...

«Партизаны» — признанная «визитная карточка» Государственного академического ансамбля народного танца Союза ССР, или Ансамбля Моисеева. Танец, создающий коллективный портрет народа, раскрывающий его духовность, его характер, танец, современный не только по теме, а по всем эстетическим слагаемым. Танец, созвучный нашим дням.

Большинство произведений Моисеева современны. Рассказывают ли они о героях нашего времени в «Советских картинках», «Двух первомаях», «Вива, Куба!» или в цикле «Мир и дружба»; повествуют ли о прошлом, как в русских хороводах и городской кадрили или в «Воскресенье», овеян-

С Е Е В

ющее, он его видел. Не только слушал, но слышал. И все самое яркое, достойное внимания навсегда отпечатывалось в памяти Моисеева — по-видимому, для того, чтобы в лаборатории чувств, фантазии, ума будущего балетмейстера превратиться в обобщенные художественные образы Танца.

Пока он шел по стране, перед ним расстилалась «Земля Людей» — бескрайняя не только территориально. Он узнавал широту нравов, сердечность тех, кто всегда готов прийти на помощь, сказать или сделать что-то необходимое, бесконечно важное даже для случайного знакомого...

ном чисто чеховским юмором; покоряют ли гуманизмом содержания, облеченного в изысканно-утонченную форму древней монгольской сказки «Цам»; блещут ли красками «Половецкого стана» или сверкают весельем «Катка», Моисеев всегда и везде представит современным народным советским художником. Кажется, что Белинский писал эти слова о Моисееве:

«У кого есть талант, кто поэт истинный, тот не может не быть народным... Свобода творчества легко согласуется с служением современности. Для этого не нужно принуждать себя писать на темы, насиловать фантазию; для

этого нужно только быть гражданином, сыном своего общества и своей эпохи, усвоить себе его интересы, слить свои стремления с его стремлениями; для этого нужны симпатия, любовь, здоровое практическое чувство истины, которая не отделяет убеждения от дела, сочинения от жизни...»

Дело Игоря Александровича Моисеева — Героя Социалистического Труда, народного артиста СССР, лауреата Ленинской и Государственных премий СССР, кавалера четырнадцати советских и иностранных орденов, члена французской Академии музыки и танца — это дело его народа. Дело его Отчизны, дело его искусства.

1 Сюита мексиканских народных танцев.

2 Аджарский танец «Хоруми».

3 Молдавская сюита.

4 «Партизаны».

5 «Гопак».

6 «Половецкие пляски».

Обеспечить ускоренное развитие работ по геологическому изучению территории страны, увеличению разведанных запасов минерально-сырьевых ресурсов...

Из Проекта ЦК КПСС к XXVI съезду партии.

Академик А. В. ПЕЙВЕ,
Герой Социалистического
Труда, лауреат
Государственных премий
СССР, директор
Геологического института
Академии наук СССР

методы прогноза и поисков месторождений полезных ископаемых, пресных и минеральных вод будут значительно усовершенствованы, что поможет решению кардинальных народнохозяйственных задач.

В проекте ЦК КПСС особое значение придается развитию геологических исследований территории страны. Геологический институт в свете этих задач будет разрабатывать теоретические проблемы региональной геологии. В нынешнем пятилетии и до 1990 года работа будет проводиться в трех основных направлениях: стратиграфии, литологии и тектоники. Поясню их содержание.

Все геологические изменения происходят закономерно. Прежде всего важно изучить их последовательность во времени. Относительный возраст каждого геологического события, последовательность напластования горных пород изучает стратиграфия. Стратиграфические исследования необходимы потому, что при поисках полезных ископаемых они отвечают на вопрос, на какой глубине и в каком геологическом слое находятся рудные залежи. Они позволяют составить геологическую карту, сопоставить геологические явления, происходившие в геологическом прошлом на всей планете.

Литология изучает состав горных пород и осадочных полезных

— Александр Вольдемарович, вы основоположник учения о глубинных разломах и их связи с магматизмом и металлогенезом. Есть у вас труды, посвященные закономерностям образования различных полезных ископаемых. В проекте ЦК КПСС большое место уделено поиску и разведке месторождений железной руды, цветных металлов, бокситов, фосфоритов, калийных солей... Какое практическое значение имеют ваши работы?

— В каждом из крупных теоретических исследований нашего института содержатся данные для практических выводов и рекомендаций. Но имеются специальные работы, целиком посвященные полезным ископаемым. Из моих работ подобного рода назову исследования по геологии и бокситам Урала и Средней Азии, по калийным солям Средней Азии, фосфоритам и другие.

Помимо работ по глубинным разломам, выполнена серия исследований по строению и развитию земной коры в целом, разработке проблем геологического строения ряда рудных районов Урала, Казахстана, Средней Азии и Кавказа.

Вообще практическое значение исследований, проводимых в Геологическом институте, очень велико. Все теоретические работы тесно связаны с решением актуальных народнохозяйственных задач.

Без учета геологических данных нельзя проектировать и строить с наименьшей затратой средств, времени, труда. Посмотрим в прошлое. Еще в довоенные годы геологи института помогали обосновывать проекты крупнейших строек тех лет. Они решали геологические и инженерно-геологические задачи, возникавшие при строительстве крупных электростанций, водохранилищ, железных дорог, Московского метрополитена.

В годы Великой Отечественной войны встала задача обеспечить

мичности, геофизических полей помогут в долгосрочных прогнозах сильных землетрясений. О том, как важны эти работы для изучения и поиска полезных ископаемых, уже говорилось.

В будущем же главной научной задачей института станет разработка проблем геологии в глобальном масштабе, сопоставление геологических явлений на многих континентах и в океанах. Этими вопросами мы в значительной степени занимаемся и теперь. Для практических целей особенно важно направление, которое уже укрепилось,— по изучению глубинного строения Земли и горных пород верхней мантии. Это необходимо для решения вопросов о происхождении рудных месторождений. Кроме того, руды, которые находятся близ поверхности земли, уже в значительной степени исчерпаны, поэтому требуется прогноз их на глубине.

Мои личные устремления направлены на дальнейшее изучение глубинных разломов и других деформаций горных пород на большой глубине, в земной коре и в верхней мантии. Особенно важной для современной науки является проблема тектонической расчлененности литосферы, разработка которой должна способствовать созданию глобальной теории строения и развития земной коры.

— Вашему институту недавно исполнилось пятьдесят лет. Расскажите, пожалуйста, немного об истории института. Ведь все современные работы, о которых мы сейчас говорили, имеют истоки в истории института.

— Именно так. Прародителем нашего института можно считать Кунсткамеру, основанную еще Петром Первым. В ней были собраны редкости естественнонаучного и художественно-исторического значения. Позднее на ее основе был создан минералогический кабинет, получивший в конце

П О И С К

— В проекте ЦК КПСС огромное внимание уделяется геологическому изучению страны, добыче полезных ископаемых. Александр Вольдемарович, какие фундаментальные разделы геологии разрабатываются в вашем институте?

— Основная задача Геологического института АН СССР — познание глобальных закономерностей геологического, в том числе глубинного, строения Земли и других планет с целью совершенствования методов прогноза и поисков полезных ископаемых, прогноза землетрясений и геотермальной энергии.

Разработка этой фундаментальной проблемы в современном естествознании резко поднимет уровень геологической теории и тем самым откроет новые горизонты в исследованиях, касающихся минерально-сырьевых ресурсов. Именно сейчас, в связи с задачами научно-технического прогресса в науках о Земле происходит смена устаревших представлений на новые, более прогрессивные. Имеются основания считать, что

ископаемых, их происхождение и пространственное распределение. В нашем институте осуществлены наиболее важные обобщения в области теоретической литологии и осадочных полезных ископаемых. Комплексность научных разработок, внедрение новых экспериментальных методов, современное техническое оборудование обеспечивают высокий уровень исследований. Новейшие методы изотопной геохимии позволяют установить время формирования отдельных частей земной коры, взаимоотношение коры и мантии Земли.

И, наконец, третье направление, которым мы занимаемся,— изучение структуры земной коры на континентах и в океанах, закономерностей ее движений и деформации, в частности процессов горообразования. Полезные ископаемые залегают не случайно, а приурочены к определенным структурным элементам в земной коре. Поэтому так важно изучение этих структур в практических целях.

стратегическим сырьем восточные районы страны. Тогда были открыты и освоены месторождения нефти, угля, различных руд в Поволжье и Башкирии, на Урале и в Казахстане, в Средней Азии и Восточной Сибири.

В послевоенные годы теоретические исследования способствуют изучению закономерностей распределения полезных ископаемых. Институт дает рекомендации о закономерностях их образования и распространения. Широко известны тектонические карты нашей страны, ее отдельных регионов, Европы, Евразии, первая геотермическая карта СССР.

— А какие новые методы применяются в геологии, какие новые науки возникли?

— Теперь на помощь геологам пришли и самолеты и современные суда, исследования в космосе. В последние годы стали использоваться космические снимки различного масштаба и разных спектральных диапазонов. Дешифрование космических снимков, анализ сейс-

прошлого века название Геологического музея. А в 1930 году музей был реорганизован и учреждены три самостоятельных института, одним из которых стал наш, Геологический.

Первым директором института был академик В. А. Обручев, Герой Социалистического Труда, награжденный пятью орденами Ленина. Круг его научных интересов был широк. В частности, он занимался изучением геологического строения Сибири и прилегающей территории Монголии. Целая плеяда блестящих ученых работала в стенах института. Особо выдающееся значение имели исследования академиков А. Д. Архангельского, Н. М. Страхова, Н. С. Шатского.

Мы стараемся быть достойными их, так же честно служить науке, Родине. Ибо именно развитие геологии в значительной степени составляет ее могущество, является основой дальнейшего научно-технического прогресса.

Беседу вел И. МИХЕЕВА.

В ПОГОНЕ ЗА БАЛЛОМ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Едва прикрытая неприязнь большинства десятиклассников к Валентине Ивановне не просто усилилась, а стала, пожалуй, ближе к тихой ненависти. А ведь кое-что могло еще измениться, достаточно было лишь проявить в ходе экзамена «понимание» и сочувствие... Вместо же этого — безукоризненно точное выполнение министерской инструкции о порядке проведения школьных экзаменов.

То ли дело Ольга Викторовна! Вот это человек! Билеты разложены на столе геометрически правильно, а у экзаменующихся на руках точная схема их расположения. По предварительной договоренности каждый выбирает тот билет, на который он может ответить наилучшим образом... В результате и Ольга Викторовна на самом хорошем счету и ее ученики, получившие несколько повышенный средний балл аттестата.

...Всю эту в обычных условиях практически совершенно недоступную информацию мне удалось получить у Пети только потому, что его отец — давний и близкий мой друг. Петя вполне порядочный парнишка, к тому же он мог получить свою пятерку у Ольги Викторовны без всяких ухищрений. Однако и он оказался под воздействием шквала нездоровых, вульгарных эмоций, буквально захлестнувших большинство его одноклассников после экзамена. И ему Валентина Ивановна представляется человеком чрезмерно жестким, чуть ли не бездушным, да и малоинтересным. Дескать, истерзала учеников требованиями самостоятельных выводов. Я незнаком с этой учительницей, но убежден, что это человек, заслуживающий глубокого уважения.

Вспоминаю давно минувшие школьные годы и поражаюсь контрасту: учителя и тогда были очень разные, и такие, которые довольно либерально оценивали знания школьников, и предельно требовательные. Однако не могу припомнить случая, чтобы в зависимости от этого определялось к ним отношение моих одноклассников. Только увлекающая работоспособ-

ность, только глубина и благородство личности предпрешали тогда доброе отношение учеников.

Не забуду и учителя черчения Николая Федоровича Саморукова с его безоглядной любовью к своему предмету, который он знал в совершенстве, с его столь же беспощадной требовательностью. Как же он был нам интересен и симпатичен! Вопреки всем двойкам и тройкам за леность, несобранность в работе. Вопреки его убийственному сарказму.

Николай Федорович Саморуков ушел в 1941 году на фронт. Вернуться ему не было суждено. Если бы он продолжал учить нас черчению, то не видать бы мне четверки как своих ушей, но его тройка «весила» значительно больше, чем иные пятерки, щедро подбрасываемые иными школьными работниками. Да к тому же далеко не всегда от доброты душевной.

До чего же благотворным во всех отношениях было отсутствие у нас нездорового ажиотажа из-за оценок! Ценностью считались лишь знание и умение сами по себе. Пожалуй, сложности существовали лишь с двойками, потому что они могли привести к исключению из школы.

А вот если ныне лентяи-троечники «шпаргалят» на экзаменах для повышения среднего балла аттестата, то это явление уже качественно иного характера. Ведь тут идет охота за липовыми баллами!

Как же дорога в общесоциальном плане расплата за любые извращения подобного рода! Необходимо сделать все возможное, чтобы повсеместно возродить как можно более чистое отношение к знаниям во всех учебных заведениях. В наши дни никому не угрожает опасность быть исключенным, поэтому налицо и все возможности оздоровить атмосферу в школах, очистить ее от того, что плохо влияет на духовный облик молодежи. А сейчас положение таково: вместе с постоянным растущими средними и прочими баллами учащаются, становятся просто хроническими срывы в живом деле обучения и воспитания, а чем ближе к выпуску, тем сильнее охватывает многочисленные души извращенное вос-

приятие добра и зла, правды и кривды, чести и бесчестья.

Как много значит здесь идейный и морально-этический облик тех взрослых, кому доверены дети, подростки, старшеклассники!

Было бы несправедливо утверждать, будто у наших учителей той довольно отдаленной поры не было уязвимых мест, слабостей, недостатков. Но ни уроки, ни экзамены не давали нам, тогдашним школьникам, примера, образца заведомо нездорового, безнравственного характера. Причина этого прежде всего в том, что тогдашний контроль за результативностью педагогического труда при всем его во многом спорном характере не развивал у школьных работников склонности к показухе и очковтирательству.

Для начала надо прекратить оценку педагогического труда по формально-цифровым признакам. Это разрушает педагогические и нравственные основы образования. Необходимо также изменить отношение к учету среднего балла аттестата при зачислении в вузы.

Особенно нездоровую роль играет учет среднего балла школьного аттестата, когда решается вопрос о зачислении в вузы.

Вот случай. Надя всегда поражала редчайшей душевной чистотой и щепетильностью, но вдруг, когда, по подсчетам, обнаружилось, что ей уже удалось наскрести 4,3 среднего балла, округляемых до 4,5, она освободила себя от прежней добросовестной работы и стала откровенно отлынивать. Конечно, 4,5 для поступления, скажем, на гуманитарный факультет МГУ маловато, но для намеченного девушкой технического вуза — самый раз. Там надо будет лишь подготовить как следует два предмета, получить за них в совокупности не менее девяти баллов, и место на студенческой скамье обеспечено...

Или еще. Стасик, казалось бы, абсолютно бесхитростный паренек, вдруг резко изменил отношение к занятиям по литературе, надеясь на итоговую четверку, и все силы бросил на оформление какого-то необычайно броского стенда по биологии. Случайно? Конечно, нет! Четверку и даже тройку по любому из важнейших предметов можно легко компенсировать за счет пятерок по неэкзаменационным... Биология принадлежит к их числу, и в случае успешного показа стен-

дового усердия здесь возможна пятерка без сколько-нибудь серьезных усилий. Вот так и набирают очки вроде бы неплохие ребята, теряя на этой дороге принципиальность, душевную чистоту.

А иначе и быть не может там, где бездумно внедряются цифровые показатели. Ведь именно это создало условия, при которых исполнение или крушение мечты, жизненной цели зависит от десятых, а порой сотых долей некоей арифметической величины, добываемой отнюдь не увлеченностью, не благородством замыслов и чистотой юношеских дерзаний, а чем-то принципиально иным, подчас до неприличия мелким, своекорыстным, пошлым.

Желание всеми правдами и неправдами дожать заветный балл ведет к тому, что для некоторых старшеклассников даже маломальски совестливый самоконтроль начинает представляться ничем не оправданной преградой на пути к цели, а то и смешным донкихотством. И тогда, естественно, вполне оправданными кажутся все доступные средства. Еще около десятка лет назад как-то не доводилось слышать о родителях, выпрашивающих для своих детей завышенные отметки, грамоты, характеристики, порывающихся вручить учителям весьма дорогостоящие сувениры.

А разве нормально, что профессиональные убеждения части школьных работников оказываются подчас под разрушительным влиянием соображений, не имеющих ничего общего с истинной педагогикой? Так ли уж редко приходится видеть, когда знающий свое дело, добросовестный учитель, дабы его ученики не пострадали из-за нормального уровня требовательности, тоже начинает завышать оценки? А в результате все у большего числа выпускников средний балл разбухает до возможного предела, ни в малейшей степени не способствуя улучшению знаний, формированием подлинной гражданской ответственности.

Поэтому при любых нововведениях необходимо ясно осознать, что они могут привести к положительным сдвигам лишь в том случае, если оживят, сделают ярким, глубоким и увлекательным процесс обучения и воспитания. И, конечно, надо отказаться от формально-цифрового сумасбродия, разъедающего живую ткань педагогики.

Г. НИКАНОРОВ,
учитель истории

Москва.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА В БИОГРАФИИ

Это событие произошло 26 декабря в городе Темиртау. До последнего времени в Казахстане действовало 49 театров, «говорящих» на русском, казахском, уйгурском и корейском языках. В канун Нового года у них появился еще один собрат — немецкий.

«Огонек» рассказывал о первых шагах немецкой труппы в театральном училище имени Щепкина. Первые репетиции, учебные спектакли и первые встречи со зрителями... И вот 30 юношей и девушек уже не студенты, а профессиональные актеры. На их плечи легла большая ответственность: работать в театре, единственном в своем роде, — представлять искусство советских немцев.

По случаю открытия Немецкого драматического театра в Темиртау состоялся торжественный вечер. В своем выступлении председатель Карагандинского облисполкома С. Досмагамбетов сказал: «Создание Немецкого драматического театра является наглядным свидетельством процветания нашей многонациональной советской культуры».

А затем состоялся первый спектакль. Зрители увидели инсценировку пьесы Александра Реймгена с символическим названием «Пер-

Петер Цахарияс и Ирена Токар в спектакле по пьесе А. Реймгена «Первые».

Фото В. Кригера

вые». Театр посвятил свою работу XXVI съезду КПСС. Спектакль рассказывает о покорителях Голливуда степи. Хорошим подспорьем для молодых актеров послужила книга Л. И. Брежнев «Целина». Орывки из нее, звучащие в спектакле, придадут ему большую эмоциональность.

Осваивать целину было трудно. Молодым актерам немецкого театра тоже будет нелегко. Ведь они, по существу, идут непроторенной дорогой. Как найти пути к сердцу зрителя? Какие произведения включить в репертуар? Многие проблемы встают сейчас перед актерами и руководителями нового театра.

...Премьера прошла успешно. В зале долго не смолкали аплодисменты. Первая страница в биографии театра написана.

И. ПОПОВ

Темиртау, Карагандинская область.

НАРОДНОСТЬ ТАЛАНТА

К 60-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
И. ШАМЯКИНА

Ярок и своеобразен задушевный голос современной белорусской прозы, отчетливо звучащий в многоязыком хоре советской литературы. Иван Мележ и Василь Быков, Алесь Адамович и Янка Брыль, Иван Науменко и Иван Чигринов... Эти имена давно и крепко полюбили читателю. В ряду их и имя Ивана Шамякина.

Сын лесника из богатого дубравами, реками и преданиями Гомельского края, он немало повидал на своем веку, пройдя вместе с народом тяжкий путь ратных испытаний и послевоенного лихолетья. Zenитчиком в Мурманске встретил будущий прозаик фронтовую грозу, и тема воинского долга, боевого подвига в тылу и на передовой стала камертоном его разнообразного творчества.

Иван Шамякин всегда предпочитал роль участника, а не наблюдателя событий, что определило сугубо личностный подход к изображаемому явлению действительности. Прежде чем окончательно посвятить себя литературе, ему довелось учительствовать на разоренной фашистами родной земле, словом и делом коммуниста, вступившего в партию в сорок третьем году, помогать людям налаживать новую жизнь. Той же благородной цели неизменно служили и служат его произведения.

Первый роман писателя «Глубокое течение» вышел в 1949 году и был удостоен Государственной премии СССР. Со всей наглядностью предстала в нем героическая борьба белорусских партизан, о которой впоследствии подробно рассказали многие другие талантливые книги.

От такого еще близкого военного прошлого с незарубцевавшими ранами и не заросшими травой партизанскими землянками Шамякин обращается затем в романах «В добрый час» (1953) и «Криницы» (1957) к заботам возрождающегося села, разоблачая опасные ростки казенщины, равнодушия и бюрократизма. Мастерство писателя, развиваясь, поворачивается к нам все новыми гранями. В цикле сюжетно связанных между собою повестей, составивших книгу «Тревожное счастье» (1966), мы знакомимся с Шамякиным-лириком, умеющим проникновенно поведать о любви

и верности, о духовной красоте советского человека. Вместе с тем безоблачную лирико-романтическую повесть этого цикла «Неповторимая весна» сменяет вещь строго реалистическая, даже суровая — «Огонь и снег», вновь напоминающая, что существует не только романтика, но и проза жизни. С этой прозой читатель сталкивается на страницах также вошедшей в книгу повести «Мост», где запечатлены трагические сломы сложного и противоречивого послевоенного времени.

Будни наших современников, события сегодняшнего дня постоянно находятся в центре внимания писателя. В одном из лучших своих романов — «Сердце на ладони» (1964), за который ему была присуждена Государственная премия БССР имени Я. Коласа, он исследует острые морально-этические проблемы, встающие перед героями, часто возвращаясь к эпизодам фронтовой поры. Такой же композиционный прием положен в основу романа «Снежные зимы» (1970). Драматические и увлекательные экскурсы в партизанское прошлое персонажей, соседствуя с напряженной динамикой их семейных и служебных взаимоотношений, проясняют главное в этих характерах, служат мерилom и точкой отсчета непреходящих ценностей нашей жизни.

Мастерское владение сюжетом, широта охвата исторического фона, присущие творчеству Ивана Шамякина, с особой силой проявились в его повестях «Хлеб» (1969), «Бронепоезд «Товарищ Ленин» и «Первый генерал» (обе — 1970), посвященных ленинской теме. Они завоевали большой успех и наряду с другими произведениями писателя были переведены на языки народов СССР и стран социалистического содружества.

«Брачная ночь», «Торговка и поэт» — одни из последних созданий И. Шамякина, в которых верность жизненной правде, народный юмор и волнующие образы заставляют глубже осмыслить ключевые моменты эпохи. Плодотворно работает он и в области детской литературы, выпустив в свое время книжку рассказов для детей и пьесу «Не верьте тишине». А не так давно увидел свет сборник литературно-критических статей писателя, названный им «Разговор с читателем».

Председатель Верховного Совета Белорусской ССР, народный писатель республики Иван Петрович Шамякин по-прежнему в гуще жизни, на переднем крае. Он стремится откликаться своим творчеством на актуальные вопросы нашего общественного бытия и больше всего любит изображать людей, «принимающих решения», «берущих на себя ответственность». Таких, как герои его нового романа «Атланты и кариатиды». Во многом он и сам сродни этим людям, ибо обладает счастливой способностью увидеть в дне нынешнем день грядущий.

Юрий ОСИПОВ

АЛТАЙ ДА

Татьяна КАЛУГИНА

«С

орвите с главы этого гордого утеса облако, начертите на нем стрелой молнии — и если эти письма будут доступны смертным, тогда свет узнает Сибирь...» Такие слова сказал более ста лет назад первый поэт Алтая Егор Петрович Ковалевский. Прибыв из Петербурга на Алтай, он писал брату: «Знаешь, брат, там, у Телецкого озера, где природа покоится в своем первобытном состоянии, куда не достают ни дерзкий, ни любопытный, там, в непроходимых дебрях и громадных утесах, видел я страшное явление: пожар лился, горы валились. И все это творилось рукою незримой, я был один! Извини, но я не мог не сочинять. Послушай —

Предо мной Алтай, за мной
Алтай, то взгроможденный
Поник на облаках, то в прах
раздробленный.
На глыбах рухнувших висит
дремучий бор,
Зияет пасть пещер, зияют бездн
стремнины!..
И глухо все! Природа страшной
ждет судьбины!..
Промчался тихий гул под
сводом неба; вдруг
Загрохотала высь и дол
отгрянул
страшно!..
Трущоба вспыхнула, разлился
огнь ужасный...
Повсюду грохот, треск, бушует
страшно вихрь;
И мнилось мне, что рухнул свод
природы плотный,
И в хаос первобытный канул
ветхий мир!
А я один, я здесь, как памятник
былого,
Отвергший дерзко мир я,
чуждый тленью,
Дождусь ли я святого
обновленья?».

Так встретил Алтай своего первого поэта, приехавшего сюда в начале прошлого века из столицы.

И совсем другими глазами увидел Алтай великий русский художник-гуманист Николай Константинович Рерих:

«Приветлива Катунь; звонки синие горы. Бела Белуха. Яркие цветы и успокоительны зеленые травы и кедры. Кто сказал, что жесток и неприступен Алтай? Чье сердце убоялось суровой мощи и красоты? Семнадцатого августа видели Белуху, и было так чисто и звонко. Прямо Звенигород», — записал он в путевом дневнике.

Алтайский маршрут Рериха был частью знаменитой Центрально-азиатской экспедиции, которая началась в 1924 году в Индии и

окончилась в 1928 году в Сиккиме. Алтай давно привлекал художника. С юных лет полюбил он Азию, будучи уверенным в том, что русский человек и русская культура глубоко связаны своими корнями с народами Азии, с Сибирью, с Центральной Азией и с Алтаем.

Экспедиция Рериха прибыла на Алтай в августе 1926 года. Организатором экспедиции был сам художник, а участниками — его жена Елена Ивановна и сын Юрий Николаевич, востоковед. Для поездки на Алтай к ним присоединились двое сотрудников, работавших в рериховских организациях в Нью-Йорке, — З. Г. Фосдик и М. М. Лихтман. Рерихи шли тогда из Индии, через Центральную Азию и затем с Алтая продолжали свой путь дальше. Таким образом, Алтай стал как бы срединной точкой их пути.

«Алтай является жемчужиной не только Сибири, но и жемчужиной всей Азии», — писал художник друзьям в Европу. — Строительная хозяйственность, нетронутые недра, радиоактивность, травы выше всадника, лес, скотоводство, гремящие реки, зовущие к электрификации, — все придает Алтаю незабываемое значение!»

И облик Алтая — молодой: «земля здесь будто сейчас народилась, из любого ручья пей — безопасно».

Алтай на севере и Гималаи на юге были для Рериха полюсами единого грандиозного горного мира. Его мысленный взор охватывал весь необъятный простор внутренней Азии, и это в полной мере отразилось как на его полотнах, так и на страницах его путевых дневников, изданных впоследствии отдельными книгами «Алтай — Гималаи» и «Сердце Азии».

Изучение Алтая явилось для художника частью обширной программы исследования культур Востока, задуманной и начавшей осуществляться еще до первой мировой войны. На Алтае сохранились следы «великого переселения» народов, что давало художнику пищу для размышлений о человечестве и о сложности его судеб. «Алтай в вопросе переселения народов является одним из очень важных пунктов. Погребение, установленное большими камнями, так называемые Чудские могилы, надписи на скалах...

Прошло сто лет, и в доисторическом и в историческом отношении Алтай представляет нескрытую сокровищницу. Владычица Алтая, белоснежная гора Белуха, питающая все реки и поля, готова дать свои сокровища», — писал он в книге «Сердце Азии».

Рерих-мыслитель глубоко понимал значимость древних культур, лежащих в основе современной цивилизации. «Знание преобразается в легендах, — гово-

ЛЕКИЙ И БЛИЗКИЙ

рил он, — сколько забытых истин сокрыто в древних символах. Они смогут быть оживлены опять, если мы будем изучать их самоотверженно». И Рерих-исследователь стремился проникнуть в глубинные истоки общечеловеческой и русской культуры, с интересом изучая живые традиции русской старины — уклад жизни, быт, одежду, украшения, сохранившиеся еще на Алтае в поселениях переселенцев-староверов. Художник мечтал о том, что в будущем этот край станет цветущим и обильным, о том, что лучшие традиции русской культуры — традиции первых русских поселенцев будут продолжены здесь в тесном содружестве с коренным населением, с алтайцами, мудрым горным народом, история которого уходит в глубокую древность.

Экспедиция Рериха, несмотря на непогоду и трудные дорожные условия, прошла через Усть-Кан и Усть-Коксу к подножию Катунского хребта, в Уймонскую долину и остановилась в отдаленном горном селе Верхний Уймон. Село это относится к одним из самых старых русских поселений на Алтае. Его основали около 300 лет назад русские крестьяне, бежавшие от крепостного гнета и реформ Никона и Петра Первого. Поиски укромных мест с урожайными землями подкрепляла вера в существование далекой праведной страны — Беловодья. Со временем Беловодьем стали называть богатые природными дарами, плодородные земли этого уголка Алтая, хотя устная народная традиция относит местонахождение Беловодья намного дальше, на юг.

Условия труднопроходимости и изолированности вплоть до начала XX века способствовали сохранению среди жителей села древних сказаний и легенд, многих черт древнерусского уклада жизни, крестьянских ремесел и прикладного искусства, что сыграло определенную роль при выборе этого места для базы экспедиции. От внешнего мира село укрыто раскидистыми хребтами, а к юго-востоку от него, венчая Катунский хребет, возвышается двуглавая сверкающая короной самой Белухи — матери Алтайских гор.

О цели экспедиции Николай Константинович писал: «Конечно, самое главное стремление как художника было к художественной работе. Никакой музей, никакая книга не дадут право изображать Азию и всякие другие страны, если вы не видели их своими глазами, если на месте не сделали хотя бы памятных заметок. Убедительность, это магическое качество творчества, необъяснимое словами, создается лишь наслоением истинных впечатлений действительности. Горы — везде горы, вода — всюду вода, небо — везде небо, люди — везде люди. Но тем не менее, если вы будете, сидя в Альпах, изображать Гималаи, что-то несказуемое, убеждающее будет отсутствовать».

Во время путешествия Николай Константинович много работал над этюдами, зарисовками, картинами. Он побывал на многих близлежащих горах, поднимался на «белки» — так называют на Алтае вершины с вечными снегами, писал Белуху, которую ставил в один ряд с «прекраснейшими высотами» — Канченджангой и Эльбрусом.

Высочайшая вершина Алтая расположена глубоко среди других хребтов, и увидеть ее не просто. Художник поднимался на Теректинский хребет, ездил к подножию горы вдоль реки Кучерлы и, кроме того, побывал на южных склонах Катунского хребта, откуда вид на Белуху открывается в наиболее широкой перспективе. Известна картина Н. Рериха «Белуха», написанная в звонких, светлых тонах; на ней отчетливо видны обе вершины. Белухи — художнику удалось увидеть гору в ясную погоду, без тумана, что случается не часто. Ныне картина «Белуха» находится в Париже, в Луврском музее.

В поездках по горам художника сопровождал известный проводник Вахрамей Семенович Атаманов, в доме которого остановились Рерихи. Вахрамей Семенович славился знаниями «по всяким вопросам». Знал языки — казахский, английский, киргизский, алтайский; изучал минералы, кузнецом был хорошим. Шли к нему люди за советом. И был он известным лекарем-самоучкой, выписывал книги и журналы, собирал целебные травы, корни, цветы, с успехом врачевал людей и животных. Между Рерихом и Вахрамеем Семеновичем сложились сердечные отношения, и впоследствии Николай Константинович писал о нем в книге «Алтай—Гималаи»: «Это уже Пантелей Целитель — не темное ведовство, но опытное знание. Здравствуй, Вахрамей Семенович! Для тебя на Гималаях Жар-Цвет вырос».

Ныне дом, в котором жили Рерихи, сохранился. В августе 1974 года, в ознаменование столетия со дня рождения художника, на доме была установлена мемориальная доска и он был внесен в число исторических памятников Горно-Алтайской автономной области. В декабре 1978 года исполком Алтайского краевого Совета по предложению облисполкома и краевой организации Союза художников вынес решение о создании в селе Верхний Уймон Усть-Коксинского района Дома-музея Н. К. Рериха, с открытием которого в доме, где жили Рерихи, будет восстановлена историческая обстановка. Музей Рериха на Алтае создается на принципах сотрудничества, которые неизменно претворял в своей жизни сам художник; в создании Дома-музея участвуют различные организации и музеи, а также культурные деятели из разных городов нашей страны.

В свое время Николай Константинович призывал «новых богатырей культуры» поднять Знамя Мира и «положить все силы во славу неотложного в своей живости творческого понятия культуры». И в 1974 году, в канун столетия со дня рождения Н. К. Рериха, сотрудники Сибирского отделения АН СССР поднялись на одну из вершин массива Белухи — пик Рериха и оставили там барельеф с портретом художника и Знамя Мира, на котором было начертано три красных

ГОРНЫЙ АЛТАЙ. ВЕРШИНА УРУСВАТИ. (Расположена в массиве Белухи, справа — пик Рериха. В 1979 году первые восходители — сотрудники Сибирского отделения АН СССР — посвятили эту вершину выдающейся русской женщине Елене Ивановне Рерих в честь столетия со дня рождения; именем Урусвати ее звали в Индии, что в переводе с санскритского означает «Свет утренней звезды».)

круга — прошлое, настоящее и будущее, объединенные единым кругом вечности.

Живя в Индии, в Гималаях, Николай Константинович Рерих собирался вернуться на родину, чтобы жить и работать на Алтае, но в декабре 1947 года среди сборов в Россию его жизнь неожиданно оборвалась. Великий подвижник, Махариши, как звали его в Индии, окончил свой долгий, удивительный путь. Остались картины и книги. Остались слова, сказанные им в «Завете»: «Но вот что завещаю всем, всем... В мирном труде познается и мир всего мира. В мире идет строительство и светлое будущее. А где постройка идет, там и все идет...»

II

Мне довелось своими глазами увидеть «ширь Алтая» — минувшим летом я была там уже в третий раз; и теперь, когда остались позади эти синие горы, голубые озера, бурные реки, цветущие луга и кедровые леса, я в затруднении: с чего же начать свой рассказ? Иногда начало похоже на беспорядок — вспоминается все: и полночная радуга среди звезд, и рассвет в верховьях Катунь, и пятидневный переход на лошадях к чудесному горному озеру, и, конечно, знаменитый Алтын кель — «золотое» Телецкое озеро. А с какими замечательными людьми свела меня судьба!..

Многое изменилось здесь за полвека. В районный центр Усть-Коксу, куда экспедиция Рериха добиралась когда-то от Бийска десять суток, теперь можно долететь за сорок минут самолетом из Горно-Алтайска. И если вам повезет и погода будет ясная, то незадолго до приземления с левого борта самолета вы сможете уви-

деть во всей его красе белоснежное ожерелье Катунского хребта, увенчанного прекрасной жемужиной — сверкающей на солнце двуглавой вершиной Белухи.

Как передать ликующую радость, которая охватывает вас при встрече с этим необъятным царством белоснежных гор, кажущихся такими близкими и в то же время такими далекими! Тут начинаешь понимать, почему именно горы стали для человека символом духовного восхождения, приближения к красоте и гармонии.

Путь мой лежал к Тайменному озеру, куда пройти можно только конной тропой, с проводником или с чабанами. Об озере этом я слышала давно. Упомянул о нем и Рерих, когда описывал свое путешествие.

Тайменное озеро. Манит оно к себе своей недоступностью, своей красотой. И само название озера словно несет в себе какую-то тайну. Там, за Тайменным озером, если верить молве и легендам, пролегал путь и верховьям реки Бухтармы, куда уходили когда-то кержаки-староверы искать запредельную страну Беловодье, где «вся воля, вся правда живет». Об этом рассказывали Рериху старожилы Верхнего Уймона. «Все легенды от были», — говорил художник, видя в них отзвуки реальных исторических событий, видоизмененных народным воображением.

Мы вышли на озеро Тайменное из села Тихонького, что в пяти километрах от Верхнего Уймона, — там живет проводник Василий Михайлович Морозов, который согласился проводить меня к озеру, и там нам выдали лошадей. Утром 21 июля тронулись в путь, сопровождаемые попутчиками-чабанами.

С погодой нам повезло — накануне светила яркая радуга, и всю дорогу на озеро мы шли под ослепительным солнцем; лишь в последний день, на обратном пу-

ти, пошел дождь, но он был нам уже не страшен. Пять дней провели мы в дороге, ночуя под кедрами, и мне открылся великий простор и красота Горного Алтая.

Помню, как на закате первого дня, после трудного Залавна — очень крутого перевала мы вышли на ровное плоскогорье, называемое в народе Холодным белом из-за сильных ветров, обычно встречающих здесь путника. Но в этот день было тихо. Мы шли в окружении удивительно чистых, словно вычерченных на холсте контуров гор. Тонкие, нежные краски заката усиливали ощущение простора и светлой тишины. Свет и тихая радость, единение неба и земли в многоцветных лучах вечернего солнца. В памяти всплыли картины Рериха, и на какое-то мгновение в душе родилось чувство, близкое, наверно, к тому, которое вдохновляло когда-то художника. Казалось, в этот предзакатный час теплые лучи солнца пронизывали весь мир, как бы посвящая все существующее на земле в великое творчество Вселенной.

Спутники мои тоже почувствовали нечто особенное и притихли. Долго шли мы молча, и как будто невидимые нити объединили нас, ставших свидетелями светлого таинства природы. Да, это было открытием. А точнее — началом открытий, потому что «сказка» была еще впереди — там, где за пятью перевалами лежало Тайменное озеро.

Мы шли перевал за перевалом — Холодный белок, Зайчонок, Тихий Собачий, Быстрый Собачий, Большереченский. И, наконец, на второй день пути поднялись на последний, Харьюзовский перевал. «Ну, Татьяна, теперь смотри!» — сказал мой проводник.

Внизу перед нами неожиданно раскинулась синяя гладь прозрачного горного озера. По берегам его росли могучие кедровые вперемежку с березами, а за ними уходила вдаль сплошная белизна высокогорья. Очертания прибрежных вершин отражались в воде, и все это, освещенное ярким солнцем, создавало невиданную гамму красок. Мне припомнилась картина Рериха «Озеро нагов» — тут было тоже что-то волшебное, в этом величии, где явь соединялась со сказкой. Так вот оно какое — Тайменное озеро! Пожалуй, его можно назвать прообразом знаменитого Алтын-кёля — «золотого» озера Телецкого, которым по праву гордится Алтай.

К слову сказать, исконные алтайцы выгодно отличаются своим мудрым, любовным отношением к природе. Недаром, наверное, возносили когда-то их деды и прадеды жертвы добродетели Ульгюню, творцу Алтая, который хранит их душистые леса от вырубок и пожаров; учит простой народ жить по-братски, без ядовитой зависти и обмана, вражды и притеснений. А послушайте, какие прекрасные песни поют алтайские сказители-кайчи о своем могучем, величавом Хане-Алтае:

Треуголен ты, Хан-Алтай,
Когда взглянешь на тебя
с высоты.
Со стороны поглядишь на тебя,
Ты блистешь, как девятигранный
алмаз!
Когда со ската горы окинешь
взором тебя,
То, как плетя расплетенная,
тянутся хребты твои...

И вот подходит час разлуки. Очень жаль расставаться с царственным Алтаем, хранителем заповедной красоты.

В последний вечер, перед отъездом из Верхнего Уймона, захожу попрощаться с председателем сельсовета. За разговором не заметили, как разразилась гроза, отключили свет. А когда, наконец, поухило и мы вышли из дома — глазам открылась удивительная картина: на небе горели звезды, из-за туч выглянула полная луна, а над головой — в полнеба — светила радуга! Полночная радуга среди звезд...

ПЛАМЕНЕТЬ НАД ДАЛЯМИ ЗЕМНЫМИ

Сергей ПОЛИКАРПОВ
ПОЭМА

Становление ленинских идей —
Дерзки молодых Советов планы,
Жизнь на взлете!
Но в ее вождей
Злобные нацелены наганы,
Бьют из-за рабочего плеча
В светлый миг людского

Роковые раны Ильича...
Жизнь
Меж молотом и наковальней! —
Жизнь вождей
И детища его —
Молодой Республики Советов...
Целился убийца в одного,
Боль —
Для миллионов душ на свете!..

Это б геркулес не каждый смог —
На пальто от пуля зияют дыры! —
Мучась, все ж подняться на порог
В скромную кремлевскую квартиру.
Третий, совнаркомовский этаж...
Кровью след впечатался
в ступени...
— Контра подрубила корень наш,
Ранен вождей пролетарята —
Ленин!..

...Августа тридцатый
Блесткий день.
День — так сталось! —
Моего рожденья,
На тебе, как смоль затмения,
Тень
Тяжкого двойного преступленья:
Ленин пулями прошит в Москве,
В Питере сражен чекист Урицкий...
Выстрелы в Москве
И на Неве,
А курки взводились за

границей! —
Заряжали пулями стволы
Савинковы, вильсоны,
ллойд-джорджи...
Смерть из-за угла, из-под полы —
В этом все враги Советов схожи!

Логика предательства не нова —
Схемой довольствуется старей:
Коль неубедительны слова —
В ход пускают подлость и кураре,
Но суров истории урок:
На пути народном встанешь

камнем —
В прах сотрет тебя людской
поток! —
Истина проверена веками.
Правда и родится и живет
В муках,

Но крылом ее оваян,
Вечен созидующий народ,
Как земля,
Как светоч правды — Ленин!

...У сестры вождей в глазах укор —
Ах, не сам предсказывал он будто:
«У эсеров курс на заговор,
Эти и стрелять нам в спины
будут...»

Из усталых Ильичевых глаз
Свет успокоительный струится...
— Драка, Маша!
И с любым из нас,
Коммунистов,
Может то случиться.
Дело не продвинется само,
Если мы стоять в сторонке

будем, —
Мы у всех имущих, как бельмо,
Мы — пример всем угнетенным
людям!..

Лица напряженные врачей,
Стон вождей, метущегося в жаре...
Это — вбитый злобой палачей
В Ильича смертельный яд —
кураре!

В обряже с английского плеча
Белочехи буйствуют в Самаре...
Это — вбитый в душу Ильича
Злобой колчаковской — кураре!
Всплыло рыло социал-рвача,
Торг за власть ведет, как на

базаре...
Это — тоже пуля в Ильича —
Фарисейства подлого кураре!...
Всякому ль такое в жизни
смочь? —

Ближих ободрять,
Со смертью споря!..
Бесконечна, леденяща ночь,
Аспидна, как грянувшее горе.
Неподвижность раненой руки,
Кровью опаленные повязки...
Смерть идет на Ильича в штаны,
Подводя трагедию к развязке,
Душу живу — к нулевой черте,
Дело Революции — к сиротству...
Чем на первой огненной версте
Для России это отзовется? —
Долы от плеча и до плеча
Дорогой земли
В снарядной гари...
Это — пуля в душу Ильича,
Эти братоубийственной кураре!
Дети пухнут с голоду, крича,
А кулак хлеба гноит в амбаре...
Это — пуля в душу Ильича,
Царского наследия кураре!
Фабрики, как от паралича,
Стынут сплошь —
Ни вару, ни товару...
Это — тоже пуля в Ильича,
Яви всеразрушия кураре!..

Мир за бытность долгую знавал
Судьбы фантастического ряда:
Человек из мертвых воскресал,
Если делу
Было очень надо!
Оборенье —
Это духа суть,
Большевистского вождева духа —
Выбрать путь
И повести в тот путь
За собой сквозь голод и разруху!
Оборенье болей в себе,
Оборенье ретроградства века
И лишений в собственной судьбе
Ради благ Простого Человека!

Оборенье —
Символ Ильичев,
Для души заглавное наследство —
Как вакцину против столбняков
Всяческих,
Привить спешим мы с детства...
Оборенье —
Доблестный удел
И горенье, как от ран кровавых,
Ильичевых детищ —
Славных дел,
Имя чье —
Советская Держава!
Путь ее по бурным волнам лет
Обореньем времени отмечен,
И призывный луч ее побед,
Точно солнца свет,
Для мира вечен!

...Как велики горе и любовь
Родины
Над болью Ильичевой! —
Ленина страдания и кровь
В Партии прилив родили новый.
Мир как бы прозрел у этих ран,
Пронизавших болью всю Россию:
Ленин, как могучий океан,
Миллионов излучает силу!
Вот она:
«Симбирск врагами сдан!..»
«Скоро вновь советской быть
Самаре...»

Вот повязка лучшая для ран,
Вот противоядие от кураре!
Множатся рабочие полки,
Гнев народа
В их стальном ударе...
Спета ваша песня, колчаки,
Это — оборенье кураре!

* * *

Век под стягом ленинских идей.
Вечен свет побед Страны Советов,
Но, как встарь, ярятся
Всех мастей
Правдонавистники планеты.
Палачи по сути и делам,
Маски лишь меняя и ухватки,
Все скликают на головы нам
Кры небеса и земные встряски.
Сколько их грозило на пути —
Ни под чем не встали на колени.
Нам дорогой Ленина идти,
А его дорога —
Оборенье!
Опыты былого есть как есть,
Лучшего не видится исхода
И для тех,
Кто, замышляя месть,
Вновь грозит
На нас пойти походом,
Собирает крестоносцев рать,
Оградясь щитом войны холодной...
У Советов,
Коль зарвется тать,
Вдосталь сил и доблести
народной!..

Но, как был борцовский дух силен
В Ильичевом опаленном теле,
Так же тверд в его Державе он —
В светлом Ильичеве
Главном деле.
Быть ему!
И жить несчетно лет,
Пламенеть над далями земными,
Жизнь даря земле
И правды свет, —
Коммунизм и жизнь
Необоримы!

А. Шилов. Род. 1943. ГОД 1919-Й. 1980.

В. Абакумов. Род. 1923. В. И. ЛЕНИН НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ. 1980

Ш Л А В Н И

Дмитрий ХОЛЕНДРО

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

1

Лейтенант Зотов сидел на плоском ящике, вмятом в сырую кочку, и ждал Асю. Она, конечно, не придет, как уже много раз не приходила, но он будет терпеливо ждать. Если бы благоразумные отголоски его мыслей удалось перевести в слова, то получилось бы примерно вот что: «Ты с ума сошел, Павел! Да какое свидание может быть тут, в зоне переднего края? Чушь!»

Но он сидел и ждал, и зудение комара ласково въедалось внутрь существа, как одно из самых забытых воспоминаний.

Впрочем, чего-чего, а комаров в этом месте — до черноты в глазах. К вечеру они непроходимой гущей свисали с неба, прикрывая безвредное пламя заката над камышами. Поздешнему это место называется словом, к которому сразу привыкли, как к самому подходящему. Кто и когда назвал так эту землю, почти напроочь залитую водой? Там, где воды не хватило, чтобы затопить ее сплошь, сухие клочки изрезало множество протоков и прожилок, ослепительных днями, а ночами исчерна-черных, если, правда, с неба не глазело огромное и низкое от любопытства око луны, окрашивая все рыжим сиянием. В тумане столетий лейтенанту представился мохнатый дедок из давних казачьих рыбаков, обронивший с утлой лодки точное словцо и даже не заметивший, как мудро получилось. И сам остался безымянным, а целому краю дал название: плавни.

Любая уважающая себя река перед тем, как навек исчезнуть в море, разливается в устье и стремится напоследок обнять побольше земли. Для этого она, как руки, и разбрасывает по сторонам свои протоки. Но что вытворяла Кубань, вообразить невозможно. Действительно, вольная река!

Не охватишь глазом заросли камыша, поднявшие к солнцу лезвия длинных листьев. Протоки разной ширины во всех направлениях рубили эти заросли солнечными саблями, а где-то камыш внезапно вовсе исчезал, и тогда нараспашку открывались разливы чистой воды, иногда изрыбленной ветром, как море. Вода прикидывалась если не морем, то морскими лиманами, плескалась длинной волной, но это все еще была Кубань. До настоящего моря — рукой подать, в разгаре рассветов и закатов, нетерпеливо крича, над плавнями носились чайки, залетающие сюда за рыбой, но самого моря видно не было. За одним, другим, третьим разливом опять темнел камыш, начиная новые дебри, полные вечного шороха.

На такую прорву протоков доставало названий, и одну вполне серьезную реку, уходящую от Кубани на север, не только на военных, но и на обычных географических картах окрестили Протокой, превратив привычное обозначение в имя с большой буквы. Эта памятная Протока!

Лейтенант Зотов снова увидел берега, с обеих сторон огороженные будто крепостными валами выше головы. Из-за них, не дающих Протоке расползаться вширь, пока она огибала тихую станицу, в которой сады разрослись, как лес, к реке было не подобраться. Она текла в земном коридоре, все промоины, заманчиво зиявшие в этих валах, где поросших своей травкой, а где лысых и осклизлых, немцы заранее пристреляли. Когда там и тут наши бросались к этим дырам, как к калиткам в станицу, то натывались на зрячие пули. Пулеметы сажали без промаха. И мины, послушные дрессированных, обкладывали каждый шаг.

Еще до атаки комбат Романенко сказал, что дело куда сложнее, чем кажется. Станица большая, немца в ней много. Он тоже не захочет сползать в плавни, где не на чем держаться, значит, будет остервенело драться. Чем его выбивать? Хочешь курить, носи и табачок и спички в своем кармане. Думаете, перекрестки, дома, дворы ждут в станице? Шиш! Огневые точки, доты. Голыми руками их не взять.

Короче: на тот берег хорошо бы сразу захватить с собой хоть минометы. А уж потом и пушки переправятся, если отгрызем для них хоть крошечный плацдарм...

Обрывая речь, капитан Романенко часто говорил: короче! Тогда Зотов еще не знал об этой привычке... Только что прибыл сюда из далекого госпиталя, залечив свою первую рану. На новом месте заменил убитого командира минометной роты, приданной батальону. Ну, ясно, комбат сравнивал, приглядываясь. А сам с первых же слов пришелся Зотову по душе: лихой, толковый. Может ли быть сочетание завидней — лихой умница? Романенко же, обогрвая новичка, перешел на «ты»:

— Ну, ты понял, надеюсь? Возьмешь свои «самовары» и пойдешь с атакующими.

— Лодки мне дадут?

— Какие лодки? — усмехнулся капитан. — Немец угнал их в плавни. Может быть, для надежности потопил. В лодках любой дурак переправится. Короче: никто ничего не даст.

— На чем же тогда через Протоку?

— Подумай! — ответил комбат отчужденней, ему хватало, о чем заботиться. — Не придумаешь — поплывешь на животе.

— С минометами?

— Честно скажу, меня миномет интересует куда больше, чем ты сам. Вывихни мозги, а минометы доставь.

Нетрудно было догадаться, что его отпускали для полководческих размышлений, но Зотов никуда не ушел, а задумался, тряся головой, как, бывало, в такие минуты тряс дома отец, и мама говорила: нервное. Понимала — врач. И приносила глоток какой-нибудь успокаивающей микстуры, отец, не глядя, выплескивал на пол через плечо, а она опять приносила, пока он, сморщившись, не проглатывал с маху, чтобы отделаться.

— Не узенькая Протока... — шептал Зотов. — А глубина — с головкой...

Романенко не отвечал, будто ждал от лейтенанта сногшибательного предложения, а не услышав, потерял к нему интерес. На войне ни у кого нет времени для пустого интереса.

— Плоты навязать? — спросил Зотов.

— Из чего?

— Из бревен.

— А где они? В нашем районе один-единственный мост через ерик.

— Трухлявый.

— А разобрать и тот нельзя! По нему войска тянутся. Сколько еще будут рисковать, пока саперов дождутся? Дороги!

С начала марта на кубанские равнины хлынула ранняя распутица, затопила их грязью, как лавой из невидимого вулкана. Даже местные старики дивились распутице, не понимая, что никогда по их просторам не прокатывалось столько колес, не топало столько ног. Войска сами превращали землю в месиво. И сухих мест поблизости не было...

Волоча пудовые комья на каждом сапоге, не останавливаясь только пехота и перла с собою все, что могла. Древняя нога демонстрировала превосходство перед еще молодым, на вековой счет, колесом. Артиллерию к Протоке притолкали. Правда, больше половины орудий сиротливо утупало в грязевом потоке, а у тех, что заняли позиции, запаса снарядов — на один бой. Машин со снарядами не могли сдернуть с места и тракторы.

Саперов ждали с бревнами, которые пригодились бы для ремонта мостов. Но и бревна где-то заплывали черноземной жижей.

Тем злее становились войска, и капитан ска-

зал, когда Зотов спросил, а много ли у них времени:

— Ни капли. Станицу будем брать с ходу, уверен! Не дадим немцу опомниться!

— Столкнем в эти гнилые плавни, — забиячливо подхватил Зотов, — а там и в море!

— Не дай бог, — возразил комбат. — Окружить его надо, уничтожить. До плавней, до моря.

И Зотов еще раз удивился собственной нескромности. Конечно же, уничтожить здесь, чтобы не драться в камышах, на воде. С обидой и болью он спросил себя, отчего так тяжела его мысль. И самое обидное, что внешне он был тонок, и скор на ногу, и быстроглаз, а мысль его осматривалась и обживалась неспешно...

Солдаты, самый приметливый народ, за эти месяцы в плавнях не без иронии дали своему лейтенанту кличку «Задумчивый». Тощий и смущенный, носил он эту кличку вроде какого-нибудь эсминца, хотя и воевали они здесь, на воде, без флота...

И никто не знал, почему он ходит такой задумчивый.

Ася не появлялась. Напрасно он примостил на кочке пустой ящик от мин, подготовил для нее место посуше, как на скамейке где-нибудь в парке культуры. У него была минута-другая, а то и третья вспомнить, как он додумался перешагнуть Протоку с минометами, которые пехтура давно и охотно называла «самоварными трубами», а то и еще проще — «самоварами», и с их нелегкими опорными плитами, «пятками» для этих труб. Вот так же одиноко он сидел тогда в кустах, на ящике из-под мин, тоже имевших у солдат свое прозвище: «огурцы», а по вязкой тропе, безостановочно перемещивая ее, солдаты несли в охапках, на плечах, на головах, на спинах камышовые снопы...

До настоящих плавней от Протоки было не близко. Еще одна станица, забитая гитлеровцами, как муравьями, лежала на самом пороге плавней последним земным пристанищем, ошестинившимся в нашу сторону дулами пулеметов и орудий. Но камыш и у Протоки обступал озерца, потихоньку превращавшиеся в болота, топорщился вокруг луж, будто плавни высылали его на степные просторы в разведку: нельзя ли тут укрепиться?

Было где солдатам нарубить камыша, орудия своими махонькими саперными лопатками вместо топоров. А рубили его, чтобы ладить плотки: слой так, слой поперек, садись и кочуй через Протоку. Солдаты молча несли снопы, только камыш шуршал, когда его перекладывали с плеча на плечо. В воде он намокнет, потяжелеет, но, в общем, каждый плотик дотерпит до того берега, донесет одного или даже двух...

А вот миномет с собой не возьмешь, потопишь. А еще — мины. Без мин к чему эта труба? Не самовар же в самом деле ставить... А если подпереть камыш бочками? По две на плотик! Хотя бы четыре бочки, можно ведь и не раз сплавить туда-обратно, чтобы перевезти все минометы. Бочки! Да где они?

С этим вопросом он не вернулся к комбату, чтобы тот не погнался. Бочки здесь были в цене не меньшей, чем лодки, и педантичные немцы, небось, не дали маху, все бочки порубили и пожгли. Но, оказалось, дали... Миномет-

чики Колпаков и Лаврухин, покашляв в ладони, сказали, что немного, но четыре бочки найдут. Недалеко, в виноградниках, оплывших грязью, в ветхом сарае валялись корзины-плетенки, и ржавые весы, и бочки, как раз четыре. Откуда они там?

— А черт ё знает! — пожал плечами круглый Лаврухин.

Колпаков же, худенький и жилистый, выплюнув изо рта кончик самокрутки, докуренной до самих губ, улыбнулся:

— А чего ж ты в бочку из карабина пулял?

В бочках бродило вино. Прошлым летом их не успели увезти из виноградарского сарая и положить в колхозном подвале на законное место, а на вопрос, как же это фрицы не коснулись бочек, Лаврухин воздел растопыренные руки к небу:

— Так сарай плетенками завален до потолка! И грязюка!

Колпаков же, шмыгнув носом, добавил с сожалением:

— А вино смердит. Ужас!

— Свежее, потому и протухло, — объяснил Лаврухин. — Не укрепились на жаре.

Скисшее вино выпустили в грязь, понапрасну пробуя из каждой бочки: оно не становилось лучше. Колпаков, оказавшийся сельским плотником, починил бочку, продырявленную пулей друга, и вечером Зотов доложил комбату, что готов к переправе, а ночью, когда наша артиллерия, ненадолго озарив полнеба взблесками, придавила станичные огневые точки, минрота, волоча свои минометы, плотники и бочки, прорвалась к Протоке.

Уже отчаливали, когда из темноты вдруг выплилась девушка. И осветительная ракета вспыхнула будто бы в ее честь и, замерцав, повисла над головой. Все застыли, а девушку, похожую на школьницу, переодетую в гимнастерку и сапоги, это не смутило, она, не останавливаясь, сиганула на плот, отплывший от берега.

— Куда? — вырвалось у опешившего лейтенанта Зотова.

— С вами, — неласково ответила девушка, и голос у нее оказался донельзя сиплый.

— Чей приказ?

— Мой, — ответила она.

Лаврухин торопливо растолковал, теснясь на плотике:

— Это санинструктор, пригодится. Не бойтесь!

И замолк, а Колпаков начал отталкиваться шестом. Пока еще шест из жерди, отодранной в том же сарае, доставал до дна. На случай глубины вырезали веслицы из горбылей, добытых там же, — сарай догола раздели. Колпаков все живее двигал шестом, уходя из-под мерцания ракеты. Чудная санитарка, вдруг прибежала и без предупреждения — прыг! Все же полагалось бы спросить, есть тут у кого, Зотов довольно мирно пробурчал об этом, а она отозвалась так, будто голос ее поморщился:

— Заткнись! — И обратилась к Колпакову: — Кто такой?

Тут только лейтенант сообразил, что он в плащ-палатке и знаков отличия не видно, а лицо у него мальчишеское.

— Командир роты лейтенант Зотов, — представился он наспех в темноте, куда Колпаков все же задвинул плотик, а она ответила коротко, будто ей не хотелось говорить:

— Ася.

Лаврухин защитно добавил по форме:

— Санинструктор Панкова.

Посреди Протоки и состоялось их знакомство.

Но в ту минуту Зотов думал уже не о ней, а о том, как быстрее открыть минометный огонь, потому что артиллерия смолкла, как видно, исчерпав снарядный запас, и в станице снова стали оживать огневые точки. Высадились, стреляли, и комбат кричал, что возьмут станицу, и он его, Зотова, представит к ордену, но станицу не взяли, пришлось возвращаться, спасать минометы. Комбат еще перед боем повторил указание полкового начальства: «Короче — за каждый «самовар» отвечаешь головой!» После весенних боев «самоваров» в роте осталось шесть, а голова у него была одна, арифметика складывалась не в ее поль-

зу. Батальон за одну ночь потерял едва ли не половину состава, толстые и черные пиявки комбатовских бровей осели на глаза.

Ко всему прибавилась еще беда: Ася пропала. Девочка, козявка, много ли ей надо? Она сразу же исчезла с глаз в темноте, едва пристали к берегу, занялась своим делом. Уже покидали берег, на котором не пробыли и часа, а санинструктора не было. По земле, изрываемой минами и снарядами, будто фашисты жадно расширяли Протоку, Зотов дополз до комбата, уходившего с берега последним, как капитан с тонущего корабля, и крикнул, что нет Панковой. Но капитан обругал его матом.

— Переправляйся, сопля!

Днем Ася спала в палатке комбата, свернувшись калачиком. Зотов, позванный доложить о потерях, уставился на нее. Спала Ася до заставки сладко, и лицо у нее было отрешенным от страшной ночи. Верхняя губа приподнималась, помогая дышать, и казалось, девочка улыбается. Зотов поразился. Все ему думалось, что девочка, переодетая в гимнастерку, — это случайный подарок ночи. Ан нет! Он засмотрелся, и Романенко, взрычав, напомнил:

— Я дожусь? Как у тебя?

— Потерь никаких.

— А минометы?

— В целости.

— Ах ты, Зотов, да ты ж счастличик! — воскликнул комбат, который радовался так же легко, как и гневался.

Лишь в конце месяца, когда по распутице все же подтащили артиллерию, накопили снарядов и саперы накрыли реку сотнями плотов на привезенных бочках, немец не выдержал нового удара по станице, и Протока осталась позади.

Правда, в грязи по грудь обходных маневров не вышло. Захватили последнюю станицу перед плавнями, затолкали врага в плавни и... сами завязли в их душной глубине. До рыбацкого города Темрюка, маячившего где-то впереди, на твердом перешейке, как на мосту между плавнями и морем, пока добирались лишь птицы да самолеты...

Привыкали к небывалой войне. Пушек тут ставить было негде, да и не нужно. Пушки потеряли свою грозную силу, будто вдруг стали евнухами. Их снаряды тонули в жиже и взрывались где-то там, в вонючей прорве. Бугор пузырящейся муты вспучивался над взрывом, да изредка, чтобы тут же упасть и утонуть, вылетали грязные кусочки железа, слабые, хоть рукой лови. Поселившаяся в плавнях пехота прозвала эти снаряды «утопленниками».

Вот мины — те рвались от первого соприкосновения с водой, у них взрыватель чуткий, как спичка. Минометы стали в плавнях куда страшнее пушек, и Зотов радовался, что его «самовары» заволокли в болота. Выбрали для них более или менее твердые пятаки земли, застелили, чем удалось, короче, сотворили подкладку и стреляли. Но если без достаточной поддержки пушек сразу не одолели Протоки, то как же было перемахнуть через плавни? Их ведь не десять шагов, а десятки километров!

Иногда проводили малые вылазки, но порой и они надолго затихали, будто в войне наступал антракт. Конечно, это было дико, какой антракт может быть в войне?

Но и этим вечером не стреляли, и он слушал, как зудит комар в самом ухе, и ждал Асю. Когда он первый раз позвал ее на свидание, она, вытаращив глаза, посмотрела на него, как на недоумка. А он, конечно, улыбался. Он всегда улыбался от смущения, но тут уж ничего не поделаешь.

Жизнь здесь, в плавнях, лепилась к кочкам. Люди лепились к кочкам, как комары, и тогда, на первое свидание, он тоже приволок на кочку пустой ящик от мин. Ждал, может, Ася улыбнется, но она глянула без улыбки. И села, сжавшись, то ли чтобы прочней удержаться на нетвердой подставке, то ли чтобы и ему дать место, то ли чтобы не так проникала в тело зябкая сырость сумрака. Да, лето промакнуло в этих плавнях, до последних дней...

Они сидели тогда, может быть, пять минут, может, полчаса, пока под ящиком, продавившим лунку, не чавкнуло взасос и в оранжевом луче лунного света юркий лягушонок не унес с собой что-то таинственное и простое, из детских дней. Над плавнями ночным солнцем катился оранжевый диск луны, и за каждой стеной камыша она снова отражалась в каждой луже, будто в плавнях жили тысячи лун. Ася вдруг рычком поднялась и сказала:

— Я пошла.

И лишь тут он сообразил, что до сих пор молчал, что не сказал за это время ни слова, ни главных, ни полглавных, и, когда медленно выпрямился, она прибавила:

— Сиди.

Ну да, не успеешь оглянуться, как из-за камышей, рассыпающих кипящий шелест, вынырнет фигура, замотанная в плащ-палатку, и приоткроет любопытный глаз, обложенный припухлостями от вчерашних укусов. Комары тут кусают насмерть, но любопытство — бессмертная вещь. Поэтому Ася и велела ему сидеть. Как же она благородна, маленькая!

А он даже не успел спросить ее, придет ли она еще. Хоть самому себе не верь, но первое свидание в его жизни прошло бессловесно. А может быть, до жути скучными почудились Асе эти молчаливые минуты? Но что же делать, если он и на твердой земле еще не намолчался от счастья?

С тех пор как он увидел Асю спящей в палатке комбата, он не сомневался, что это вот и есть оно самое. Он же не виноват, что их встреча произошла на войне, посередине Протоки... Он так бы и смотрел на Асю издали, радовался ей, и только. Но случилась невероятная остановка в плавнях, и он не выдержал. А может быть, она просто посчитала его безруким, трусливым? Да, трусливым юношей с пистолетом на боку. Нет, Ася не такая... Он снова звал ее посидеть в камышах на ящике. Она не отвечала и не приходила. И, видно, сегодня он напрасно ждет.

Все они научились тихо ходить по кочкам, по «сушкам», как называли здесь пятачки относительно стойкой земли. Эти ее клочки в самом деле «сушки», а не суша. Но как тихо ни приближайся, привычное ухо уловит шаг. Тем более его ухо Асин шаг...

Кто-то ступил на кочку, плеснув водой. Развел камыш, послышалось сухое верещание.

Зотов встал, унимая сердце, но, может быть, это и не Ася? А глупое сердце рвалось навстречу легкому шагу...

Луна сегодня еще не выкатилась, и сумрак был зловеще темен, но все же он слухом угадал, кто подходит, и окликнул:

— Ася!

2

Сначала комбату мерещилось, что его с солдатами, которых было не так уж много, заманили на остров, еле слепленный из болотных кочек, и взяли в круг, как в плен. Из-за размашистого кольца воды красными точками летели трассирующие пули. Со всех сторон. Только-только начало смеркаться, и немцы спешили показать, что они всюду.

Он метался по камышам, скалил свои белые зубы и повторял про себя: «Пришьют!» Странно, но сейчас, лежа в палатке, он как бы со стороны видел свое лицо, опаленное жарким дуновением плавней, и, блестя до какой-то испуганной, искусственной, неживой яркости, в смуглой оправе вовсе белели зубы.

Нашли этот тухлый остров разведчики. Горсти гильз по-свежему золотились в черной сякоти, не успев заржаветь. Значит, враг ушел минуты назад, не больше. Но почему ушел? Он догадался. Сначала слабым, а потом и во все притихшим огнем их обманули, вытащили из камышей, чтобы перестрелять. По острову, как по цирковой арене, где, однако же, убивали всерьез, уже открыли огонь далекие минометы...

Сжавшись на топчане под двумя байковыми одеялами и шинелью и все равно не в силах согреться, он дрожал, и угадывал приближение мин, и слышал, как они грохали, натыкаясь на гранит воды. Визг осколков заставлял его ворочаться с боку на бок, и это было противно до омерзения.

Он, комбат, нередко сам водил своих солдат в вылазки. Его замполит каждый раз бранился, забывая, что это не с неба свалилось, а было у Романенко в крови, в характере, невыдержанном, говорили еще до войны в полку, или бойцовском, как хотите, так и считайте. Отряд атаковал остров на камышовых плотиках азартно и, конечно, успешно. Еще бы! Этого и хотели немцы. Теперь задача переменялась — вырваться из ловушки.

Первые тогда с тоской и досадой подумалось, что замполит прав: ради болотных кочек, которые на карте не найдешь, батальон мог остаться без командира. Да не ради этого, а ради того, чтобы доказать немцу и себе, что даже в болоте он не будет сидеть покорненько, как червь! А все равно эту вылазку назовут легкомысленной...

Хорошо, что было не на самом деле, а мерещилось...

Мины рвались гуще, и он поплыл... В глубине камышей он оставил ручной пулемет, у которого дежурил лучший из всех пулеметчиков, каких довелось ему встречать на войне, грузин Гогоберидзе. Гога первоклассно стрелял. К этому главному в солдате, умению он, Романенко, добавлял еще одну простую примету: как долго солдат живет в батальоне. Впервые Гогоберидзе прижал к своему плечу тяжелый приклад «дегтяря» с железной, набитой патронами тарелкой наверху под Малгобеком. Было это почти год назад, долгий год с зимой и дождями, когда немец, как псих, рвался вдоль Терека к Каспию, потому что там была нефть. Рвались гитлеровцы и к городу Орджоникидзе, давнему Владикавказу: кто его хозяин, дескать, тот и Кавказом владеет. Это горные ворота Военно-Грузинской дороги, в конце концов сбегавшей к той же нефти. А через год оказались в плавнях, далекомы и от Терека и от нефти...

Во время боя за остров Гогоберидзе со своим помощником из новичков ждал зеленой ракеты, на случай, если придется прикрывать огнем вынужденный отход отряда. Но батальонного ординарца убили, и он исчез под водой вместе с ракетами и ракетницей. Как не было! Тогда еще не осознали, что здесь надо в каждую вылазку брать с собой две-три ракетницы и запасные давать самым живучим, а то... Короче: второй ракетницы не было, не из чего было дать сигнал, и он вплавь ринулся к пулемету, о котором еще не подозревали немцы. На Днепре вырос и плавал как рыба. Пла-

вать-то плавал, да уже больше в памяти, и едва дотянул. Сердце лупило в уши бешеными толчками. Точь-в-точь как сейчас... В камышах он доплелся до пулемета и увидел Гогоберидзе. Тот был привязан к плоту ремнем под горло. Длинные черные усы едва высывались из воды, прикрывавшей рот. А глаза были открыты.

С другой стороны плота таращились еще одни, выпуклые, застывшие в страхе, но живые глаза.

Романенко схватил солдата за шиворот, хотел ударить от горя по этим неподвижным, как у куклы, глазам, однако они мигнули. И он удержал себя и спросил:

— Как зовут?

— Пышкин.

В обе стороны на воду выкатывались синие булki щек. Да, природа, она даже фамилий не дает случайных. Пышкин так Пышкин. Он снова глянул на мертвого Гогоберидзе.

— Мина,— сказал Пышкин.— Сразу, как вы в атаку.

— А тебя задело?

Пышкин отрицательно поводил головой.

— Значит, он один все осколки взял, свои и твои.

Пышкин кивнул, чуть не подцепив воду курносый носом.

— Встать!

Пышкин опять мигнул, выдавливая страх из своих глазенок.

— Мне страшно.

— Выполняй приказ!

— Страшно, что плот утонет,— поправился солдат.— А младший сержант же... Я плот плечом держу.

— Вот как надо!

Они уже приспособились в плавнях пригибать камыш по кругу, связывать узлом, и получалось кресло — можно и присесть и даже прилечь для отдыха. Можно и Гогу положить. Романенко перенес пулеметчика на неистово ловко скрученную им связку, откинув из-под его горла ремень, а Пышкин прибавил:

— Одной рукой пулемет держал, а другой его привязывал,— и покосился на безмолвного Гогу.— Страшно было отойти хоть на шаг. За того страшно и за того...

Конвульсивная улыбка шевельнула губы комбата:

— А за себя?

Уже перетянули плотик на другую сторону камышовых зарослей, к другой воде, из-за которой вырастал павлиний хвост трассирующих нитей, и Пышкин сознался:

— Самому-то страшней всех. Что ж я, святой?

— Не ври! — оборвал комбат. — Удрал бы!

— Так я еще могу. Держите крепче.

— Сейчас в такое место суну! Перестань дрожать!

— А это я от холода. Сыро тут...

Оттого-то и щеки у Пышкина были синие, черт возьми!

Он ткнул Пышкина под разодранный плотик и стрелял, можно сказать, с плеч солдата, на себе державшего камышовую площадочку с пулеметом. Над его головой стрелял, пока из ушей у того, изламываясь и виляя, не поползли струйки крови. Комбат не сразу заметил их, потому что Пышкин терпел. А заметив, сменил его, стал держать на себе остатки плотика, а стрелял этот диковинный Пышкин.

Презабавный он! Уговор никому не рассказывать, как палил из пулемета со спины капитана, до сих пор не нарушил. А то ведь и солдаты есть глупые, потешались бы над своим комбатом, и начальство есть разное, могло, прослышав, и наказать...

Десантники тогда ушли с острова, двенадцать человек. Троих взяла вода, а Гогу, как звали его в солдатской семье, увезли на плоту в батальонный стан и еще дальше, на твердую землю и зарыли на станичной площадке...

Как тебе там, Гога? Степь — не родные места, конечно, не горы, которые аж под тучами, но все же и не топь, где весь век лежи один и никого не дождешься. Никто к тебе не придет. Никогда. Чего молчишь? Гога! Гога!

До отказа приподнявшись на руках, Романенко кричал. Сердце его все еще колотилось, пробиваясь на волю, но тише и тише. Стало ровней и дыхание... Он открыл глаза.

Продолжение следует.

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ПЕСНЬ ПАВЛО ТЫЧИНЫ

Лев ОЗЕРОВ

У него был тихий, певучий голос. Как профессиональный певец, он часто откашливался и пробовал — негромко — его звучание. В детстве он пел в церковном хоре. Он любил хор, ездил с капеллой Стеценко по Украине. Был дирижером хора в молодые годы.

Расцветаем песнею, писаную, устною,
вырастаем с ясною, чистою и честною,
освежаясь росною, свежей, земносною,
верной, бескорытною, как всегда
прекрасною.

Эти строки — из стихотворения «На олимпиаду хоров» (1937) — одно из проявлений стихии песенного разлива, столь характерного для Павло Тычины, этого несравненного мастера украинской литературы.

Уже первая его книга — «Солнечные кларнеты» (1918) — вызвала широкий интерес к новому поэту. Народное, песенное, родниковое соединилось здесь с утонченным, глубоким, освещенным культурой столетий.

Музыку революции, которую призвал всем существом слушать Александр Блок, услышали во всех концах страны. От поэтов Украины Тычина, вероятно, более других был способен ответить на этот блоковский призыв. «На майдане» (1918) — стихотворение о чабане, которого выбирает в вожак революционный народ. Стихотворение в шестнадцать строк несет нагрузку эпопеи. Оно вошло в антологию и хрестоматию поэзии мира. Когда Маяковского спрашивали, знает ли он украинский язык, он отвечал чтением наизусть и в оригинале этого стихотворения Тычины.

В разговорах Тычины можно было нередко уловить, что его характеристики людей и явлений идут по музыкальной линии.

«Фонетически одарен» — об одном. О другом: «Ему медведь на ухо наступил». «Он не слышит того, что написал» — о третьем, молодом авторе с безосновательными притязаниями на мгновенную славу.

Дефекты музыкального слуха Тычина воспринимал тяжело. Ему попросту трудно было такого человека понять, ибо он понимал людей и через мелодику, и через интонацию, и через голос. Недостатки слуха и ритма Тычина проецировал на недостатки речи и стиля и далее — чувства и мысли. Он морщился, когда слышал фальшивую ноту в стихотворении, и узнавал эту фальшь не только по смыслу строки, но и по ее звучанию.

Я вспоминаю летний сад под дождем. Тычина вслушивался в этот дождь. Когда дождь прошел, он вслушивался в причудливый ритмический узор капель, этаное сложное кружево, в хитросплетениях которого мудро было разобраться. Тычина не просто слушал. Он слушал увлеченно. С каким-то упоением, боясь, что кто-то или что-то может прервать блаженное состояние вслушивания.

Этот контрапункт дождевых капель был для него радостным музыкальным разнообразием мира, в сущность которого он вникал.

Прислушивание к миру, к людям, к себе переходило во внутреннюю уверенность в какой-то мысли. Он слушал — он услышал. Так возникал и утверждался замысел. Так рождался в хаосе мира упорядоченный и уверенный в себе внутренний голос его поэзии.

Одним из таких высоких озарений представляется мне созданный в 1921—1922 годах цикл «В космическом оркестре». Так же, как и «Псалом железу», он возник из духа музыки. В нем предвосхищены темы и мотивы, вошедшие в нашу жизнь, а затем в нашу литературу примерно через четыре десятилетия, в пору уже космических полетов.

Много раз замечал я Тычину находящимся во власти то одного, то другого музыкального момента. Именно в эту пору никакой другой мотив или напев не мог владеть им. Как только сходила на нет власть одного музыкально-поэтического образа, как только этот образ «отпускал» творца, можно было переходить к следующему, подчас совсем иному.

В Тычине была своя пластика, своя мелодика, которым он и подчинялся. Это было видно и по словам и по жестам, даже по походке. Связь внутреннего душевного состояния с движением человека и с его словом была здесь самой прямой и непосредственной.

В композиции своих книг Тычина придерживался тех же принципов. Вначале давалось ключевое стихотворение, оно диктовало тему всей книге, которая была, по существу, ее разработкой. Вместе с тем название этого стихотворения (правда, не во всех случаях) становилось заглавием книги:

Не голубь-дух, не Зевс, не Пан —
Звук Солнечных Кларнетов.

Здесь стала заглавием часть второй строки. Стихотворение «Плуг» открывает одноименную книгу (1920), «Ветер с Украины» (1925) — стихотворение, дающее тон всей книге того же названия. Можно думать, что по написанию такого ключевого стихотворения Тычина

открывал и другим написанным в эту пору произведениям доступ под одну обложку.

Все это не означает, что в каждой из этих книг не было и других ударных, формообразующих стихотворений, важных для всего творчества поэта. Вовсе нет. «На майдане» — одно из самых известных — вошло в «Плуг», равно как столь же хрестоматийное «Как на снег упал с коня». В «Ветре с Украины» находим и «Кожемяку», и «За всех скажу», и цикл «Улица Кузнечная».

Каждый период развития поэта соотносим с соответствующим по времени периодом нашей истории. «Музыка этой книги резко отличается от музыки первого сборника. Там — музыка нежных тонов, здесь — «музыка шумов», — говорит академик А. И. Белецкий о «Плуге». В «Солнечных кларнетах» слышится полутон нежной украинской песни, а в «Плуге» — железный гром («Псалом железу»), сдвиги обычных звучаний, подчас — консонансы.

Жестоко ненавидим медь,
бетонный мир, чугунный!

Пройдет немногим более десятилетия, и этот режущий слух железный звук, скрежет войдет в новую гармонию. Железо будет принято новой мелодикой, как принято и новой жизнью.

Медь, бетон, чугун, железо... За этими словами встает эпоха.

«О, век железный!» — воскликнул Батюшков в ужасе еще осенью 1809 года. Через четверть века Баратынский это восклицание переплавил в утверждение, почти констатацию, исполненную горечи: «Век шествует путем своим железным, в сердцах корысть...». А в XX веке Блок скажет: «Век девятнадцатый, железный, воистину жестокий век!»

Скрежет железа ужасен. Поэты дооктябрьской поры в той или иной степени испытывали на себе пожатие не каменной, а железной десницы. Железной!

У Тычины железо становится символом силы революционного духа, оно передает уверенную поступь новой жизни. Как показывают его дневниковые страницы, он и впрямь любил звуки железа. «Бьют по железу где-то в соседнем дворе, и оно так охотно звенит — высоко-высоко, с обертонами, вовсе не жалюсь на удары. Если бы я был железом — пусть жизнь была бы по мне молотом, а я бы звенел высоко-высоко, да к тому же с обертонами!» Необычно нежное лирическое признание в любви к железу. Добавление к этой записи — радостное: «Железо продолжает звенеть!»

Он мог быть дирижером, композитором, историком и теоретиком музыки, но он стал поэтом и в поэзии совместил все эти способности, наклонности и качества.

Первое из известных нам стихотворений Павло Тычины помечено 1907 годом. Последние строки написаны в больнице в сентябре 1967 года. Шесть десятилетий напряженного творческого труда. Целая эпоха!

По книгам его — от «Солнечных кларнетов» до «В серебряную ночь» и другим — прослеживается поэтическая летопись времени вплоть до середины шестидесятых годов. Образы героев гражданской войны, строителей пятилеток, искателей новых путей, ученых, художников, мыслителей, политических деятелей, космонавтов встают со страниц книг Павло Тычины, превращаясь в общий образ единой семьи наших народов. Стихи поэта стали крылатыми, они переведены на многие языки Советского Союза.

Природа образов Тычины — в природе украинского песнетворчества, в природе лирической песни, думы, исторической песни. Еще глубже: природа его образов в природе украинской речи, в исторически сложившемся национальном мышлении.

Павло Тычина входит, уже вошел в самое понятие украинской национальной культуры. Ни один поэт на Украине и за ее пределами не может в наши дни пройти мимо созданного им.

Поучительно в Тычине все: преданность идеалам юности, честность, трудолюбие, внимание к людям, стремление быть учеником, то есть совершенствоваться, ежедневно открывать новое в жизни и в поэзии, понимая и жизнь и поэзию в их единстве.

Не в отблеске ножа значенье:
Следи за остротой идей!..
Стройкой — сильней землетрясенья! —
Ты потрясешь сердца людей.

Всю страну облетает сегодня свежая, как ветер с Украины, зарева песнь поэта. Украиня и Тычина зарифмованы навеки.

ВСЕ ОТЗЫВАЕТСЯ В ЧЕЛОВЕКЕ

В. ЛИТВИНОВ

Михаил
ШОЛОХОВ

В предисловии к своей новой книге В. Литвинов подчеркивает, что ее основной ракурс — гуманистический идеал М. А. Шолохова в его художественно-эстетическом воплощении.

Исходя из представления о реальном гуманизме как о «классовой страстности, целеустремленности», критик размышляет прежде всего о правде шолоховских книг, о правде, «которая стремится помочь людям, проникая к самым корням явлений». С этой мысли и начинается исследование «шолоховского варианта «диалектики души».

Вместе с В. Литвиновым пройдем мы вновь по страницам «Ти-

В. Литвинов. Михаил Шолохов. М., «Художественная литература», 1980. 352 стр.

хого Дона» и «Поднятой целины», всматриваясь в лица героев, прислушиваясь к внутренним монологам, подмечая каждый непронизываемый жест, и перед нами отчетливо выступает самая суть новаторства писателя — найденный им «синтез народной жизни и душевного мира личности», теснейшая взаимосвязь и взаимозависимость психологии одного человека и мироощущения народа. Примером этого, как справедливо замечает критик, может служить «любой герой, будь то Подтелков или дед Щукарь», но наиболее полно эта сторона психологического мастерства Шолохова раскрывается в образе Григория Мелехова.

Детально прослеживая все его борения и метания, критик приходит к выводу, что их основа — поиски Григорием лучшей доли для народа, «только вот народ для него — весь в казачьем, хуторском краю. Это Донщина, земля, которую «прадеды кровью полили».

Дальше его зрения не хватает... Здесь же, по мнению критика, истоки трагедии Мелехова, ибо выстраданная им идея «третьего пути» для казачества, пути особого, независимого, идея политического нейтралитета в революции несостоятельна, что и доказывает суровая логика действительной жизни.

Анализ характера Григория Мелехова и многих других персонажей романа приводит В. Литвинова к мысли о том, «что «Тихий Дон» — «книга об идеях, владеющих людьми», и о том, что «идейность в людях неотделима от сугубо личного, сокровенного».

В равной степени это относится и к героям «Поднятой целины», более всего к Давыдову, Нагульнову и Разметнову, чьи характеры столь же тщательно рассмотрены автором книги и столь же внимательно соотнесены с социально-исторической обстановкой, в которой «нарождается личность, все более способная понимать и объективное движение мира, и самое себя в нем, собственные чув-

ства — как объективный фактор действительности». А действительность в данном случае — новь колхозного строительства, ломка привычных крестьянских представлений и вместе с тем — возвращение первозданного чувства коллективизма, чувства общности, освоенного, во-первых, на труде, а во-вторых, на понятии о нравственности как об «ответственности перед обществом, понимании своей собственной жизни как поступка во имя народных интересов».

В становлении нравственности на таком новом, социалистическом уровне решающая роль принадлежит партии. Ленинская партия помогла казачеству преодолеть массовое заблуждение первых послеоктябрьских лет; под воздействием ленинской партии родилась психология нового образа жизни, зримо представленная в таких персонажах «Поднятой целины», как Кондрат Майданников, Устин Рыкалин и Ипполит Шалый; ленинская партия стояла у истоков формирования «социалистического воинства, коллектива солдат новой морали».

Последний тезис немаловажен: в книге В. Литвинова много внимания уделено теме войны в творчестве Шолохова, начиная с «почеловечески бессмысленной» бойни первой империалистической и кончая массовой психологией воюющего народа в главах романа «Они сражались за Родину», характером и судьбой Андрея Соколова, говорящими «о состоянии народного духа в великой и страшной, ни с какой другой не сравнимой войне».

Завершая свое всестороннее и глубокое исследование в том же аспекте, в котором оно было начато и проведено, В. Литвинов пишет: «Взрыв революции, половодье коллективизации, могучий натиск Великой Отечественной — все отзывается в человеке уже потому, что отзывается в народе...»

Н. ЦВЕТКОВА

АВТОГРАФ ФЕТА

При жизни А. А. Фета вышло восемь сборников его оригинальных стихотворений. Кроме «Лирического пантеона», первого сборника, почти полностью уничтоженного девятнадцатилетним автором, остальные книги мне удалось собрать.

Цикл «Вечерние огни» создавался поэтом в конце жизни. Лирика Фета в эти годы достигла наивысшего расцвета. Вышло четыре выпуска, готовился пятый, но издать его Фет не успел. Особенно дорог мне третий выпуск «Вечерних огней», где на титульном листе рукою Афанасия Афанасьевича сделана дарственная надпись:

«Графине Александре Андреевне Олсуфьевой на память старик автор». А на одном из разворотов помещены два стихотворения — «Графу Алексею Васильевичу Олсуфьеву» и «Графине Александре

Графине Александре Андреевне Олсуфьевой

ВЕЧЕРНИЕ ОГНИ

Крылатый

Осенний

Вечерний

Вечерний

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ СТИХОТВОРЕНИЕ

А. ФЕТА.

ВЕРНЫЙ СЫН ДОНБАССА

К 70-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. ИОНОВА

В Донецке — столице шахтерского края есть прямая, строгая и красивая улица, откуда видны и древние терриконы шахт, и могучие корпуса металлургического завода, и сливающиеся с дымчатым горизонтом парки. Похожая на нее и внешностью и характером улица живет и в Шахтах, Ростовской области. Обе они носят имя Алексея Васильевича Ионова.

Таким уважением и любовью ответили земляки своему писателю, изобразившему в правдивых, талантливых произведениях Донбасс как отчизну героев. Само слово «Донбасс» стало для него, в прошлом орловского крестьянина и донецкого угледобытчика, си-

нонимом мужества, подвига, чести и доброты. Не случайно оно кровно входит в названия самых значительных книг знатока шахтерской души — «Песни и сказки Донбасса», «Донбасс — земля героев», «Донбасс непреклонный», «Зарево над Донбассом»...

И в собранном им в течение многих десятилетий шахтерском фольклоре, и в согретых жарким сердцем его очерках и рассказах, и в самом крупном по художественной мысли и форме произведении — романе он исповедует любовь к своей земле, той самой, которую сразу же узнаешь, как горняк по синим угольным отметкам под глазами.

Не было, пожалуй, после Павла Беспощадного и Бориса Горбатова такого писателя, который выразил бы свою любовь к Донбассу так глубоко и всесторонне, как Алексей Ионов.

Его рассказы, посвященные до-революционному прошлому углубов и написанные в лучших традициях русской классической литературы, уходят своими корнями в благодатную почву народного творчества. Это — «Песня о коногоне», «Смолянка», «Салодавка», «Саур-Могила», «Горючие слезы». Художественную летопись шахтерского края продолжают «Наследство Лукина», «Полюшка», «Сердце девичье». Со страниц многопланового, со сложными коллизиями романа «Зарево над Донбассом» встают образы секретаря обкома партии Стругова, шахтерского сына Андрея Русанова и многих других советских людей, олицетворяющих эту всенародную силу, которая спасла планету от фашистской нечисти и дает сегодня нам счастье видеть мирное небо.

Значительное место в творчест-

ве Алексея Ионова занимает ленинская тема, в решении которой он выступает как первооткрыватель еще не освещенных в литературе событий. Она окрылила его рассказы «День завтрашний придет» и «Ходони».

Около тридцати книг шахтерского писателя вышло в издательствах Донецка, Ростова, Киева и Москвы. Большинство из них стали верными друзьями и советчиками самого взыскательного читателя и получили высокую оценку таких мастеров, как Л. Леонов, К. Паустовский, К. Симонов.

Много лет Алексей Ионов отдал журналистике. Он был собственным корреспондентом «Правды» и «Литературной газеты». Видимо, эта беспокойная работа, требующая энергии и подвижности, сыграла важную роль в его писательской и человеческой судьбе, научила быть в самой гуще событий, смотреть на вещи по-государственному. Он, с болью отрываясь от рабочего стола, считал своим долгом отстаивать всенародные интересы и всегда оставался непоколебимым, принципиальным защитником славных литературных традиций. Скольких теперь уже широко известных, а тогда молодых писателей благодарны ему за эти мужественные уроки партийности.

Сегодня ему исполнилось бы семьдесят лет. Пять из них — и это горько сознавать — его уже нет среди нас. Но живут его прекрасные книги, а значит, и его любовь. И есть улицы его имени — верного сына земли героев, улицы, ведущие туда, где добывается каменный уголь, выплавляется металл, плодоносят сады и звучат шахтерские песни.

Владимир ДЕМИДОВ

Андреевне Олсуфьевой, при получении от нее гиацинтов». Последнее стихотворение небольшое, поэтому приведу его полностью:

В смущении ум, не свяжешь
взглядом

И нем язык:
Вы с гиацинтами, — и рядом
Большой старик.
Но безразлично, беззаветно
Власть Вам дана:
Где Вы царите так приветно, —
Всегда весна.

2 января 1887.

Владельцы заказали для книги изящный полукожаный переплет, на корешке, помимо фамилии автора и названия, отпущены золотом инициалы «А. О.» с короной. На внутренней стороне переплета наклеен гербовый экслибрис Алексея Олсуфьева.

Автограф Фета адресован Александре Андреевне Олсуфьевой — высокообразованной женщине, о чем свидетельствует ее обширная переписка с П. А. Вяземским, П. И. Бартеневым, историком литературы, библиографом, основателем и редактором журнала «Русский архив», Н. П. Барсуковым, библиографом, директором архива министерства народного просвещения, членом Общества любителей российской словесности.

В газете «Московские ведомости» 1903 года в № 228 была помещена заметка, сообщавшая, что А. В. Олсуфьев, высоко ценивший литературную деятельность А. А. Фета, после его смерти оригинально выразил свое глубокое уважение поэту. В своем имени — селе Ершове (в трех верстах от Звенигорода), на западной стене церкви он прирепил белую мраморную доску с надписью: «В память великого поэта Афанасия Афанасьевича Фета, удостоившего своею дружбою владельца села Ершова».

Родился 23 ноября 1820 г. Скончался 21 ноября 1892 г. К сожалению, церковь, построенная замечательным русским архитектором А. Г. Григорьевым, была взорвана фашистами во время кратковременной оккупации Ершова.

Анатолий МАРКОВ

ПРИЗВАНИЕ ВЕРОНИКИ ДОЛИНОЙ

Фото Н. Титовой

ГОСТИ «КОГОЛЬКА»

Могла ли тогда Вероника Долина представить, что работа в школьной библиотеке — первый шаг на пути, ведущем к участию во многих конкурсах клуба самодеятельной песни? Как можно было догадаться, разговаривая с ребятами возле стеллажей с детскими книжками, что бесхитростные беседы эти внесут в ее песни то неповторимое своеобразие, которое выделит Долину среди исполнителей авторской песни, сделают ее одним из самых популярных представителей этого жанра?..

— Никогда раньше у меня не было случая столь легко, столь свободно разговаривать с людьми, — вспоминает Долина. — Простота и доверие заставляли забывать о разнице в возрасте. Я поняла, что взрослым есть чему поучиться у ребят, например, искренности, непосредственности в общении друг с другом.

Вот так и возникла в ее песнях «для взрослых» тема верности детским идеалам. И появилось в них удивление ребенка, вдруг понявшего, что повзрослел; что оказался среди взрослых забот, проблем; что надо менять привычные ребяческие представления. Конечно, пора бы расстаться с наивностью, непосредственностью, но героям песен Долиной такой «обмен» кажется невозможным, они не хотят расстаться с простодушным восприятием мира...

И в музыке Долиной, мелодичной, нежной и немного грустной, тоже звучит этот мотив, ставший одним из основных в ее творчестве.

Когда Вероника училась в музыкальной школе, она пробовала писать музыку на чужие стихи. Любимым поэтом был Есенин. Открывала томик его стихов, пыталась выразить свое отношение к ним, придумать

свое музыкальное сопровождение. Страсть к сочинительству не покидала ее ни в театральной студии Дворца пионеров, ни в Московском государственном педагогическом институте. Увлечение песней привело ее в одно из московских литобъединений.

Здесь проявилось у Долиной то внимательное отношение к слову, к собственным стихам, какое не так уж часто встретишь у ее коллег. Ведь человек, являющийся одновременно и автором песни и ее исполнителем, может так или иначе сделать незаметной для слушателя неладно скроенную фразу: порой изящество мелодии и проникновенность вокала скрывают смысловые недостатки. Долину не сбавляет доступность такого пути, ведь, призывая к искренности, нельзя фальшивить даже в малом. Кропотливая работа над словом наделяет ее песни завидным свойством: оказавшись на бумаге, они становятся стихами. Это подтверждает недавно появившаяся в печати поэтическая публикация В. Долиной.

В 1977 году она заняла первое место на конкурсе Московского клуба самодеятельной песни. Затем стала лауреатом фестиваля туристской и патристической песни имени Валерия Грушина, фестивалей в Казани и Минске.

Сердечность, откровенность, доверительность — вот что ощущаешь прежде всего, слушая Долину. Песни Вероники лишены манерности, ложной многозначительности, их отличает простота и ясность поэтической и музыкальной мысли.

Вероника Долина идет своим путем — единственным для нее возможным.

Н. КАЛУГИН

КОНТЕЙНЕР ВМЕСТО ПРИЛАВКА

Н. РОМАНОВ,
начальник Управления
торговли Мингорисполкома

Грузовик остановился у магазина. Ящики из кузова носили минут, наверное, двадцать. Их неудобно было доставать и таскать в помещение. А ведь в век бурного технического прогресса можно иначе — быстрее и с меньшей затратой сил. Изобретать ничего не надо — придуман контейнер, облегчающий и ускоряющий перевозки и погрузку-выгрузку товаров. Тогда зачем этот разговор? Увы, он необходим: контейнеризация в торговле развивается и внедряется медленно. Нельзя сказать, что к контейнерам торговля безразлична. Есть поучительный опыт их применения в Клайпеде, в Донбассе. Белоруссия одной из первых начала внедрять контейнеризацию и может уже, пожалуй, делиться результатами первых опытов. Но...

Немудреная вещь — этот контейнер: металлический каркас, полки внутри — да колесики внизу (есть контейнеры и без них). На предприятии в него загружается товар — хлеб или фасованная крупа, бутылки с минеральной водой или консервы, пиво или сахар... Контейнер грузится в машину, а из нее прямо в торговый зал. Что может быть удобней?

В 1976 году в Белоруссии было принято решение, в котором министерства торговли, пищевой промышленности, заготовок обязывались заняться изготовлением контейнеров. Прошло несколько лет... Министерство заготовок еще, по сути дела, и не приступило к организации производства контейнеров. Минпищепром отправляет в контейнерах хлеб только в двух городах республики, да и то не во все магазины. Министерство мясной и молочной промышленности «преуспевает» примерно так же.

Я говорю о положении с изготовлением контейнеров в Белоруссии, но проблема эта союзного значения. И выросла она из неоправданных попыток решить ее кустарным путем. Министерство торговли БССР, скажем, создало проектно-конструкторское и технологическое бюро по механизации, в упряжке с ним действует подчиненный министерству Гомельский завод. За четыре года он изготовил около тридцати тысяч контейнеров. Но это ведомственная ветвь. У Министерства пищевой промышленности, например, нет ни конструкторского бюро, ни солидной производственной базы. Как ему быть? Не так просто найти предприятие, готовое взять заказ на контейнеры. Видится насущная необходимость централизации производства контейнеров для торговли. Достаточно разработать наиболее практичную конструкцию, передать изготовителям соответствующие фонды на сырье — и контейнеры перестанут быть дефицитом.

Надо сказать, что очень трудно решается проблема фондов на металл. В принципе союзным правительством поддержана заявка Министерства торговли СССР на металл для контейнеров, практически же выделенные фонды на-

столько незначительны, что не позволяют развернуть производство в нужном масштабе. Белоруссия, скажем, получила в прошлом году 12 тонн нержавеющей стали для изготовления хлебных контейнеров — этого хватит на 500 штук. Ясно, что так проблему скоро не решишь.

Сейчас, когда в преддверии XXVI съезда партии мы обсуждаем проект «Основных направлений», вопросы современного оснащения торговли особенно важны. Мы горячо поддерживаем требования проекта «Основных направлений»: «...укреплять материально-техническую базу государственной и кооперативной торговли». Ведь контейнерные перевозки товаров с предприятия на склады или прямо в торговые залы сокращают время на погрузо-разгрузочные работы примерно в пять раз. А это при растущей нехватке рабочей силы имеет большое значение. Контейнеры вдобавок позволяют в полтора-два раза сократить площади для размещения товаров в магазинах, помогают поднять культуру торговли. К тому же отпадает или сокращается потребность в ящиках.

Еще один пример — «Фрунзенский» универсам в Минске. Тут подсчитали: прежде хлеб и булки привозили в деревянных лотках, на разгрузку ставили грузчика и двух продавцов. На всю эту операцию уходило около сорока ми-

нут. На разгрузке такого же количества хлеба в контейнерах теперь занят один человек, и времени у него уходит 10—15 минут. Ускорились подача товаров в торговый зал, в складских помещениях стало просторнее — меньше скапливается тары.

Но контейнер тоже надо привезти. И тут следует сказать о специальном автотранспорте для торговли. Если взять справочник по машинам, который вышел примерно двадцать лет назад, и справочник недавний, увидишь, что прибавки в семействе специальных автомашин почти нет. Контейнеры надо перевозить на грузовиках, приспособленных для этого. Такие автомобильная промышленность не выпускает. Нужны машины с особыми бортами, обеспечивающие удобство и быстроту погрузки и выгрузки. Если их делают, то так же, как контейнеры, кустарно, изыскивая подходящие (а порой и не очень подходящие) возможности. Не хватает машин с подогревом кузова для перевозки продуктов в холодное время. Нет специального транспорта для доставки школьных завтраков и обедов. Есть необходимость в автомобиле, на котором можно заменить цистерны и в зависимости от потребности возить то молоко, то квас, то пиво. Не все специальные автомобили для торговли и обслуживающих ее отраслей промышленности отличаются рациональностью конструкции. Надо полагать, в одиннадцатой пятилетке отношение к производству автомобилей, обслуживающих торговлю, изменится.

Техническую оснащенность торговли следует совершенствовать заинтересованно и активно.

Минск.

Елена ЕЛЕННИКОВА

Историки до сих пор не сошлись в едином мнении: что появилось раньше — платье, полезное по всем доводам здравого смысла, или же серьги, кольца, ожерелья — словом, украшения, лишённые всяких признаков утилитарности.

Платье древних было простым по крою и служило личной потребности человека, а вот украшения были обращены на общество, служили знаками личных заслуг; даже любовь к женщине получала материальное выражение в количестве ценных подарков — украшений. Позднее украшения (их уже стали прямо называть драгоценности)

платье из хлопка или шерсти. Современная мода ищет выхода из привычных форм, стремится как бы «растормошить» костюм. Классическое украшение — элегантная цепь с кулоном придает некоторую солидность облику, и молодежь открывает новые варианты: две, три, четыре цепочки с мелкими брелочками. А для самых юных — совсем нетрадиционные решения: кожаные и тканые шнуры с самыми разными предметами — цветные кубики и диски вперемежку с металлическими шариками и колечками; можно повесить даже крошечный флакон духов с законсервированными в нем мелкими цветами.

Дневной свет не выносит граней камней. Их надеваем только к вечернему платью. Подвески украсят лишь женщину высокую, с изящным овалом лица и «маленькой» головой. Вырез платья повторяет форму кольца, во всяком случае, не спорит с ней. К ткани с металлической нитью не годятся стеклянные украшения. Плотным тканям более близки непрозрачные камни, воздушным — легкие, нежные цепочки, прозрачные бусы, жемчуг.

Современный вкус — противник подделок, и мы становимся все более равнодушны к бижутерии.

В средневековые существовали целые родословные драгоценных и полудрагоценных камней с описа-

СИЛА ПРИВЫЧКИ

С. СОЛОДОВНИКОВ

Пикник подошел к концу. Мастер «Автосервиса» Федор Шпалов дирижерским махом опустил крышку багажника и сел за руль. Жена, занявшая свое привычное место рядом, уже успела принять тот скучающе-снисходительный вид, по которому можно безошибочно отличить супругу владельца автомобиля от случайных и всех прочих попутчиц.

— Ну, домой, — напутствовал себя Шпалов и повернул ключ зажигания. Мотор безмолвствовал. Федор хмыкнул и, открыв капот, вылез из машины.

Опытный взгляд механика быстро отыскал причину неисправности: вышла из строя катушка зажигания.

— Ладно, — успокоил жену Шпалов. — Через пять минут поедем.

Федор не хабрился. В багажнике его новенькой «шестерки», помимо зного количества запасных амортизаторов, стартеров, генераторов, трамблеров и прочих «аторов» и «вров», лежала и новая катушка зажигания, которую Шпалов вынес на днях со станции, но еще не успел осчастливить ею одного знакомого музыканта, сулившего за нее Федору золотые горы.

«Не повезло лопуху», — усмехнулся про себя Шпалов, представляя, как расстроится клиент, узнав, что заветная катушка снова «ушла». И вдруг что-то толкнуло его в самое сердце...

— Ну, что ты медлишь? — недовольно спросила жена. — В театр опоздаем.

— Не могу я... так, — не сразу ответил Шпалов.

— Как не можешь? — не поняла жена.

— За просто так не могу, понимаешь? Мне за нее, — Федор кивнул на катушку, — один чувак знает сколько обещал?

Жена внимательно посмотрела на мужа и по сосредоточенному выражению его лица догадалась, что он не шутит.

— Сколько он тебе обещал? — спросила она.

— Тридцатник, — честно ответил Федор.

Жена порылась в своей сумочке. — Денег я с собой не брала. Зато вот, — сказала она, протягивая мужу новенькую блестящую зажигалку. — «Ронсон». Того стоит. Сделаешь машину — твою.

Шпалов взял зажигалку, повертел ее в руках, чиркнул пару раз, проверяя исправность, и сунул в карман.

— Хоккей, — привычно буркнул он и подсоединил контакты.

ЛЮБИТЕ ЛИ ВЫ УКРАШЕНИЯ?

стали олицетворением материальной состоятельности, знаком социального престижа.

Не потеряли они этого значения и в наши дни, только понятие престижа стало иным. Современное общество видит престиж человека прежде всего в его образованности, культуре. Отразилось это и на всем предметном мире, окружающем нас. И одежда и украшения освободились от символических смыслов, единственное их назначение — подчеркивать физическую красоту владельца, обслуживать его духовную потребность в прекрасном. Но они стали и индикатором его культуры.

Вкус воспитывается на культурном наследии прошлого, но без ощущения тенденций современности он никогда не станет совершенным, точным.

К сожалению, вокруг нас еще достаточно людей, не слышащих этого голоса современности. Не только в праздник, но и в будний день можно увидеть женщин с гроздьями золотых колец на пальцах и с целыми изваяниями из золота и тяжелых камней в ушах. Можно ли считать их украшениями? Безликие, штампованные тысячи. И что они могут сказать о своей хозяйке? Что у нее была возможность их приобрести. Не более. Зато могут сказать нечто не совсем лестное. Обыкновенная, безликая вещь свидетельствует об обыкновенности духовной.

Сегодняшняя мода на белые кольца, цепочки из нержавеющей металла, деревянные бусы — отнюдь не временное увлечение в поисках оригинальности и новизны или компромиссный выход для тех, кто не имеет драгоценностей. Это позиция современного вкуса: украшения, аксессуары — лишь декоративное дополнение костюма, их назначение — обострить характер облика, подчеркнуть стиль костюма.

Нельзя надеть прозрачные бусы под деловое спортивное сафари. Сразу нарушится стиль. А вот кожаный «ошейник», металлические цепочки, деревянный, керамический брелок на шнурке окажутся здесь на своем месте. Деревянные бусы, эмалевые медальоны, плетеные косички из кожи или ниток интересно дополняют фольклорное

ним их свойств и способностью влиять на судьбы людей. Женщины обычно носили только те камни, которые, согласно рекомендациям, принесли бы им счастье. Современная женщина больше доверяет художнику и выбирает те, что подчеркнут ее красоту. Каждая индивидуальность нуждается в конкретном решении, но есть и общие правила. Одухотворенность облика — одна из определяющих черт современного идеала. А это значит, что прежде всего выделяются, подчеркиваются глаза. И камень-украшение обязательно согласуется с их цветом. Зеленоватые глаза станут более выразительными от зеленых оттенков камней — агата, яшмы, малахита; карие, золотистые — от янтара, топаза, сердолика; к черным же — контрастные, насыщенные цвета коралла, бирюзы...

Молодые люди острее чувствуют новое, но их вкус еще не устоялся, и именно оттого порой рождается мода нелепая и даже уродливая. Забавный, шутиливый ерлаш брелоков на разных цепочках перестал быть забавным, когда среди них появились бритва, натуралистическая кисть руки. Безвкусица берет начало в неразвитости чувств и воображения. Человека, тонко чувствующего окружающий мир, эти предметы сразу оттолкнули, и он никогда не сделает их своими.

Каждый символ обозначает определенный свод понятий и убеждений, за ним стоит конкретная идеология. И если мы присваиваем один лишь знак, не разделяя идеологии, которая стоит за ним, тут же возникает заведомая ложь, безвкусица. Порой встречаешь юношу и девушку с крестиком на спортивном свитере или на ремешке часов. Необходимо заметить, что христианский крест никогда не был украшением. Его носили только те, кто принял обряд крещения. А юноша с крестиком в небрежно расстегнутом вороте рубашки — кто он? Христианин? Вряд ли. Спросите у него простейшую притчу из Библии — сомнительно, что получите внятный ответ. Комсомолец? Но почему же на его груди знак чуждой идеологии? Это просто отсутствие вкуса и полное невежество.

Мысли вслух

«Все проходит» — девиз грузчиков мебели.

Обожаю лечиться. Мечтал умереть здоровым.

Выдержка — то качество, которое ценится не только в коньяках.

Была бы совесть, а за угрызениями дело не станет.

Николай КАРНОВИЧ

Если я строг к себе — справедлив ли я?

Валерий ВОРОНЦОВ

Когда муж и жена разговаривают на разных языках — дети не становятся полиглотами.

Так набил себе цену, что сам себе стал не по карману.

Олег СОСНИЦКИЙ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСАЛЬНЫЙ

ЦУМ — московский старожила. С начала нашего века стоит этот торговый дом — в свое время знаменитый магазин «Мюр и Мерилиз». С той поры, как стал он национализированным универсамом № 1 «Москоммуну», а через пять лет после этого, весной 1922 года, первым в стране государственным универсальным магазином, ЦУМ и поныне одно из самых посещаемых торговых предприятий страны: только в основном здании ежедневно делается более ста тысяч покупок. Но ЦУМ — это не только хорошо знакомый москвичам и гостям дом около Большого театра. Это и две улицы не менее известного «Петровского пассажа», это «Светлана», это магазинчики Столешникова переулочка, другие цумовские филиалы.

Но я не стал бы замыкать ЦУМ в рамки только торговых зданий. Замечал не однажды, что не всегда удается застать за своим рабочим столом главного товароведа универмага, ветерана войны и труда Владимира Алексеевича Мамаева. Он, как и его коллеги, немало времени проводит на промышленных предприятиях — у по-

ставщиков: у ЦУМа прочные деловые контакты с фабриками, комбинатами, заводами. Его работники — свои люди у швейников и часовщиков, у текстильщиков и производителей радиоаппаратуры. Много копий поломано, много было разговоров, прежде чем убедил поставщиков: ради покупателя и, если хотите, ради престижа того же промышленного предприятия столь настойчивы торговые представители. Потому что нынешний покупатель знает, что этот вот, скажем, магнитофон хорош, а те, что шпалерами стоят на полках, лучше не покупать. Да и не порекомендует его продавец — если, конечно, это знающий и совестливый продавец.

Сегодня хорошая работа магазина зависит не только от того, как встретил вас продавец, что он сказал, как посмотрел. Само собой, магазин должен одаривать улыбкой, но прежде всего сюда идут за товаром. И тут-то слово за поставщиком. Прежде чем продать, надо получить. И цумовцы без устали добиваются нужного товара, присматриваются к нему на оптовых ярмарках, ежедневно бывают на предприятиях, организуют выставки-продажи, приглашают за прилавком швейников и обувщиков — словом, работают. В универсаме создана своя диспетчерская служба, которая следит за тем, чтобы товар был на прилавке. Заключили договор — с теми, кто делает ткань, кто шьет из нее.

Не все ладно, однако. Как-то получили из Харькова обуви на 200 тысяч рублей, начали разбирать — только руками развели. Пришлось на 90 тысяч рублей забрать. Всего же за год ЦУМ вернул на фабрики 42 контейнера обуви, которую не решились предложить покупателю.

Коллектив ЦУМа стал инициатором Всесоюзного предсезонного соревнования торговых работников страны. Закономерны почетные знамена и грамоты, другие знаки признания, подтверждающие: ЦУМ всегда был в первом ряду торговых домов страны. И не собирается сдавать позиции.

К. КОСТИН

ВСТРЕЧА

С МАРКОМ ТВЕНОМ

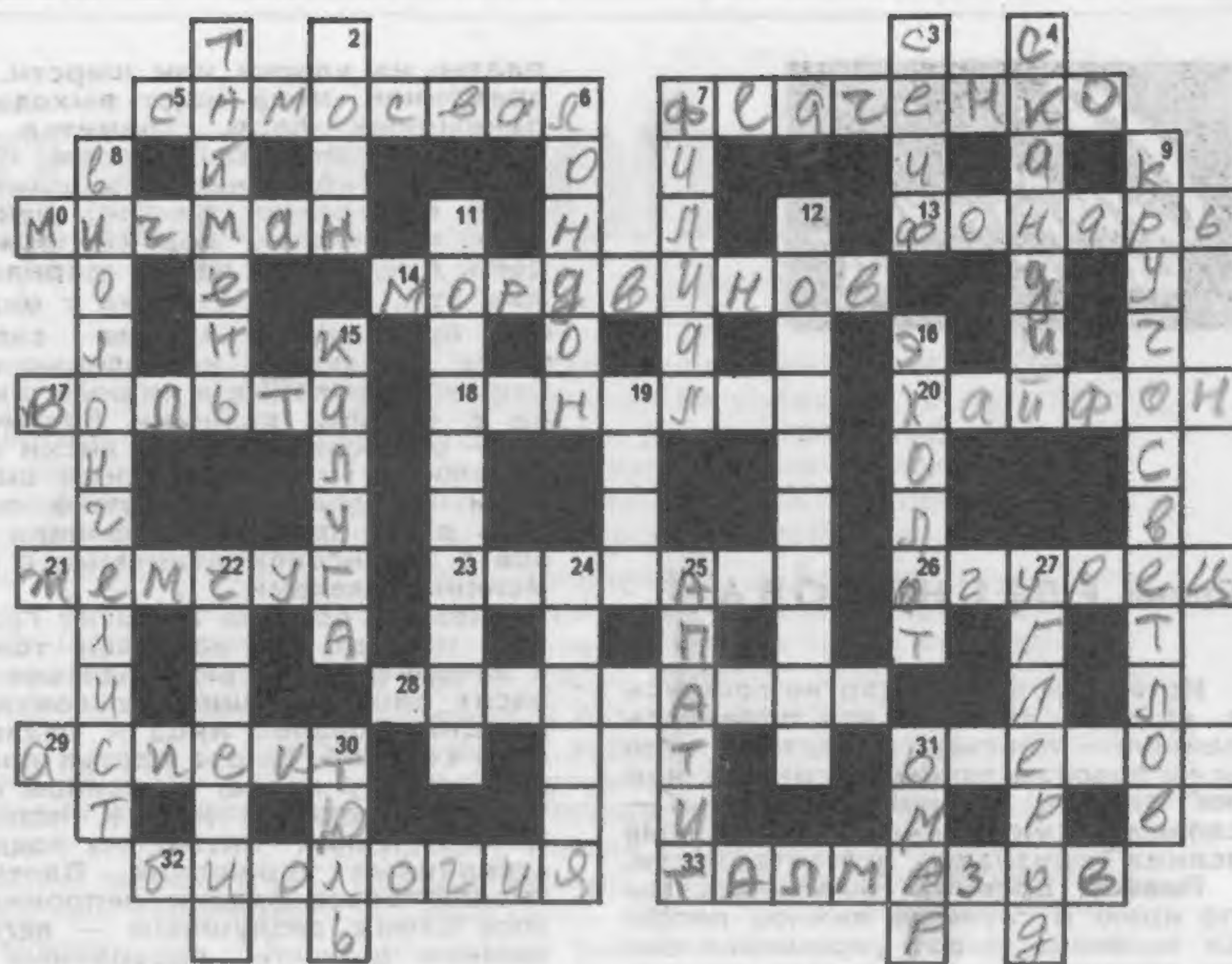
Почти каждый художник мечтает проиллюстрировать близких ему по духу писателей. У меня давно было желание создать рисунки к Марку Твену.

За минувшие годы посчастливилось иллюстрировать произведения Ярослава Гашека и О'Генри, Ч. Диккенса и Джеромом К. Джеромом, И. А. Крылова, Остапа Вишни и других писателей, многих наших современников.

И вот не так давно я закончил работу над серией рисунков к собранию сочинений Марка Твена. Его книги дают художнику возможность что-то досказать. Этот американский писатель и как юморист и как сатирик мне особенно близок.

Здесь представлены только четыре иллюстрации к «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура», произведению, которое вышло в восьмитомном издании в приложении к журналу: «Библиотека «Огонек» — зарубежная классика».

Иван СЕМЕНОВ,
народный художник СССР

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Разновидность грузового автомобиля. 7. Русский естествоиспытатель, путешественник XIX века. 10. Звание в военно-морском флоте. 13. Осветительный прибор. 14. Народный артист СССР, лауреат Ленинской премии. 17. Река в Западной Африке. 18. Народный танец в Австрии, Южной Германии. 20. Порт во Вьетнаме. 21. Драгоценное перламутровое вещество. 23. Центр штата в Бразилии. 26. Овощное растение. 28. Русские частушки любовного содержания. 29. Точка зрения, с которой воспринимается определенное явление, понятие. 31. Спутник планеты Уран. 32. Комплекс наук о живой природе. 33. Народный артист СССР, выступавший на сцене МХАТа.

По вертикали: 1. Лососевая рыба. 2. Физик-теоретик, один из основоположников квантовой механики. 3. Несгораемый металлический шкаф. 4. Химический элемент. 6. Писатель, зачинатель революционной литературы в США. 7. Отделение предприятия, учреждения. 8. Музыкант. 9. Персонаж комедии Л. Н. Толстого «Плоды просвещения». 11. Стихотворение В. В. Маяковского. 12. Рассказ А. П. Чехова. 15. Осетровая рыба. 16. Гидроакустический прибор для измерения глубин моря. 19. Растение семейства бобовых. 22. Действующее лицо оперы М. П. Мусоргского «Сорочинская ярмарка». 24. Река в Якутии. 25. Минерал, сырье для фосфатных удобрений. 27. Химический элемент. 30. Прозрачная сетчатая ткань. 31. Крупный морской рак.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали: 7. Беломорск. 8. Кардиолог. 9. Соболь. 10. Клупп. 11. Линанг. 14. Звягинцев. 15. Глоксиния. 17. «Тангейзер». 19. Эритрит. 23. Госпиталь. 26. Стереотип. 27. Токарь. 28. Факел. 29. Стерня. 30. Рисование. 31. Индонезия.

По вертикали: 1. Мемориал. 2. Поморник. 3. Экология. 4. Экспонат. 5. Возничий. 6. «Сомнение». 12. «Двенадцать». 13. Вернадский. 16. «Огни». 18. Зима. 20. Рапсодия. 21. Толчанов. 22. Тартарен. 23. Геодезия. 24. Теккерей. 25. Лицензия.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В отделе готового платья. Продавец В. Киссель помогает покупателю выбрать обновку. (См. в номере материал «Центральный универсальный».) Фото С. Петрухина.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Рисунки И. Семёнова к произведению М. Твена «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура». (См. в номере материал «Встреча с Марком Твеном».)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

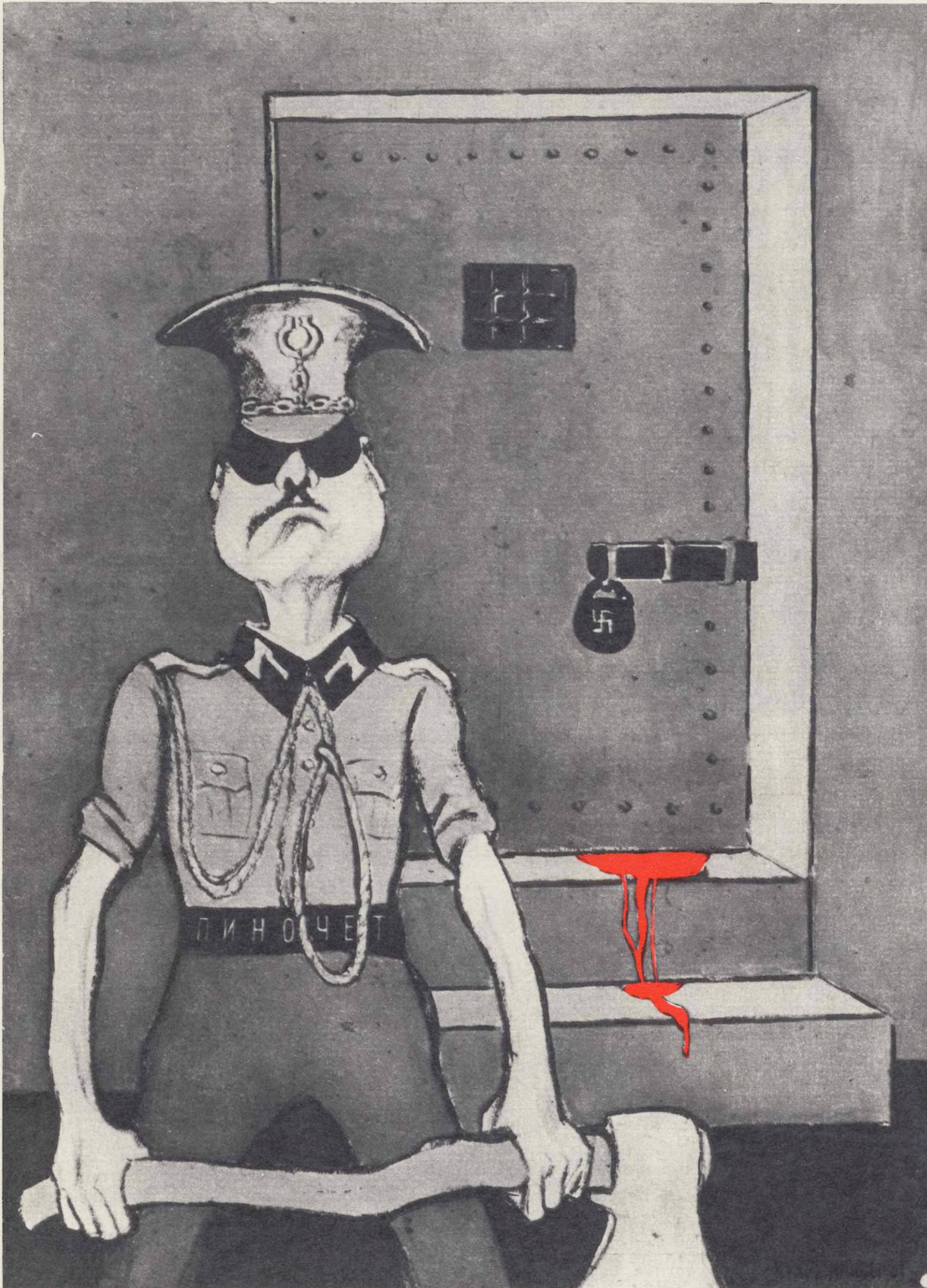
Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 5.1.81. Подписано к печати 20.1.81. А 00313. Формат 70×108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 790 000 экз. Изд. № 228. Заказ № 3524.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Права народа Чили
В застенки заключили.

Дм. ДЕМИН

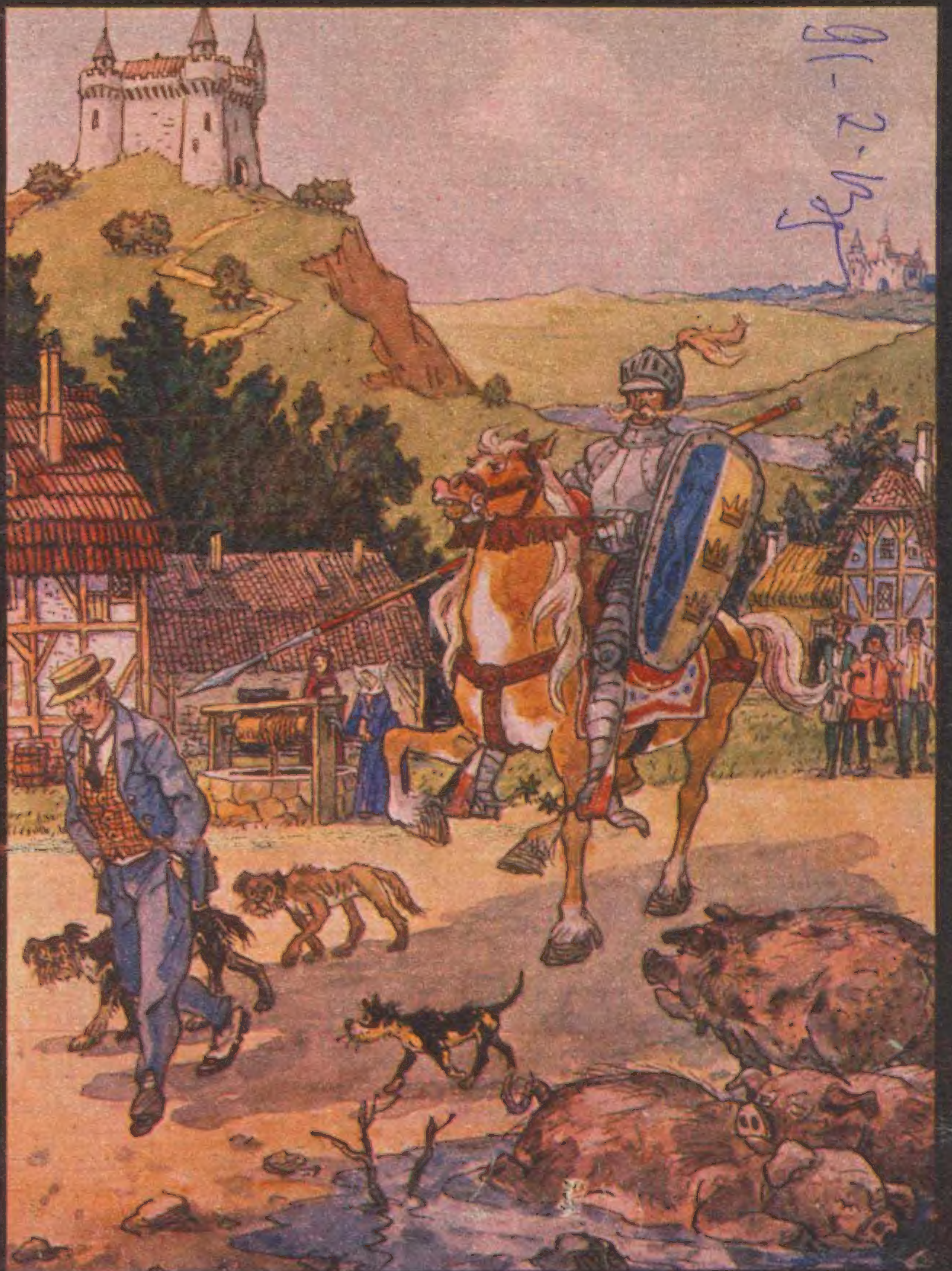
Рис. КУКРЫНИКОВ

Цена номера 35 коп.

Индекс 70663

ISSN 0131—0097

